

ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

История развития, подготовка кадров,
научные исследования

I

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

ТАРТУ 1982

Тартуский государственный университет
Институт истории АН Эстонской ССР
Эстонское отделение Советского национального
объединения
истории и философии естествознания и техники

ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

История развития, подготовка кадров,
научные исследования

I *МБ.*

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Тезисы докладов Всесоюзной (XIII Прибалтийской)
конференции по истории науки, посвященной 350-летию
Тартуского государственного университета

ТАРТУ 1982

Редакционная коллегия:

**К. Сийливаск (отв. ред.), У. Пальм, В. Хаамер,
К. Мартинсон, М. Тальфельт**

ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ.
История развития, подготовка кадров, научные исследования.
Выпуск I.
ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ.
Тезисы докладов.
На русском языке.
Тартуский государственный университет.
ЭССР, 202400, г.Тарту, ул.Оликооли, 18.
Ответственный редактор К. Сийливаск.
Корректор Н. Чикалова.
Сдано в печать 16.09.1982.
МВ 03751.
Формат 60x84/16.
Бумага писчая.
Машинопись. Ротапринт.
Условно-печатных листов 12,09.
Учетно-издательских листов II,97.
Печатных листов 13,0.
Тираж 500.
Заказ № 982.
Цена I руб. 80 коп.
Типография ТТУ, ЭССР, 202400, г.Тарту, ул.Пялсона, 14.

© Тартуский государственный университет, 1982

О НЕКОТОРЫХ ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ И ФУНКЦИЯХ
РАЗВИТИЯ ТАРТУСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА
(1940 - 1980 гг.)

А. Кооп (Тарту)

350-летний юбилей Тартуского университета - это значительное событие в научной и общественной жизни нашей страны. Пройдя сложный и противоречивый путь развития, университет внес значительный вклад в сокровищницу мировой науки, в дело развития просвещения, общественной мысли и передовой культуры. В истории университета можно выделить несколько периодов, различаемых по организации и содержанию обучения, языку преподавания, функциям образования, определяемыми как экономическими, так и социально-классовыми целями подготовки специалистов.

Качественно новый период в развитии университета наступил в связи с победой социалистической революции в Эстонии и с восстановлением советской власти в 1940 г., сущность которого определяется закономерностями развития и функционирования социалистического способа производства. На этом новом этапе университет сохранил историческую преемственность, передовое и прогрессивное наследие прошлого, развивая его в условиях реального социализма.

Став составной частью социалистической системы образования нашей страны, Тартуский университет превратился в важнейший центр науки, образования и культуры Эстонии. В становлении университета как советского высшего учебного заведения имелись и свои специфические особенности. Социалистические преобразования в прибалтийских республиках, в том числе и в Эстонии, начались в условиях, когда в нашей стране уже победил социализм и сложилась соответствующая ему система образования. Это дало возможность молодым республикам, используя опыт и помощь других братских республик, в исключительно короткие сроки завершить переходный период, осуществить полную победу социализма и выйти уже в начале 60-х годов также на рубежи развитого социализма. Все это определило и ха-

ракти, и темпы преобразований в области образования.

В развитии Тартуского университета начиная с 1940 г. можно выделить три периода: 1) период социалистических преобразований и становления университета как советского вуза (1940-1950/51 года); 2) период достижения полной победы социализма и перехода к развитому социализму (начало 50-х - начало 60-х годов) и 3) период развитого социализма (начало 60-х годов до настоящего периода).

Сложные и многогранные задачи встали перед университетом на этапе становления его как советского, социалистического учебного заведения. Социалистические преобразования, начатые в 1940/41 учебном году, были прерваны фашистской оккупацией Эстонии, длившейся до 1944 г. Университету был нанесен огромный материальный ущерб: большинство зданий было разрушено, разорена и выведена из строя научно-лабораторная и учебная база. Значительными были потери профессорско-преподавательского состава. Сразу же после освобождения Эстонии изпод фашистской оккупации ЦК КП Эстонии и правительством была разработана программа возобновления деятельности университета и осуществления в нем коренных преобразований. С осени 1944 года до начала 50-х годов была проведена большая работа по перестройке структуры, организации научной и учебно-воспитательной работы, общественно-политической деятельности и управления университетом, а также осуществлены работы по восстановлению его материально-технической базы. Все эти коренные преобразования проводились в условиях острейшей классовой борьбы.

Важнейшей задачей было осуществление перехода на новое содержание обучения, воспитание и перевоспитание как студенчества, так и профессорско-преподавательского состава в духе марксизма-ленинизма, формирование научного мировоззрения, преодоление консервативных, а зачастую и реакционных традиций старой высшей школы. Поэтому важнейшей задачей стало решение проблемы кадров. В университет были направлены на работу квалифицированные преподаватели-эстонцы из вузов Москвы, Ленинграда и других научных и вузовских центров страны. Однако главной задачей было использование профессорско-преподавательского состава буржуазного периода: во-первых, не-

обходимо было привлечь передовую, демократическую часть его, особенно ту, которая прошла школу политической закалки в советском тылу или в рядах Эстонского национального корпуса, к активному участию в научной и учебно-воспитательной работе. Во-вторых, необходимо было использовать колеблющуюся и лояльную его часть, создавая благоприятные условия для ее перевоспитания и, в-третьих, необходимо было отстранить от работы в университете враждебную советской власти профессию. В конкретных послевоенных условиях вторая группа старой интеллигенции была самой многочисленной. Многие прогрессивные преподаватели были расстреляны или замучены в концлагерях, с другой стороны, наиболее реакционная часть ее покинула Эстонию вместе с оккупантами. Если в 1941 году по состоянию на 15 апреля в университете работал 281 преподаватель, среди них 71 профессор, то в 1946 г. — 326 преподавателей, среди которых было лишь 46 профессоров. С 1945—1949 гг. осуществлялась переаттестация ученых степеней и званий, в 1949—1950 гг. ряд профессоров и доцентов был освобожден от работы в университете по идеологическим соображениям. В 1946 г., в связи с учреждением Академии наук ЭССР, и в последующие годы многие ведущие профессора перешли на работу в академические институты. В 1951 г. на базе сельскохозяйственных факультетов университета была создана Эстонская сельскохозяйственная академия. Из университета ушло 95 преподавателей, среди них 8 профессоров. Несмотря на то, что с 1945 г. в университете была разрешена защита диссертаций по 35 специальностям, с 1946 г. — по 55, а с 1945 г. была восстановлена аспирантура, проблема кадров становилась еще более острой. Так, в университете в 1951 г. осталось лишь 20 докторов наук, профессоров и 55 кандидатов, доцентов. Значительные изменения произошли в социальном составе студенчества. В 1948/49 уч. году студентов из рабочих семей было уже 40,9 %, из крестьянских — 36,3 %.

Однако в деле коммунистического воспитания студентов и преподавателей наблюдались еще существенные недостатки и трудности. Нехватало квалифицированных кадров по общественным наукам, малочисленными были партийная и комсомольская организации (в конце 1944 г. в парторганизации университета было 3 коммуниста, немногим больше было комсомольцев), далеко

не преодолены были буржуазно-националистические настроения среди студентов и преподавателей, оживившиеся в результате решающего наступления на кулачество и осуществления коллективизации в сельском хозяйстве. В конце 40-х и начале 50-х годов острота и сложность обстановки усугубились вредными последствиями культа личности Сталина, в том числе и необоснованными репрессиями.

Осуществление социалистических преобразований в университете на первом этапе развития поставило перед университетом в 50-х годах много новых проблем. В связи с созданием АН ЭССР, Эстонской сельскохозяйственной академии и Таллинского педагогического института (1952 г.) универсализм в функциях университета был значительно уменьшен, что дало возможность более целенаправленно и очерченно определить его задачи и профиль подготовки специалистов. С другой стороны, произошло значительное ослабление его научного потенциала. Профессор Ф.Клемент, ставший ректором университета в 1951 г., поставил задачу резко повысить научный потенциал университета. В результате принятых мер, умелого использования старых специалистов, благодаря поддержке и отбору талантливой молодежи, выделения для развития науки средств и помещений, улучшения планирования и управления научно-исследовательской работой университет к началу 60-х годов добился уже ощутимых результатов. Быстро возрастает количество аспирантов (с 32 в 1951 г. до 88 в 1960 г., т.е. в 2,7 раза). Широко используется целевая аспирантура. Хотя количество докторов наук в 1951-1960 гг. остается неизменным, количество кандидатов наук увеличилось от 57 до 150 человек, т.е. почти в 3 раза. Качественно новым явлением было создание в университете проблемных лабораторий: химической кинетики и катализа (1958), вычислительного центра (1958), электролюминесценции и полупроводников (1960), электрохимии (1961), биофизики и электрофизиологии (1961). Количество студентов стало также быстро возрастать: с 2094 в 1951 г. до 3039 в 1961 г. (т.е. 45 %) на дневном отделении и с 420 до 2006 (в 4,7 раза) на заочном отделении. Таким образом, общее количество студентов возросло с 2514 до 5045 человек, т.е. почти в 2 раза. Если в 1951 году среди преподавательского состава с учеными степенями и званиями бы-

ло 27 %, то в 1963 г. уже 42 %, при этом прирост осуществлялся за счет кандидатов наук. Таким образом были заложены основы и получены первые результаты по формированию научно-педагогических кадров нового поколения, получивших высшее образование уже в условиях социализма.

Значительные сдвиги произошли в идеино-политической жизни университета, возросла роль партийной и комсомольской организаций, укрепились кафедры общественных наук. В острой идеологической борьбе как у преподавателей, так и у студентов формировались основы марксистско-ленинского мировоззрения, идеино-политические убеждения. Партийная организация выросла с 106 в 1952 г. до 231 человека в 1960 г., количество комсомольцев увеличилось соответственно с 900 до 1800 человек. С 1956 г. студенты университета стали принимать участие в сельскохозяйственных работах на целине, в строительстве спортивных сооружений, общежитий. Возникают новые традиции, напр., в это время стали проводиться первые студенческие певческие праздники и т.д. Несколько изменилась и структура факультетов и кафедр. Целikom этот период можно охарактеризовать как период на пути к зрелости в самом широком смысле слова.

Развитие университета на новом третьем этапе определяется в основном общими закономерностями и особенностями развития высшего образования в стране на стадии развитого социализма. В условиях развитого социализма в системе образования вообще и высшего образования в частности произошли значительные количественные и качественные изменения. Возросло значение образования, его основных функций. Образование превратилось в важнейшую производственную отрасль народного хозяйства страны. Об этом свидетельствуют принятые ЦК КПСС и СМ СССР постановления, посвященные дальнейшему совершенствованию системы высшего образования в стране.

Характерной особенностью в развитии образования на новом этапе является динамизм и сложность процессов его развития. Наряду с быстрыми темпами развития нашего образования в условиях развитого социализма осуществляется одновременно процесс интеграции, возрастает роль качественных показателей и осуществляется, начиная с середины 70-х годов, постепенный

переход от экстенсивного пути к интенсивному развитию высшего образования.

Значительно возрастает роль и значение вузовской науки, выполняющей три основные функции: во-первых, увеличивается роль науки в интенсификации учебного процесса. Подготовку специалистов необходимо осуществлять лишь на базе самых новых достижений науки, развивающейся в вузе опережающими темпами. Это значит, что профессиональную подготовку специалиста необходимо осуществлять только там, где имеется уже соответствующий научный задел, развитая сеть вузовских научных учреждений и высококвалифицированные научно-педагогические кадры. Во-вторых, необходим перевод процесса подготовки специалиста в вузе на научные основы, необходима разработка научных основ вузовской педагогики и психологии обучения, и, в-третьих, важнейшей функцией вузовской науки стало и участие в решении крупных научно-технических проблем экономического и социального развития.

На новом этапе развития особого внимания требовали вопросы совершенствования содержания и методов обучения, перехода к стабильным, и вместе с тем, к максимально мобильным учебным планам. Серьезная работа осуществлялась по совершенствованию учебно-методической документации и процесса обучения с целью его интенсификации. Все это в свою очередь требовало улучшения организации планирования и управления, внедрения систем АСУ и АСИ, совершенствования правовых основ вузовской жизни и т.д. Развитие вышеизложенных тенденций в системе высшей школы на новом этапе развития нашло отражение и в жизнедеятельности Тартуского госуниверситета. Начиная с начала 60-х годов в университете шел процесс быстрого развития всех его сфер. Количество студентов дневного отделения возросло с 3039 в 1961 г. до 4200 в 1970 г. и достигло 5400 человек в 1981 г., увеличившись на 180 процентов. Были созданы десятки новых кафедр, количество факультетов достигло 9-ти. Были созданы факультеты повышения квалификации, подготовительное отделение и подготовительные курсы. В университете были открыты новые отделения: спортивной медицины, педиатрии, бухгалтерского учета, экономической кибернетики, психологии и дефектологии, журналистики. Шел процесс дальнейшей диффе-

ренизации специализаций. Количество преподавателей, достигнув в 1963 г. 411, возросло в 1981 г. до 780.

Вместе с тем развитие университета на новом этапе осуществлялось неравномерно, возникли отдельные диспропорции и противоречия. Быстрый рост научного потенциала, концентрация внимания руководства университета на расширении сети научных исследований привели к некоторому забвению нужд учебно-воспитательного процесса. Успеваемость на дневном отделении упала в 1965/66 уч.г. до 77%, на заочном - до 27,9%. Высоким был процент отсева - на дневном отделении 10%, на заочном - 18%. Значительно сократились учебные площади. Расширение сферы учебной и научной деятельности не подтверждалось материально-технической обеспеченностью. Серьезные недостатки имели место и в идейно-политическом воспитании студентов и преподавателей. Рост партийной организации (за 10 лет с 1960 по 1970 гг. количество членов партии почти удвоилось) не сопровождался серьезной партийной учебой, воспитанием молодых коммунистов и студентов в духе социалистического патриотизма и пролетарского интернационализма.

Партийная организация университета принимала меры по улучшению коммунистического воспитания студентов, а также преподавателей. Эти вопросы постоянно были в центре внимания не только партийного комитета, но и ректората и кафедр общественных наук. Правительство республики нашло возможным выделять дополнительные средства для укрепления материально-технической базы университета.

Одновременно в развитии университета произошли дальнейшие качественные изменения. Университет стал одним из ведущих вузов страны, учебно-методическим центром вузов республики, а также центром, координирующим работу по исследованию проблем высшей школы в республике.

Значительные качественные изменения произошли в организации, структуре и содержании научной деятельности университета в 70-х годах. Укрупнение тематики научных исследований, концентрация ресурсов сопровождалась улучшением координации исследований с АН СССР и АН ЭССР, Госкомитетом по науке и технике СССР, участием в целевых программах по решению важ-

нейших научно-технических задач. Университет располагает развитой сетью научных учреждений. Научные исследования осуществляются в Научно-исследовательском институте общей и молекулярной патологии, 8 проблемных, 7 отраслевых и других исследовательских лабораториях и 83 кафедрах университета. Общая сумма хозяйственных работ превысила 2,5 миллиона рублей. Если в начале 60-х годов в университете работало лишь 20 докторов и 150 кандидатов наук, то в 1981 г. 108 профессоров и докторов наук, среди которых 13 член-корреспондентов и академиков АН ЭССР и отраслевых АН СССР, около 450 кандидатов наук. Более 40 преподавателям университета присвоены почетные звания заслуженного ученого, врача, криста, учителя, деятеля культуры. Большие успехи достигнуты в деле привлечения к научно-исследовательской работе студентов, осуществляемого на основе комплексного плана НИР, рассчитанного на весь период обучения. Исследовательской работой охвачено более 90 % студентов. Значительно поднялась эффективность учебного процесса. Успеваемость превысила 90 %, более 50 % студентов учатся только на хорошо и отлично и лишь 1,8 % студентов на удовлетворительно. Осуществлен ряд комплексных мер по подготовке перехода к современной технологии обучения, к более эффективной, действенной системе коммунистического воспитания будущих специалистов.

Характерной чертой развития университета на современном этапе является плановость и системность его развития, определяемая годичными, пятилетними и перспективными планами. Совершенствуется управление и организация, внедряются автоматические системы информации с целью постепенного перехода к автоматизированной системе управления.

Качественно новые требования предъявляются теперь к развитию материально-технической базы, которая должна соответствовать комплексным требованиям развития науки, совершенствования учебного процесса и создания необходимых культурно-бытовых условий для студентов, преподавателей и сотрудников. Создание такой базы в университете осуществляется на основе генерального плана строительства нового университетского комплекса, который должен быть введен в действие до конца настоящего столетия. План предусматривает соединение существующих

шего исторического центра с вновь возводимыми зданиями в единый комплекс, расположенный по обеим сторонам реки Эмайыги.

Тартуский государственный университет сыграл огромную роль в формировании социалистической интеллигенции в республике. За менее чем 40 лет университет подготовил свыше 25000 специалистов, т.е. больше, чем за все время своего существования в досоциалистический период. Если за период 1632-1940 гг. в университете было защищено 2900 диссертаций, то за 35 лет в условиях социализма - 1600 диссертаций. Более 60 процентов научного персонала АН ЭССР, более 50 процентов академиков и член-корреспондентов АН ЭССР - выпускники университета. Среди преподавателей вузов республики около 36 процентов имеют дипломы университета. Среди видных писателей, деятелей культуры, партийных и советских работников почетное место занимают абсолювенты университета, почти половина учителей общеобразовательных школ - выпускники университета.

Оглядываясь на прошлое, анализируя сегодняшнее состояние университета, учитывая перспективы его развития, мы можем с гордостью сказать, что университет достойно встретил свое 350-летие, ознаменовав его большими достижениями в деле осуществления тех задач, которые поставлены перед ним партией, правительством, народом.

1. Вопросы истории науки и техники Прибалтики. Материалы XI конференции по истории науки и техники Прибалтики. Тарту, 1977.
2. Вопросы истории Тартуского университета. Вып. I-XII. Тарту, 1975-1981. (На эстонском и русском языках). I, IV, VII, X - по истории гуманитарных наук; II, V, VIII, XI - по истории естественных наук; III, VI, IX, XII - по истории медицинских наук.
3. Из истории естествознания и техники Прибалтики. В 5 томах. Рига, 1968-1976 гг.
4. История Тартуского университета 1632-1982. Таллин, 1982. (На русском, английском и эстонском языках).

5. Калитс Й. Строительство советской высшей школы в Эстонской ССР и роль вузов в подготовке национальных кадров советской интеллигенции. Автореферат. М., 1953.
6. Кооп А.В. Тартускому университету - 350 лет. Таллин, 1982. (На русском, английском, французском, немецком и эстонском языках).
7. О развитии науки в Прибалтике за годы советской власти. Эстонская ССР. Обзорная информация. Таллин, 1978.
8. Проблемы высшей школы, вып. I-IV. Тарту, 1977, 1978, 1979, 1981.
9. Рейнфельдт М. Роль Тартуского государственного университета в подготовке научно-педагогических кадров в 1944-1975 гг. Автореферат. Тарту, 1980.
10. Роль Тартуского университета в развитии отечественной науки и в подготовке научно-педагогических кадров. Тарту, 1977.
11. Шмидт Э. Развитие высшего образования в Советской Эстонии. Таллин, 1971. (На эстонском языке).

ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ В СИСТЕМЕ ОРГАНИЗАЦИИ НАУКИ В ЭСТОНСКОЙ ССР

Я. Лаас (Таллин)

Университет в Тарту в течение почти 3-х столетий был единственным высшим учебным заведением в Эстонии и одновременно являлся единственным научным центром с профессиональными кадрами науки. Доминирование университета в научной деятельности в территориальном аспекте продолжалось практически до конца первой четверти XX века.

В 20-е и 30-е годы XX века в Эстонии были учреждены новые высшие учебные заведения и начали работу несколько научных учреждений прикладного характера. Но в этих учреждениях работало мало профессиональных исследователей и их деятельность оставалась незначительной. И лишь после того, как в 1944-

1947 годах в республике произошла реорганизация небольших научных учреждений в учреждения с более обширными программами исследований и была основана Академия наук ЭССР с несколькими исследовательскими институтами, стало возможным говорить о развитии сети научных учреждений в ЭССР и о роли в ней Тартуского государственного университета.

Роль ТГУ в подготовке специалистов с высшим образованием и научных кадров в Эстонии хорошо известна. Этой проблеме посвящено несколько обширных и основательных исследований /1, 2/. Однако значение ТГУ в развитии науки в республике, как правило, рассматривалось в общем плане. Очень скромно дан анализ научно-педагогических кадров ТГУ в структурном отношении (не исследовался глубоко вопрос подготовки в университете специалистов в разрезе отдельных отраслей и их доли в обеспечении республики высококвалифицированными кадрами; не нашла достаточного отражения роль ТГУ как координирующего центра науки и практики, обеспечивающего успешное выполнение крупномасштабных договорных работ).

Неоценимый вклад внес ТГУ в развитие научных организаций в ЭССР в 1944-1947 гг. Система исследовательских институтов университета в 1946 году (которую было задумано создать и развивать при ТГУ) определила в некоторой степени структуру системы вновь созданных институтов АН ЭССР.

При АН ЭССР планировалось создать или реформировать из существующих небольших учреждений 14 институтов, 2 сектора, 5 музеев и 3 общества /4/, что почти полностью совпадало со списком институтов при ТГУ (при университете в то время предполагалось создать 13 институтов, базировавшихся на научной деятельности преподавательского состава и малочисленного вспомогательного персонала). После рассмотрения структуры создаваемых институтов штатной комиссией при Совете Министров СССР их состав еще больше приблизился к списку институтов ТГУ в 1946 г. /5/.

В ноябре-декабре 1944 года в университете работало 223 преподавателя, из них 51 профессор и 68 доцентов и старших преподавателей. В 1945 году - 277 преподавателей, из них 47 докторов наук и 56 магистров или кандидатов наук /6/.

На медицинском факультете имелось 17 докторов наук

(40,5%), на естественно-математическом факультете - 8 (19, (19,0%), на ветеринарном факультете - 7 (16,7%), на историко-филологическом - 6 (14,3%). На юридическом и сельскохозяйственном факультетах было только 2 доктора наук (4,8%).

В Таллинском политехническом институте (ТПИ) в 1945 году насчитывалось 122 преподавателя, в том числе 9 докторов наук и 12 магистров и кандидатов наук /8/. В других научных учреждениях республики в 1945 году работало 5 докторов и 13 кандидатов наук /9/.

Итак, в научных учреждениях республики в 1945 году работало 61 доктор и 81 магистр и кандидат наук. 77,0% докторов и 68,1% кандидатов наук было занято в ТГУ.

За последующие годы число докторов и кандидатов наук в ТГУ уменьшилось (в связи с переаттестацией научных кадров и по другим причинам). В 1951 г. в ТГУ насчитывалось 20 докторов и 50 кандидатов, что составляло соответственно 37,0% и 27,0% от числа высококвалифицированных научных работников. В дальнейшем рост докторов наук приостановился (до 1963 года количество докторов не менялось). В 1963 году среди 411 преподавателей ТГУ (13,3% от общего количества научно-педагогических работников республики) насчитывалось 20 докторов (28,2%) и 153 кандидата наук (19,6%).

Из таблицы I видно, что в 1945-1947 гг. ТГУ принадлежит ведущее место в системе организации науки ЭССР (77,0% докторов и 69,1% кандидатов наук работало в ТГУ).

С 1947 года в этом плане наблюдается некоторое уменьшение роли ТГУ. В 1951 году в университете работало только 20,0% научно-педагогических работников республики (37,0% докторов и 27,0% кандидатов). В период с 1951 по 1963 год эта тенденция продолжалась, пока в 1963 году не достигла самого низкого уровня - в то время в университете работало только 13,3% научно-педагогических работников республики (28,2% доктора и 19,6% кандидатов наук). В 1964-70 гг. научная жизнь университета заметно оживилась: было создано 5 новых проблемных и отраслевых лабораторий, стали развиваться научные исследования и заключаться договоры для выполнения научно-исследовательских работ. Эта тенденция продолжалась до 80-х годов. В настоящее время доля ТГУ в выполнении

договорных работ довольно высокая среди трех главных исполнителей договорных работ в республике - АН ЭССР, ТПИ, ТГУ. Она составляет 22,0%.

Расходы на науку из госбюджета в 1980 году достигли 1595 тыс. рублей. К 1970 году в ТГУ работало 19,9% всех научно-педагогических работников республики (39,2% докторов и 20,7% кандидатов наук).

Как показывают данные, приведенные в таблице I, эти пропорции в последующее десятилетие существенно не изменились и можно сказать, что доля ТГУ и его отношение с другими научными учреждениями республики стабилизировались.

Говоря о роли университета в научной организации ЭССР в 1944-1980 годы, можно выделить 4 периода:

1. Доминирование научной деятельности ТГУ (1944-1947 гг.);
2. Существенное уменьшение доли ТГУ в научной деятельности республики (1947-1963 гг.).
3. Быстрый рост доли ТГУ в научной деятельности республики (1963-1970 гг.).
4. Уравновешивание развития ТГУ и остальных научных организаций (1970-1980 гг.).

В настоящее время при ТГУ работает один научно-исследовательский институт, 7 проблемных лабораторий и 4 отраслевых лаборатории, которые занимают важное место в развитии научной жизни республики.

В университете и его научных учреждениях занято 1104 научно-педагогических работника, которые работают по 18 научным отраслям, изучая проблемы 151 специальности /10/. Количество работников по научным специальностям в большой мере зависит от профиля подготовки кадров и научной работы. Больше всего работающих в области медицины (21,7% из общего количества научно-педагогических работников), физико-математических наук - 15,3%, филологии - 13,3%, педагогических наук - 8,6%, химии - 8,6% и биологии - 7,3%. В остальных отраслях науки количество занятых меньше (см. табл. 2).

Доктора наук в ТГУ работают в 12 отраслях (см. табл. 2). Больше всего докторов медицинских наук - 40,0% (в 1945 году в медицине работало также 40,0% всех докторов наук ТГУ), филологических наук - 16,2%, биологических - 11,4% и физи-

ко-математических наук - 8,7%. Кандидатов наук также больше всего в медицине - 23,6% всех кандидатов наук ТГУ. В университете работает 16,2% кандидатов физико-математических наук, 8,9% - филологических наук, 8,2% - биологических наук.

Структура специальностей, наиболее развитых в ТГУ, показана в таблице 3.

Таблицы 4 - 5 содержат данные о специальностях, по которым больше всего работает кандидатов и докторов наук в ТГУ.

Хорошим примером большой роли ТГУ в научной организации республики является тот факт, что по 13 специальностям все доктора наук республики работают в ТГУ, а по 8 специальностям - свыше половины (табл. 5) /II/. По 4 специальностям все кандидаты наук республики работают в ТГУ, а по 14 - свыше половины (табл. 4).

У ТГУ установлены хорошие научные связи с Академией наук СССР.

Кафедра политической экономики в течение нескольких лет участвовала в работе научного совета АН СССР по комплексным проблемам "Научные основы хозрасчета" и "Экономические закономерности социализма и его перерастание в коммунизм". Кафедры исторического факультета продолжают принимать участие в составлении издаваемого Институтом истории АН СССР четырехтомной монографии "История народов Прибалтийских республик СССР с древнейших времен до наших дней".

Различные связи с АН СССР имеет биолого-географический факультет.

Постоянные научные связи с АН СССР имеет медицинский факультет ТГУ.

Хорошие рабочие контакты установлены с учреждением АН СССР на физико-химическом факультете.

Тесные и плодотворные научные связи имеет ТГУ с Академией наук Эстонской ССР. Свыше 30 ученых ТГУ являются членами специализированных советов в институтах АН ЭССР, а 75 ученых - члены 32 проблемных советов и комиссий АН ЭССР (всего проблемных советов и комиссий 39). Многие ученые ТГУ участвуют в совместных научных исследованиях со специалис-

тами АН ЭССР, принимают участие в работе редколлегий изданий АН СССР.

Кафедры ТГУ имеют и непосредственные связи по работе с научными работниками Академии наук Эстонской ССР в форме штатного совместительства. Более обширные и плодотворные рабочие связи с научными работниками Института физики АН имеет кафедра физики твердого тела, которая создана и работает на базе названного института, руководимая президентом АН ЭССР академиком К. Ребане.

На названной кафедре работают на четверть и полставки 7 высококвалифицированных научных работников Института физики. На других кафедрах университета представителей Академии значительно меньше. При кафедре истории СССР работает 2 научных сотрудника академии и на кафедрах философии, общей физики, зоологии, уголовного права и процесса, систематики растений и геоботаники — по 1 работнику. Такой уровень совместной работы, не считая, конечно, кафедры физики твердого тела, слишком скромный. Количество научных областей и специальностей, развиваемых в научных учреждениях АН Эстонской ССР, а также квалификационная структура научных кадров академии позволяют сделать совместную работу с 79 кафедрами и многочисленными исследовательскими подразделениями университета значительно более емкой, разнообразной, глубокой и, несомненно, плодотворной.

Для характеристики доли университета в научной организации республики мы могли бы привести еще много количественных показателей. Необходимо подчеркнуть роль университета в научной и культурной жизни республики.

Таблица I

Соотношение количества научно-педагогических работников ТТУ и научных работников ЭССР в 1945-1980 гг. (в том числе доктора и кандидаты наук)

	1945	1951	1963	1970 ^X	1975 ^X	1980 ^X	1985
Научные работники в ЭССР	764 ^{XX}	1263	3093	3964	4878	5339	
в т.ч. доктора наук	61 ^{XXX}	54	71	130	202	278	
кандидаты наук	81 ^{XXX}	185	779	1468	1970	2226	
Научно-педагогические работники в ТТУ	277	253	411	788	994	1104	1245
в т.ч. доктора наук	47	20	20	51	74	105	109
кандидаты наук	56	50	153	304	399	427	495
Доля ТТУ в научной организации республики							
научно-педагогические работники в %	36,2	20,0	13,3	19,9	20,4	20,7	
доктора в %	77,0	37,0	28,2	39,2	36,6	37,8	
кандидаты в %	69,1	27,0	19,6	20,7	20,2	19,2	

^X Учитывались только те научные работники, доктора и кандидаты наук, которые работали в научных учреждениях республики. Данные приведены по форме статистической отчетности 5-НК.

^{XX} Число научных работников рассчитано косвенным методом, так как в отчетности 1945 года не указывалось точное количество научных работников. Учтено 494 преподавателя ВУЗов и 1/3 работающих в других научных учреждениях (270 человек).

^{XXX} Неполные данные. Учтены данные ТТУ, ТПИ, 9 НИИ и некоторых других небольших научных учреждений республики.

Таблица 2

Распределение научных работников ТТУ по отраслям наук и количество развиваемых специальностей в 1980 году

	Количество развиваемых специальностей	Численность научно-педагогических работников		Численность докторов наук		Численность кандидатов наук	
		всего	%	всего	%	всего	%
	151	1104	100	105	100	427	100
Физико-математические науки	22	169	15,31	7	8,86	69	16,16
Химические науки	5	95	8,6	4	3,81	32	7,49
Биологические науки	15	81	7,34	12	11,43	35	8,19
Геолого-минералогические науки	5	8	0,72	1	0,95	4	0,94
Технические науки	10	14	1,27	-	-	2	0,46
Исторические науки	8	39	3,5	6	5,71	24	5,6
Экономические науки	8	66	5,98	6	5,71	29	6,79
Философские науки	8	26	2,35	3	2,86	9	2,11
Филологические науки	14	147	13,31	17	16,19	38	8,89
Географические науки	5	25	2,26	1	0,95	12	2,81
Юридические науки	8	36	3,26	4	3,81	18	4,21
Педагогические науки	5	95	8,61	2	1,90	35	8,19
Медицинские науки	32	240	21,74	42	40,0	101	23,65
Фармацевтические науки	2	10	0,91	-	-	7	1,64
Ветеринарные науки	1	1	0,09	-	-	1	0,23
Искусствоведение	2	2	0,18	-	-	-	-
Архитектура	1	1	0,09	-	-	-	-
Психологические науки	5	33	2,99	-	-	10	2,34
Прочие		16	1,44	-	-	1	0,23

Таблица 3

Распределение научных работников ТГУ по 20 специальностям наук в 1980 году
и их доля в республике (по очередности специальностей)

I	2	3	4	5	6
I	2	3	4	5	6
Физико-математические науки	39	22	567	169	29,8
Математический анализ			41	16	39,0
Вычислительная математика			68	27	39,7
Экспериментальная физики			40	14	35,0
Физическая электроника, в том числе квантовая			23	20	86,9
Химические науки	15	5	314	95	30,2
Аналитическая химия			47	19	40,4
Органическая химия			142	34	23,9
Физическая химия			78	16	20,5
Электрохимия			23	20	86,9
Биологические науки	21	15	368	81	22,0
Биохимия			59	21	35,5
Исторические науки	10	8			
История КПСС			63	15	23,8

Продолжение таблицы 3

	1	2	3	4	5	6
Экономические науки		20	8	546	66	12,0
Политическая экономия				55	17	30,9
Экономика, организация управления и планирования народного хозяйства, в т.ч. по отраслям народного хозяйства				271	17	6,3
Филологические науки		32	13	382	147	38,4
Русский язык				68	27	39,7
Германские языки				92	33	35,8
Романские языки				38	31	81,5
Педагогические науки		5	5	339	95	28,0
Теория и история педагогики				45	17	37,7
Теория и методика физического воспитания и спортивной тренировки (включая методику лечебной физкультуры)				149	56	37,5
Медицинские науки		40	32	364	240	65,9
Внутренние болезни				51	36	70,5
Кардиология				25	18	72,0
Хирургия				31	31	100,0

Таблица 4
 Распределение кандидатов наук ТГУ по специальностям
 (специальности, имеющие 5 или больше кандидатов) в
 1980 г. и их доля в республике

Отрасли наук и специальности	ЭССР	ТГУ	% ТГУ в ЭССР
I	2	3	4
Физико-математические науки			
Математика			
Математический анализ	20	11	55,0
Вычислительная математика	25	14	56,0
Механика			
Теоретическая механика	10	5	50,0
Физика			
Экспериментальная физика	7	5	71,43
Теоретическая и математическая физика	25	5	20,0
Оптика	10	8	80,0
Химические науки			
Органическая химия	63	13	20,63
Физическая химия	39	6	15,38
Электрохимия	8	6	75,0
Биологические науки			
Биохимия	35	12	34,28
Микробиология	27	6	22,22
Исторические науки			
История КПСС	39	12	30,77
История СССР	35	5	14,28
Экономические науки			
Политическая экономия	33	9	27,27
Экономика, организация управления и планирования народного хозяйства, в том числе по отраслям народного хозяйства	127	7	5,51
Финансы, денежное обращение и кредит	10	6	60,0
Филологические науки			
Языкознание			
Русский язык	14	8	57,14

Продолжение таблицы 4

I	2	3	4
Языки народов СССР	8	5	62,5
Романские языки	9	9	100
Юридические науки			
Гражданское право; семейное право; гражданский процесс; международное частное право	5	5	100
Географические науки			
Экономическая и социальная география	7	6	85,71
Педагогические науки			
Теория и история педагогики	22	6	27,27
Методика преподавания (по отраслям наук)	39	9	23,07
Теория и методика физического воспитания и спортивной тренировки (включая методику лечебной физкультуры)	41	19	46,34
Медицинские науки			
Акушерство и гинекология	6	6	100
Внутренние болезни	16	13	81,25
Кардиология	17	13	76,47
Нервные болезни	10	6	60,0
Стоматология	5	5	100
Хирургия	10	10	100
Педиатрия	10	7	70,0
Психологические науки			
Общая психология	11	5	45,45

Таблица 5
 Распределение докторов наук ТГУ по специальностям
 (специальности, имеющие 2 или больше докторов) в
 1980 году и их доля в республике*

Отрасли наук и специальности	ЭССР	ТГУ	% ТГУ в ЭССР
Химические науки			
Электрохимия	2	2	100
Органическая химия	9	2	22,2
Биологические науки			
Биохимия	21	2	50
Ботаника	6	2	33,3
Микробиология	3	2	66,6
Физиология человека и животных	4	2	50,0
Исторические науки			
Всеобщая история	3	3	100
Экономические науки			
Политическая экономия	5	3	60,0
Филологические науки			
Финно-угорские языки	7	5	71,4
Русская литература	3	3	100
Русский язык	2	2	100
Литература народов СССР	4	2	50,0
Языки народов СССР	2	2	100
Педагогические науки			
Теория и история педагогики	3	2	66,6
Медицинские науки			
Хирургия	8	8	100
Внутренние болезни	7	6	85,7
Нормальная физиология	4	4	100
Психиатрия	3	3	100
Болезни уха, горла, носа	2	2	100
Лечебная физкультура и спортивная медицина	2	2	100
Патологическая анатомия	3	2	66,6
Гистология и эмбриология человека	2	2	100
Фармакология	2	2	100
Нейрохирургия	2	2	100

* Остальные доктора наук распределились по 37 специальностям, по каждой специальности один доктор.

- I. Schmidt, E. Kõrgema hariduse areng Nõukogude Eestis. Tln., 1971, 280 lk.
2. Рейндельд М.В. Роль Тартуского государственного университета в подготовке научно-педагогических кадров в 1944-1975 гг. Автореферат дисс. канд. ист. наук. Тарту, 1980.
3. ЦНА АН ЭССР, ф. I, оп. 2, ед. хр. 2, л. 148.
4. ЦНА АН ЭССР, ф. I, оп. 2, ед. хр. I, л. 126; 127.
5. ЦНА АН ЭССР, ф. I, оп. I, ед. хр. 24, л. 171.
6. ЦНА АН ЭССР, ф. I, оп. I, ед. хр. I, л. 64; 68; 69.
7. ЦНА АН ЭССР, ф. I, оп. 2, ед. хр. I, л. 88.
8. ЦНА АН ЭССР, ф. I, оп. I, ед. хр. I, л. 74; 76.
9. ЦГАОР ЭССР, ф. R - IO, оп. IO, ед. хр. I, л. 2; 3; 4; 5; 6; 7.
- IO. Отчет ТГУ за 1980 г.
- II. Вычислено на основании отчетов научных учреждений.

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ В ТАРТУСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

М. Рейнфельдт (Тарту)

I. Предпосылки для формирования национальных научно-педагогических кадров в Эстонии

Классики марксизма-ленинизма указывают, что "положение интеллигенции в обществе с момента ее зарождения оказывается двойственным. Она возникает и развивается, с одной стороны, под давлением объективных требований развития общества, его производительных сил и поэтому играет прогрессивную, созидательную роль. С другой, - как орудие осуществления власти над обществом со стороны эксплуататорских классов или части этих классов, играя таким образом реакционную, по существу разрушительную роль." /3/.

История Тартуского государственного университета восходит к 1632 году, когда в Тарту впервые под наименованием Academia Dorpatensis был открыт университет. Обучение в XVII в. велось на латинском языке. В XIX в. до университетской реформы (1889 г.) языком обучения был немецкий, а с 1889 года - русский язык. Впервые с 1803 года в число профессорско-преподавательского состава была введена штатная единица лектора по эстонскому языку /2/. В XVII в. в университете вопросами исследования фольклора, языка и истории местного, эстонского, народа занимались лишь некоторые профессора и воспитанники университета - Э.Шомерус, Ф.Мениус, Т.Хярне и др. /3/. До 1917 г. читался лишь курс эстонского языка, первым лектором эстонского языка в 1838 г. стал эстонец Х.Юргенсон. Среди студентов Тартуского университета в XVII в. эстонцев не установлено, хотя науковед И.Трумялис из Литвы установил, что в Литве в Вильнюсской академии училось уже в XVI в. 20 юношей из эстонских земель.

На рубеже XIX-XX вв. студентов-эстонцев было около 200, в том числе в Тарту училось 50 человек, в Петербурге и в Риге - около 20 /4/. Но уже в 1915 г. эстонцев с высшим образованием насчитывалось около 800, примерно столько же было и студентов эстонской национальности.

С победой Великой Октябрьской Социалистической революции наступила новая эра в развитии национальной культуры всех народов и национальностей России. Декларацией Прав народов 3 ноября 1917 г. было объявлено, что рабочий народ и все народы и национальности России освобождаются не только от социального, но и национального гнета, ликвидированы все препятствия для свободного развития всех народов. Для развития культуры и отечественной науки эстонского народа этот и другие последующие акты Советской власти имели решающее политическое и социальное значение. Уже 6 декабря 1917 г. Тартуская большевистская газета "Молот" декларировала, что свободная Эстония должна иметь свой национальный университет /6/. С такими же требованиями обратились и представители первого съезда студентов и выпускников университета к правительству и университету /7/. О положении университета в обществе и его будущем говорилось на многочисленных академических и политических собраниях. Сперва в повестку дня было внесено предложение создать при всех факультетах советы профессоров для исследования и чтения общественно-экономических, социально-здравоохранительных, естественных дисциплин и исследования других отраслей науки и культуры Эстонии, развития эстонского языка и создания научной терминологии на эстонском языке /8/. Если судить по выступлению Г.Суйтса о судьбе университета в 1917 г., то создание национального университета считали еще неосуществимым из-за нехватки соответствующих кадров /9/. Но осенью 1918 г. немецкие оккупационные власти в Тарту пытались возродить бывший немецко-балтийский "Landesuniversität", в котором эстонскому языку отводилось не больше места, чем сто лет назад. Но эти планы не осуществились /10/. Представители эстонских студенческих организаций решили бойкотировать этот университет. В июле 1918 г. было создано Эстонское академическое общество по инициативе доктора наук О.Калласа и В.Эрница для развития национальной науки в Эстонии и объединения по отраслям наук ученых-эстонцев и ученых других национальностей, чьи научные интересы касались вопросов Эстонии /11/.

В ноябре 1918 г. кончилась оккупационная власть в Эстонии вместе с кайзеровской властью в Германии. Оккупационные

власти торопились передать учреждения Временному правительству Эстонии и создали комиссию для принятия университета (1 декабря 1918 г.). Учебная работа не начиналась, так как в городе начались волнения. В Тарту была установлена Советская власть.

В период Эстляндской Трудовой коммуны (1918-1919 гг.) временным заведующим университета был назначен математик, учитель средней школы Яан Сарв, который составил проект устава Тартуского университета, где было сказано, что задача университета заключается в том, чтобы дать трудовому народу высшее образование, подготовить специалистов для трудового народа и создать условия для занятий научной работой в Эстонии. Все три местных языка - эстонский, русский и немецкий - считались равноправными. Чтобы привлечь как можно больше эстонцев к преподавательской работе, предлагалось принимать на работу в университет специалистов и без особых аттестатов, но с условием хорошо знать свою специальность и справляться с учебной работой /12/. Осуществить положения этого устава университета не удалось в связи с переходом власти в руки белых, но подготовка к открытию национального университета продолжалась: Совет Эстляндской Трудовой коммуны открыл своим решением от 14 марта 1919 г. в Петрограде Университет эстонского трудового народа /13/. Национальный университет начал свою работу в Тарту в октябре 1919 года.

2. Становление национальных кадров в Тартуском университете

Переход университета на преподавание на родном языке требовал для этого соответствующих научно-педагогических кадров, но эстонский язык преподавания сократил возможность учиться в Тартуском университете студентам других национальностей, что соответствовало принципам националистической политики буржуазного правительства. Сузилась и проблематика научных исследований в Тартуском университете, которые в XIX в. основывались на общероссийской тематике.

Для осуществления идей о национальном университете в Тарту в первую очередь необходимо было решить вопрос о профессорско-преподавательских кадрах. Для комплектации кадров име-

лись три возможности: укомплектовать весь состав эстонцами и при нехватке соответствующих лиц оставить некоторые должности вакантными; во-вторых, заполнить все оставшиеся вакантные должности иностранцами; в-третьих, снизить требования к профессоруре и заполнить эти штаты эстонцами, не имеющими соответствующих академических дипломов. Исходя из этого и провели комплектацию кадров. В 1919-1920 гг. на эстонском языке читалось 49,8% лекций, на русском - 26,4%, на немецком - 22,9% и на других языках - 0,9% /14/, что не соответствовало национальному составу преподавателей, напр., некоторые преподаватели после Тартуского мира вернулись в Эстонию из Советской России и в качестве языка преподавания использовали русский язык, некоторые немецкий язык. В 1919 г. среди профессорского состава было 54 % эстонцев, в 1932 г. - 78%. Много профессоров было приглашено из-за границы, особенно из Финляндии, Швеции и Германии. Приглашенные преподаватели в значительной мере помогли при становлении научного и организационного облика университета /15/.

3. Подготовка новых научно-педагогических кадров в 1919-1939 гг.

Несмотря на то, что буржуазное правительство Эстонии приняло уже в 1920 г. закон об открытии научного учреждения (Академии наук) для координации научного исследования в Эстонии, Академию не открыли. Всеми проблемами научного исследования в официальном порядке занимался только Тартуский университет, а на общественных началах ряд академических обществ, куда входили и преподаватели университета. Самой сложной, но ключевой проблемой было воспроизводство академических кадров. В конце 30-х годов объектом дискуссии стало "перепроизводство интеллигенции" в связи с увеличением классовых различий, отчуждением интеллигенции от народа. Это признавали многие ученые /16/.

До принятия университетского закона (в 1925 г.) количество штатных единиц профессорско-преподавательского состава университета было установлено протоколом Временного совета университета от 5-го августа 1919 г., которым было предусмотрено 110 штатных единиц. По закону университета в 1925 г.

эта цифра увеличилась до 142, но в связи с экономическим кризисом это количество было уменьшено до 136 (в 1937 г.) (сюда были включены: профессура, доцентура, прозекторы, преподаватели отдельных предметов, астроном-обсерватор и ученый-кузнец). Для подготовки новых научно-педагогических кадров в буржуазном Тартуском университете использовались в основном три вида повышения квалификации: научные стипендии, дипломированные продолжатели учебы (примерно соответствовало современной аспирантуре) и исполнители учебных заданий. Самыми результативными считались научные стипендии в зарубежных университетах, но и подготовка параллельно с преподавательской работой. В течение 20 лет (1919-1938) университет дал научную стипендию 106 выпускникам университета, из них 32 студентам, учившимся за границей, 55 - на родине и за границей, остальным на родине. Из них преподавателями университета стали 48, 1%. Научную стипендию в течение 1 года получали - 28 человек, в течение 1-2 лет - 24 чел., 2-3 лет - 30 чел. и более 3 лет - 24 человека. Самое большое количество стипендиатов было на философском (31) и естественно-математическом факультетах (28). В течение 20 лет (1919-1938) в университете работало некоторое время или длительно около 225 штатных преподавателей, из них ушли в течение этого времени 109 /17/. Среди них эстонцев было 137, местных и оппировавшихся инородцев 46 и 42 иностранца. Для подготовки новых научно-педагогических кадров результативным считали назначение преподавателя более низкой квалификации временным исполнителем штатной единицы профессора, чтобы он мог овладеть педагогическим мастерством и заниматься научными исследованиями для приобретения соответствующей научной квалификации. Некоторые штатные единицы из-за нехватки соответствующих квалифицированных кадров остались незаполненными /18/. По решению ученого совета университета от 17 марта 1929 г. о дипломированных продолжателях учебы при Тартуском университете была создана возможность квалификации для научной работы наряду с преподавательской работой. В течение 1926-1939 гг. в университете было 86 дипломированных продолжателей учебы. Из них 23 человека, по данным Э.Сеймана, стали до 1940 г. преподавателями университета, но А.Перанди и Э.Роотс дают этой фор-

ме подготовки преподавательских кадров низкую оценку /18,19/.

В 30-ые годы в университете преобладали уже национальные профессорско-преподавательские кадры. Только на некоторых факультетах профессорами были представители других национальностей: напр., на юридическом факультете проф. И.Тотримов, на медицинском факультете проф. Э.Блессинг, на естественно-математическом - бывший ректор Дрьевского университета проф.-эмеритус В.Алексеев и др. /19/.

Подготовка и комплектация научно-педагогических кадров в буржуазном университете не всегда исходила из научных способностей кандидатур, а носила иногда чисто националистический или политический характер /20/.

4. Научная квалификация профессорско-преподавательского состава университета в буржуазный период

Научная квалификация профессорско-преподавательского состава Тартуского университета в 1919-1940 гг. росла быстрее, чем общее количество преподавателей. В 1919-1940 годы было защищено 123 докторских и 75 магистерских диссертаций, из них 20 докторских диссертаций защитили вне университета (в основном за рубежом) /21/.

Основной заслугой буржуазного Тартуского университета считают подготовку национальных научно-педагогических кадров для основных отраслей научного исследования, разработку научной терминологии на эстонском языке и итогов научного исследования по местным локальным и национальным тематикам. В это время многие ученые завоевали авторитет в международном масштабе: нейрохирург Л.Пуусепп, дерматолог А.Палдрок, терапевт В.Вади, геоботаник Т.Липпмаа, антрополог Ю.Ауль, астрономы Т.Роотсмаяэ и Э.Эпик, сейсмолог И.Вилип, химик П. Когерман, геологи Х.Беккер, А.Луха, А.Эпик, географ А.Таммеканн, археолог Х.Моора, историк Х.Круус и др. Позже эти ученые составили основное ядро профессорско-преподавательских кадров советского университета. Но среди профессорско-преподавательских кадров буржуазного университета немало было и реакционеров.

5. Формирование научно-педагогических кадров в Тартуском государственном университете в Советский период

После восстановления Советской власти в Эстонии приступили к социалистическому переустройству Тартуского университета. Впервые открылись двери университета перед трудовым народом, хотя уже со времени основания университета много говорилось о таких возможностях. 9 октября 1940 г. это положение было зафиксировано в новом университетском уставе /22/.

Прогрессивная часть профессорско-преподавательского состава, перешедшая на сторону советской власти, все свои знания и опыт отдавала на службу молодой советской республике. Среди них были: Ю.Нуут, А. Линкберг, Ю. Ауль, Г. Кингисепп, Э.Клер-Кингисепп, А.Хумал, Х.Моора, А.Коорт, Х.Круус, И.Ваабель, А.Алтма, И.В.Вески, О.Маддиссон, Т.Липпмаа, П. Аристэ, П.Когерман, А.Луха, Ф.Лая, К.Орвику, Ю.Техвер, И. Каарде, К.Рамуль и другие. Многие из них занимали руководящие посты в системе высшего образования и науки Советской Эстонии. Благодаря имеющимся национальным научно-педагогическим кадрам Тартуский госуниверситет получил возможность не только продолжать работу на родном языке, но в условиях Советской власти на основе принципов ленинской национальной политики смог достичь небывалого расцвета в области учебной и научной работы. Затруднений с научно-педагогическими кадрами в 1940/41 учебном году не было. От работы были отстранены только некоторые реакционные буржуазные политики и на их места выдвинули младших преподавателей, не имеющих еще соответствующих степеней. Была открыта аспирантура для подготовки новых научно-педагогических кадров /23/.

В годы фашистской оккупации 9 преподавателей университета было убито, некоторые покинули родину по разным причинам, многие погибли во время войны. 17 ноября 1944 Тартуский госуниверситет возобновил свою деятельность. К этому времени из 270 штатных единиц профессорско-преподавательского состава (по состоянию на июнь 1941 г.) насчитывалось 148 преподавателей. В 1944 г. преподавательский состав на 37% был укомплектован за счет бывших преподавателей, на остальные вакантные места были приняты новые преподаватели. К 31 мая 1945 г.

большая часть (268) преподавательского состава была уже укомплектована, среди них насчитывалось 44 профессора и 60 доцентов. По состоянию на I апреля 1951 г. количество профессорско-преподавательского состава достигло 380 человек, из них 86% составляли национальные кадры /24/. В советском вузе при комплектации профессорско-преподавательских кадров не национальный признак является основным принципом, а научный потенциал и педагогическое мастерство. Хотя Тартуский государственный университет работает на базе родного языка, сегодняшний университет является интернациональным по составу студентов (32 национальности), по тематике научных исследований, по профессорско-преподавательскому составу и по принципам преподавания и подготовки специалистов. Например, Тартуский госуниверситет готовит специалистов по спортивной медицине для всех советских республик, здесь повышают свою квалификацию преподаватели физкультуры других вузов. Многочисленны научные контакты университета с вузами Советского Союза и многих зарубежных стран. В подготовке научно-педагогических кадров для Тартуского госуниверситета большую роль играют и другие научные центры Советского Союза. Вне университета сотрудники университета за 1944-1980 годы защитили 60 докторских и 143 кандидатских диссертаций. В то же время немаловажна роль и Тартуского госуниверситета в подготовке научно-педагогических кадров для других научных учреждений и вузов как для Эстонской ССР, так и других братских республик. Например, ТГУ является единственным центром в Советском Союзе по финно-угроведению, где можно защищать докторские диссертации. В 1975 г. в вузах Эстонской ССР работало 35,8% преподавателей с университетской подготовкой. Из состава научных кадров учреждений Академии наук ЭССР 62% были (1975 г.) с университетской подготовкой. Из них 51% докторов наук /25/. На базе Тартуского госуниверситета в 1951 г. была создана Эстонская сельскохозяйственная академия, а в 1946 г. университет явился базой для создания Академии наук Эстонской ССР.

В настоящее время (в 1961 г.) среди научно-педагогических кадров Тартуского госуниверситета более 88% составляют эстонцы; 72% профессорско-преподавательского состава имеют

ученные степени /26/. Это яркое доказательство расцвета национального университета в годы советской власти. Научный авторитет университета растет из года в год, он занимает достойное место среди ведущих вузов Советского Союза.

1. К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, т. 26, ч. I. М., 1955, с. 145.
2. Rätsep, H. 175 aastat eesti keele õpetamisest Tartu ülikoolis. - Tartu ülikooli ajaloo küsimusi VII.Trt., 1979, lk. 27.
3. Piirimäe, H. Probleeme Academia Gustaviana ajaloost. - Tartu ülikooli ajaloo küsimusi I. Trt., 1975, lk.31.
4. Oinas, A. Pilk minevikku. - Üliõpilasleht, 1914, 3/4, lk. 4-11.
5. Karjahärm, T. Eesti rahvusliku haritlaskonna kujunemisest möödunud sajandi lõpul ja praegusel ajal. - Keel ja Kirjandus, 1973, 10, lk. 624-630. V. Ernits. Eesti üliõpilaste ja vilistlaste üleüldise nimekirja arvude kokkuvõtte. - Üliõpilaste Leht, 1915, 7, lk.171-181.
6. "Молот", 1917, 21, 6 декабря.
7. Докладная записка об основании Уральского отделения при историко-филологическом факультете Императорского Юрьевского университета.
8. V. Ernitsa kõne I üliõpilaste kongressil "Teadus ja meie". - Postimees, 1917, 74.
9. G. Suitsu 26. IV 1917 Tartu ülikooli saatuse kohta peetud kõne referaat. - Postimees, 1917, 93.
10. Siilivask, K. Oktoobrirevolutsioon ja Tartu ülikooli kujunemine rahvusülikooliks. - Tartu ülikooli ajaloo küsimusi I. Trt., 1975, lk. 179. J. Sarv. Ülikool ja emakeel. - Postimees, 1918, 9. oktoobril.
11. Eesti Vabariigi Tartu Ülikool 1919-1929. Trt., 1929, lk. 3. Eesti Akadeemilise Ühingu põhjuskiri. - Postimees, 1918, 103.
12. Tamme, E. Jaan Sarv Tartu ülikooli juhatajana Eesti Tööraha Kommuuni perioodil. - Tartu ülikooli ajaloo küsimusi I. Trt., 1975, lk. 191-192.

13. Eesti Töörahva Kommuun. Dokumentide ja materjalide kogumik. Tln., 1958, lk. 117.
14. Eesti Vabariigi Tartu Ülikool 1919-1929, lk. 57-58.
15. Tartu ülikool sõnas ja pildis 1919-1932. Trt., 1932, lk. 26-27.
16. Ney, G. Küsimusi ja probleeme meie kõrgema hariduse korralduse alal. Trt., 1934. A. Annist. Rahvalähedane haritlaskond ja selle kasvatus. - Võim ja vaim. EÜS "Veljesto" 20. aastapäevaks. Trt., 1940, lk. 15-39. H. Kruus. Akadeemiline haritlaskond ja rahvalähedus. - Akadeemia, 1937, 5, lk. 265-276. H. Männik. Lõhestatud akadeemiline haritlaskond - mille nimel. - Varamu, 1938, lk. 505-512. A. Annist. Teadusliku järeelkasvu küsimusest. - Akadeemia, 1938, 1, lk. 21-26. H. Moora. Meie teadusliku töö ülesandest ja võimalusist. - Kultuuri ja teaduse teilt, 1932, lk. 28-32.
17. Ennok, A. Tartu ülikooli kaadrite komplekteerimine aastail 1919-1940. Diplomitöö NSVL ajaloo kateedris. Trt., 1975, lk. 89.
18. Roots, E., Perandi, A. Õppejõudude ettevalmistuse küsimus Tartu Ülikoolis Eesti iseseisvuse kestel. - Varamu, 1939, 1, 2, lk. 187-194. Eesti Vabariigi Tartu Ülikool 1919-1929, lk. 18.
19. Seiman, E. Tartu ülikooli õppejõudude teaduslik kvalifikatsioon ja rahvuslik koosseis aastatel 1919-1940. Diplomitöö NSVL ajaloo kateedris. Trt., 1976, lk. 15-49.
20. Elango, Õ. Võitlus Tartu ülikooli seaduse ümber aastatel 1934-1940. - TRÜ Toimetised, 290. Eesti NSV ajaloo küsimusi VII. Trt., 1972, lk. 65.
21. Seiman, E., lk. 75.
22. Ruus, V. Sotsialistlikud ümberkorraldused Eestis 1940-1941. Tln., 1980, lk. 127.
23. Рейнфельдт М. Преобразование Тартуского государственного университета в советский вуз в 1940-1951 гг - Роль Тартуского государственного университета в подготовке научно-педагогических кадров в годы 1944-1975. Дисс. канд. Тарту, 1980, с. 30-42, 204-205.

24. Архив ТГУ, оп. 18, д. 33, л. 4.
25. Reinfeldt, M. Õppe-teaduskaadri kujunemine, koosseis ja kvalifikatsioon Tartu Riiklikus Ülikoolis 1944-1980. Tartu ülikooli ajaloo küsimusi X. Trt., 1981, lk. 214.
26. Данные АСУ ТГУ.

ОСНОВАНИЕ ТАРТУСКОГО (ДЕРПТСКОГО) УНИВЕРСИТЕТА
В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ

Г.К. Цверав (Бокситогорск)

Развитию университетского образования посвящена необозримая литература. В 1960 г. этот вопрос был предметом обсуждения на XI Международном конгрессе историков в Стокгольме. Сравнительно недавно, в 1978 г. в Кракове состоялась международная конференция по истории университетов. Кроме того, круглые даты со дня основания тех или иных университетов - повод оценки прошлого и некоторых обобщений.

Юбилей Тартуского университета, который мы здесь столь торжественно отмечаем, совпал с 350-летием выхода в свет в 1632 г. "Диалога о двух главнейших системах мира" Галилея. События эти далеко не равновелики по своей значимости в развитии нашей цивилизации. Тем не менее, они относятся к феноменам той фазы научной революции, когда научные общества как рассадники научного познания мира еще не полностью оттеснили на задний план университеты. Не забудем, что Галилей был профессором Падуанского университета.

Указанное совпадение, конечно, чистая случайность, однако любитель парадоксов мог бы сказать, что нет ничего более закономерного, чем случайность. В самом деле, что побудило шведского короля Густава II Адольфа в самый разгар Тридцатилетней войны в лагере под Нюрнбергом - in Castris ad Norimbergem - 30 июня 1632 г. подписать рескрипт об основании университета в Дерпте, столице тогдашних шведских колоний ? /1, 147/. Как будто у него не было других, более важных и срочных дел! Просвещеннейший монарх своего времени, вдохнувший жизнь в агонизирующий, основанный еще в 1477 г. Упсальский университет /2, 36-48/, лютеранин Густав Адольф в силу непредсказуемого хода первой европейской войны, каковой яви-

лась Тридцатилетняя, стал союзником и единомышленником папы Урбана VIII. Примававший к гуманистам бывший кардинал Маттео Барберини, ученик и собеседник Галилея, став "наместником Христа", нередко свои политические амбиции светского государя расценивал выше католической ортодоксии. Не боясь впасть в ересь, добавлю в скобках, что именно он, Урбан VIII, в конечном счете избавил Галилея от наихудшего во время печально известного инквизиционного процесса 1633 г.

Похоже, что Густав Адольф был не просто военным союзником папы. Применяя современную терминологию, можно сказать, что король находился под информационным воздействием итальянских гуманистов и мыслителей своей эпохи, что не могло не стимулировать просветительской деятельности короля-реформатора, выразившейся не только в заботах об университетах. Собственно говоря, помимо социально-экономических факторов и других эволюционных процессов общества информационное воздействие прямо или опосредованно способствовало развитию университетского строительства во всех странах Европы, в частности средневековых университетов, периодизация которых, кстати сказать, все еще является спорной (до 1600 г., до 1700г.).

Между тем, некоторые историки, рассматривая средневековые университеты как третью универсальную власть наряду с властью светской и церковной, считают, что они возникали спонтанно. Г.Грундман (ФРГ), С.Стеллинг-Мисо (Швейцария) и другие начисто отрицают какую-либо связь между высшими школами античности и арабского мира и европейскими университетами, поскольку последние, по мнению этих исследователей, являются самостоятельным феноменом, с чем трудно согласиться, ибо преемственность все же была /3, 230/.

Несомненно и то, что *studium generale* как в европейском, так и национальном плане в период XII-XVII вв. следует рассматривать не только в качестве школ для подготовки специалистов высшей квалификации — от теологов и правоведов до врачей и естествоиспытателей, но и как вместительная, аккумулирующие духовный опыт прошлого для передачи в обогащенном виде следующим поколениям. При этом, несмотря на всевозможные идеологические препоны и зигзаги, сохранялась и приумножалась доминанта прогрессивного интеллектуального наследия. Справедливости ради отметим, что до появления университетов, в течение почти шести веков лишь бенедиктинские монастыри не дали окончательно погаснуть пульсу интеллектуальной жизни Европы. "В период, когда во внешнем мире наблюдался вызывающий

тревогу упадок культуры, монастырские библиотеки представляли собой единственные хранилища знаний... Бенедиктинские писцы оказали неоценимую услугу цивилизации, сохранив ее преемственность перед лицом угрозы невосполнимого разрыва" /4, 36/. Такую же миссию выполняли школы переводчиков в Шартре и Толедо.

После этих замечаний, вовсе не претендующих на бесспорность, попытаемся определить место Дерптской Academia Gustaviana в ряду других высших школ нашего континента в период с XII по XVII вв. Обратимся к таблице I, которая в таком полном виде, пожалуй, не встречалась в литературе. В таблице не указаны университеты, просуществовавшие не менее десяти лет, а также медицинские училища в Салерно, Монпелье и других городах. В таблице в хронологическом порядке приведены годы основания университетов, города и страны их местоположения за выбранный нами период с XII по XVII вв. В последней графе таблицы синхронно обозначены важнейшие события в политической и интеллектуальной истории Европы, приведены даты жизни и смерти крупнейших ученых и мыслителей.

Анализ таблицы I наводит нас на такие мысли. Первый в Европе Болонский университет был юридически узаконен императором Фридрихом Барбароссой в 1158 г., т.е. через десять лет после окончания Второго крестового похода. Еще шесть крестовых походов (Восьмой в 1270 г.) опосредованно повлияли на открытие еще около 15 университетов. Окончилась тысячелетняя спячка европейцев; ожидавшегося в молениях светопреставления в 1000 г. не произошло, началось освоение на новом уровне средиземноморской ойкумены. Обозначился духовный подъем европейцев. Английский историк науки А.Кромби полагает, что европейская образованность и сама наука возникли в начале XIII в. в лоне Оксфордского университета и их генезис связан в первую очередь с деятельностью главы Оксфордской школы Роберта Гроссетеста /5, 22-23/. Утверждение, безусловно, спорное. Другие исследователи приписывают эту заслугу итальянским университетам. А Парижский университет называли "источником мудрости", "древом жизни". Генезис науки - сложный вопрос и ответить на него однозначно, видимо, нельзя: она зарождалась почти одновременно во многих точках Европы. Примерно с середины

Таблица I

Век	№ пп.	Год	Город	Страна	Важнейшие события	
I	2	3	4	5	6	
А. ПЕРИОД СРЕДНЕВЕКОВЫХ УНИВЕРСИТЕТОВ						
XII	1	1158	Болонья	Италия	Второй крестовый поход 1147-1149 гг.	
	2	1160	Париж	Франция		
	3	1163	Оксфорд	Англия	Третий крестовый поход 1189-1192 гг.	
XIII					Четвертый крестовый поход 1202-1204 гг.	
	4	1209	Кембридж	Англия		
	5	1215	Арешо	Италия	Пятый крестовый поход 1217-1221 гг.	
	6	1222	Падуя	Италия		
	7	1224	Неаполь	Италия	Шестой крестовый поход 1228-1229 гг.	
	8	1228	Верчелли	Италия		
	9	1229	Тулуза	Франция		
	10	1239	Саламанка	Испания		
	11	1246	Сиена	Италия	Седьмой крестовый поход 1248-1254 гг.	
	12	1248	Пьяченца	Италия		
	13	1254	Севилья	Испания		
	14	1260	Виченца	Италия	Путешествие Марко Поло 1271-1295 гг.	
	15	1276	Реджио	Италия		
	16	1289	Монпелье	Франция		
	17	1290	Лисабон	Португалия		
	18	1290	Магерата	Италия	Роджер Бэкон, 1214-1292 гг.	
	19	1293	Вальядолид	Испания		
	XIV	20	1303	Рим	Италия	Проторенессанс
		21	1306	Орлеан	Франция	
22		1308	Перуджия	Италия		
23		1318	Тревизо	Италия		

Продолжение таблицы I

I	2	3	4	5	6
	24	I337	Анжер	Франция	Начало Столетней войны
	25	I338	Пиза	Италия	
	26	I339	Гренобль	Франция	Битва при Креси, применение артиллерии, I346 г.
	27	I348	Прага	Чехия	
	28	I349	Флоренция	Италия	
	29	I359	Павия	Италия	
	30	I359	Хуэска	Испания	
	3I	I364	Краков	Польша	
	32	I365	Вена	Австрия	
	33	I367	Леч	Венгрия	
	34	I386	Гейдельбург	Германия	
	35	I388	Кельн	Германия	
	36	I39I	Феррара	Италия	
	37	I392	Эрфурт	Германия	

Б. ПЕРИОД РЕНЕССАНСНЫХ УНИВЕРСИТЕТОВ

XV	38	I405	Турин	Италия	Николай Кузанский, I40I-I464 гг.
	39	I406	Генуя	Италия	
	40	I409	Экс	Франция	
	4I	I409	Лейпциг	Германия	
	42	I4II	Сент-Эндрюс	Шотландия	
	43	I4I9	Росток	Германия	
	44	I422	Парма	Италия	
	45	I422	Доль	Франция	
	46	I425	Лувен	(Бельгия)	
	47	I43I	Пуатье	Франция	
	48	I432	Кан	Франция	
	49	I44I	Бордо	Франция	Начало книгопечатания, I442 г.
	50	I444	Катанья	Италия	
	5I	I450	Барселона	Испания	
	52	I450	Глазго	Шотландия	Леонардо да Винчи, I452-I5I9; окончание Столетней войны, I453 г.
	53	I456	Грейдсвальд	Германия	

Продолжение таблицы I

I	2	3	4	5	6
	54	I457	Фрейбург	Германия	
	55	I459	Валанс	Франция	
	56	I460	Базель	Швейцария	
	57	I460	Нант	Франция	
	58	I464	Бурж	Франция	
	59	I472	Трир	Германия	
	60	I472	Инголь- штадт	Германия	
	61	I472	Сарагосса	Испания	
	62	I477	Майнц	Германия	
	63	I477	Тюбинген	Германия	
	64	I477	Упсала	Швеция	
	65	I479	Копенгаген	Дания	
	66	I482	Авила	Испания	
	67	I483	Пальма	Испания	
	68	I489	Сигуэнца	Испания	
	69	I494	Абердин	Шотландия	Открытие Америки Ко- лумбом, 1492 г., плавание Васко да Га- мы в Индию, 1497-1499 гг.
	70	I499	Алкала	Испания	
XVI	71	I502	Виттенберг	Германия	
	72	I502	Севилья	Испания	
	73	I505	Валенсия	Испания	
	74	I506	Франкфурт- на-Одере	Германия	Пересечение Панамско- го перешейка Бальбоа, 1513 г.; Реформация, 1517 г.; Кругосветное путешествие Магелла- на, 1519-1522 гг.
	75	I525	Сантьяго	Испания	
	76	I530	Дуз	Франция	
	77	I530	Марбург	Германия	
	78	I531	Гранада	Испания	
	79	I537	Лозанна	Швейцария	
	80	I544	Кенигсберг	Германия	
	81	I548	Мессина	Италия	
	82	I548	Йена	Германия	
	83	I554	Диллинген	Германия	
	84	I559	Женева	Швейцария	
	85	I562	Лилль	Франция	
				Контрреформация: Три- дентский собор, 1534- 1560 гг.	
				Выход в свет "Об об- ращении небесных сфер" Коперника, 1543 г.	

Продолжение таблицы I

I	2	3	4	5	6
	86	1566	Оломоуц	Чехия	
	87	1568	Браунсберг	Германия	
	88	1572	Нанси	Франция	Варфоломеевская ночь,
	89	1575	Лейден	Голландия	1572 г.
	90	1576	Гельмштедт	Германия	
	91	1579	Вильнюс	Литва	
	92	1580	Овьедо	Испания	
	93	1583	Эдинбург	Шотландия	
	94	1584	Герборн	Германия	
	95	1585	Франекер	Голландия	
	96	1586	Грац	Австрия	
	97	1591	Дублин	Ирландия	
	98	1595	Любляна	Австрия	
	99	1596	Кальяри	Италия	
XVII	100	1607	Гисен	Германия	Выход в свет "О маг-
	101	1613	Кордова	Испания	ните" Гильберта;
	102	1615	Гронинген	Голландия	казнь Джордано Бруно,
	103	1616	Надерборн	Германия	1600 г.
	104	1621	Ринтелен	Германия	Создание телескопа
	105	1621	Страсбург	Франция	Галилеем и выход в
	106	1622	Альтдорф	Германия	свет его "Звездного
	107	1623	Зальцбург	Австрия	вестника", 1609-1616
	108	1630	Оснабрюк	Германия	гг.
	109	1632	Амстердам	Голландия	Законы Кеплера, 1609-
	110	1632	Дерпт	Швеция	1618 гг.
	111	1632	(Тарту)	Германия	"Новый Органон" Ф.Бэ-
	112	1634	Кассель	Голландия	кона, 1620 г.
	113	1635	Утрехт	Венгрия	Учение о кровообраще-
	114	1640	Будапешт	Германия	нии Гарвея, 1628 г.
	115	1647	Або (Турку)	Швеция	"Диалог о двух глав-
	116	1648	Хардервийк	Голландия	нейших системах мира"
	117	1655	Бамберг	Германия	Галилея и процесс
	118	1661	Дуйсбург	Германия	1633 г.
			Львов	Польша	"Рассуждение о мето-
					де" и "Диоптрика" Де-
					карта, 1637 г.
					Окончание Тридцати-
					летней войны, 1648 г.

Продолжение таблицы I

I	2	3	4	5	6
I19	I665	Киль	Германия	Первая электростатическая "машина" Герике, I660 г.	
I20	I668	Лунд	Швеция		
I2I	I669	Загреб	Австрия		
I22	I672	Инсбрук	Австрия	"Математические начала натуральной философии" Ньютона, I687 г.	
I23	I694	Галле	Германия		

XV в., точнее, после окончания Столетней войны университеты, выполнявшие сперва функции общеевропейских очагов просвещения, приобрели качества и назначение центров национальной культуры.

Из I23 перечисленных в таблице I университетов¹ наибольшее количество - 56 приходится на романские страны - Италию, Испанию, Португалию, Францию, причем в последней после Варфоломеевской ночи (I572 г.) не было открыто ни одной высшей школы, по крайней мере до конца рассматриваемого периода.² На втором месте стоит Германия - 3I (27 без прибалтийских городов). Затем идут страны Центральной Европы - I5. В регионе Северного моря также было основано I5 университетов. В регионе Балтийского моря, охватывающего Вильнюсский и Тартуский университеты - IO (табл. 2).

Небезынтересно проследить за темпом возникновения университетов по столетиям, который можно характеризовать предлагаемым нами коэффициентом частоты F . Он равен отношению количества вновь открытых в данном столетии университетов N к разности лет $Z - A$ между годами открытия последнего и первого в том же веке университета: $F = \frac{N}{Z-A}$. Исключив из рассмотрения XII в. из-за непредставительно малой величины $Z-A$, мы видим, что наибольший коэффициент частоты падает на XV в. (табл. 3). Если же взять только вторую половину века, когда

¹ В таблицу не включен основанный в I636 г. в Новой Англии Гарвардский университет.

² В I62I г., когда в Страсбурге открылся университет, город не принадлежал Франции, а был имперским, т.е. германским.

Таблица 2

Регионы	Страны, в которых основывались университеты в XII-XVII вв.	Количество	Примечания
Романских языков	Италия	23	
	Франция	16	
	Испания	16	
	Португалия	1	
	Всего	56	
Германия (без прибалтийских городов)	Немецкие государства	27	
Северного моря	Англия	2	
	Шотландия	4	
	Ирландия	1	
	Голландия	7	
	Бельгия	1	На территории современной Бельгии
	Всего	15	
Центральная Европа	Австрия	6	Включая области Югославии
	Чехия	2	
	Венгрия	2	
	Швейцария	3	
	Польша	2	В XII-XVII вв. Польша больше тяготела к странам Центральной Европы
	Всего	15	
Балтийского моря	Швеция	4	Включая владения на материке
	Дания	1	
	Литва	1	
	Прибалтийские города Германии	4	
	Всего	10	
	Итого	123	

университеты появились на окраинах католического мира — в Глазго, Грейфсвальде, Упсале, Копенгагене, то показатель возрастает до 0,42. Чем объяснить, что именно в эпоху Высокого Возрождения богословские по букве и духу высшие учебные заведения возникали чаще, чем в предшествующие три века? Безусловно, сказывалось здесь веление времени. Но была еще одна причина такого явления — защитная реакция католицизма против вероотступничества и гуманизма, подтачивающих религиозные догматы. Римско-католическая церковь, находясь под угрозой идеологического размывания, как бы предвидя Реформацию, ощущала острее чем когда-либо раньше нужду в квалифицированных, поднатюривших в схоластических словопрениях и преданных теологах и философах. Для их подготовки и форсировалась организация университетов, которые получали законную силу только будучи узаконенными римским папой. Впрочем, за малым исключением, деятельность новых университетов давала результаты, обратные ожидавшимся римской курией.

Таблица 3

Века	Количество университетов	Коэффициент частоты F
XIII	16	0,19
XIV	18	0,20
XV	33	0,35
XVI	29	0,31
XVII	24	0,275
(XII)	(3)	(0,60)

123

В ряду университетов, основанных в XVII в., Тартуский ничем особенным не выделялся. Он имел явно выраженный характер государственного учреждения, рассадника кадров для управления заморскими провинциями Швеции. Стоит подчеркнуть лишь, что согласно учредительной грамоте материальной базой *Academia Gustaviana* должны были служить доходы с земель, расположенных в Ингерманландии, включая те места, где впоследствии был заложен Санктпетербург /I, 147-148/, к чему

мы еще вернемся.

Как известно, после ряда перемещений Дерптский университет в 1699 г. был переведен в Пярну, где он просуществовал до капитуляции города в 1710 г. во время Северной войны /1, 175/. Царь Петр имел в виду сохранить это высшее учебное заведение для России. Вот что написано об этом у С.М.Соловьева: "Было обещано, что как скоро город Пернау приведен будет в царское подданство и находившийся в нем университет во время приступа к городу не будет сопротивляться и не будет ни во что вмешиваться, то государь не убавит его выгод и привилегий, но еще более распространит и будет заботиться, чтоб университет был снабжен всегда искусными профессорами, учителями языков и экзерциций, потому что его царское величество из своих собственных государств и земель молодых людей для обучения туда посылать будет для большей славы этого университета" /6, 355/. Это намерение Петру осуществить не удалось. Возобновление университета состоялось через 92 года в 1802 г. при Александре I.

Выше упоминалось о материальной базе Дерптского университета. Когда Петр I учреждал Академию наук, то на ее содержание должны были идти доходы от таможенных и лицензионных сборов с городов Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбурга /7, 79/. Так, часть ингерманландской земли вернула средства, изъятые в свое время Дерптом. Пути истории неисповедимы!

1. Кенкмаа Р., Эрингсон Л. Из истории Academia Gustaviana в Тарту. - Скандинавский сборник, вып. 2. Таллин, 1957, с. 137-175.
2. Lindroth, S. A history of Uppsala university. Stockholm, 1976, pp. 260.
3. Сидорова Н.А. Основные проблемы истории университетов в средние века в освещении современной буржуазной историографии. - Средние века, № 23, 1963, с. 229-237.
4. Пенко Г. Бенедикт Нурсийский. - Курьер ЮНЕСКО, 1981, июнь, с. 31-37.
5. Лосева И.Н. К проблеме генезиса науки. - Вопросы истории естествознания и техники, 1981, № 3, с. 22-30.

6. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 8. М., 1962, с. I-674.
7. Копелевич Ю.Х. Основание Петербургской Академии наук. Л., 1977. 210 с.

О СВЯЗЯХ ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА С ДРУГИМИ
АКАДЕМИЯМИ В XVII - НАЧАЛЕ XVIII ВВ.

А. Теринг (Тарту)

Тартуский университет в XVII в. был самым восточным среди европейских университетов и одним из малочисленных по количеству студентов, но при этом отнюдь не был изолирован от научного мира. Учебная работа проводилась на том же уровне, как и в большинстве других университетов, а по целому ряду дисциплин Тартуский университет был для своего времени на высшем уровне: Гецелиус обучал греческому языку по новому дидактическому методу Коменского /1/, Димберг одним из первых в Европе признал "Principia" Ньютона /2/, некоторые профессора излагали произведения авторов школы естественного права (Гроция, Гоббса, Пуфендорфа) /3/, из университетской библиотеки студенты могли получить труды Декарта, Спинозы /4/.

Профессора Academia Gustaviana в основном были приглашены из Германии и получили образование в Ростоке (37,5 % всех профессоров), Грейфсвальде (33,4%) и Кенингсберге (29%). Профессора Academia Gustavo-Karolina были, главным образом, выходцами из Швеции, и основная часть их (81% всех профессоров) училась в Упсале и совершенствовала свои знания per peregrinationem academicam за границей (в Дании, Германии, Англии, Франции, Голландии) в качестве стипендиатов или как гувернеры знатных семей.

Студенческие путешествия в XVII в. были обычным явлением, и тартуские студенты не были исключением. Из прибывших в Тарту в 1632-1655 гг. студентов, по крайней мере, 23,5% ранее учились в других университетах, из Тарту же в другие учебные

заведения уехало 20,5%. В *Academia Gustavo-Karolina* прибыло учиться из других университетов уже 34,7%, а из нее отбыло 23,4%. Прибывшие в Тарту (или Ляру) учащиеся были потенциальными носителями новых идей и информации, которые они распространяли, делясь с сокурсниками привезенными с собой книгами или давая оценку прослушанным в других университетах лекциям. Студенты, уехавшие из Тарту, знакомили новых товарищей со своим университетом путем сравнительных оценок. С точки зрения изучения научных контактов, выяснение конкретной картины студенческих перемещений является необходимым условием. В качестве основного источника были использованы десятки университетских матрикулярных книг, которые выявили связь Тартуского университета с 24 академиями /5/. Обработанные источники на настоящем этапе позволяют проследить передвижение студентов, ранее обучавшихся в Тарту и в других университетах, сначала с количественной стороны (см. таблицы I-3).

Примечания к таблицам I-3:

1. Последнее известное место учебы до прибытия в Тарту, первая известная академия после отъезда из Тарту.
2. Место учебы перед отъездом в последнюю до Тарту академию, после отъезда из первого вслед за Тарту университета.
3. Количество прибывших в Тарту из соответствующих университетов, количество уехавших из Тарту в соответствующие университеты.

Швеция - студенты непосредственно из Швеции (за исключением Финляндии).

Финляндия - студенты из Финляндии и Карелии.

Ингерманландия - студенты из Ингерманландии и лена Кексгольм.

Лифляндия - студенты из Эстляндии, Лифляндии (включая остров Сааремаа).

Лифляндия I - остзейцы (немцы).

Лифляндия II - остзейцы (шведы).

Курляндия - студенты, прибывшие из герцогства Курляндского.

Заграница - студенты из Германии, Трансильвании и т.д.

Среди тартуского студенчества в 1632-56 гг. преобладающую часть составляли выходцы непосредственно из Швеции. В университетском списке их было 42,2 %, сюда следует добавить 11,8 % выходцев из Финляндии, Карелии и Ингерманландии. В 1690-1710 гг. удельный вес студентов шведского происхождения уменьшился: в тартуский период они составляли 28,5 % и в пярнуский - 15,2 %. В это же время значительно возросло число студентов, происходивших из Финляндии, Карелии и Ингерманландии, которые составляли в 1690-99 гг. 20,8%, а в 1699 - 1710 гг. - 8,8%. В действительности же высокий удельный вес шведов особенно проявлялся в их участии в учебной работе /6/. Здесь большую роль играет то обстоятельство, что в 1632-56 гг. четвертая часть шведов, всего 25,8%, в том числе незначительное число финнов, ранее обучались в Упсале. Из непосредственно прибывших из Швеции одна треть (30,3%) обучалась в Упсале. Из шведов и финнов, прибывших в Тарту в 1620-1699 гг., в Упсале училось приблизительно столько же (26,5%), а из прибывших в Пярну в 1699-1710 гг. - 21,4%. Прибывшие непосредственно из Швеции составляли соответственно 50 и 31 %. Столь большое число ранее обучавшихся в Упсале означает, что у основного ядра шведских студентов по прибытии в Тарту был уже опыт учебной (и в некоторых случаях научной) работы. Неудивительно, что 24,5% прибывших из Упсалы студентов получило в *Academia Gustaviana* в Тарту магистерскую степень. Историкам науки было бы небезынтересно проследить движение научных идей через Упсалу в Тарту.

Из Тарту же в Упсалу выехала очень незначительная часть - 8,8% шведов, обучавшихся в *Academia Gustaviana*, причем часть из них до приезда в Тарту также училась в Упсале. В 1690-1699 гг. из учившихся в Тарту шведов в Упсалу уехало 4,4%. Даже критические периоды в жизни Тартуского университета не заставили студентов активно двинуться в Упсалу. В 1635 г. в период угрозы вторжения Польши в Лифляндию не уехал ни один студент, после закрытия университета в Тарту в 1616 г. уехало 3, в 1657 - во время чумного карантина - ни одного и в 1658 г. уехало 9 человек. Вероятно, у большинства из них уже было место работы, так как вследствие эпидемии чумы освободилось много мест.

Таблица I

Пребывание студентов, учившихся в
Прибывавшие в Тарту

	Швеция		Финляндия		Индонезия		Литва		Латвия		Курляндия		Заграничные		Всего	
							I		II							
	I	2	I	2	I	2	I	2	I	2	I	2	3	4		
Упсала	1	4	3	2			I						I	15	3	
Турку	1	4	1	1	2										27	
Копенгаген														I	I	
Грейдсвальд							I			I			8	8	18	
Росток	2	2					2			I			15	1	23	
Кенигсберг							3	I				3	I	25	4	37
Франкфурт н/О														2	3	5
Виттенберг							I							I	I	3
Лейпциг														7	2	9
Йена														I	I	
Эрфурт														I	I	
Альтдорф																
Гиессен																
Гельмстедт														I	I	2
Марбург																
Ринтельн																
Страсбург																
Тюбинген																
Лейден														I	I	
Франекер																
Гронинген																
Сиена																
Всего	1	58	1	4	2		6			5			63			

Продолжение таблицы I
Тартуском университете в 1632-1656 гг.,
в других академиях
Уехавшие из Тарту

Швеция	Финляндия		Ингерманл.		Лифляндия I		Лифляндия II		Курляндия		Заграница		Всего
I 2	I 2	I 2	I 2	I 2	I 2	I 2	I 2	I 2	I 2	3	4	го	
40	I 2	I 2	3		I 4	2	4			3		70	
I 7	4 7		2				2	I				33	
	I I					3						5	
	I I	I			I 7	6				I		27	
	4 I				II	I 4			I	4	I	36	
	I I				20	4			I	2	I	30	
					I							I	
	I 2				IO	8				2	2	25	
	I 2				I	8						I 2	
					I	2						3	
						3						3	
					3	2				I		6	
	I				I	I						2	
	I				I							2	
						2						2	
	I				3	4				I	2	II	
					2	7						9	
2	3	2			IO	IO	4		2			33	
3	2					3						8	
		2			3	I				I		7	
72		I 2	5		97				4	I 6			

Таблица 2

Пребывание студентов, учившихся в
Прибывавшие в Тарту

	Швеция		Финляндия		Ингерманланд.		Лифляндия		Курляндия		Заграница		Всего	
	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	3	4
Упсала	52	5	3		2	1	2	1						66
Турку	19		14	1	8		1				2	1		46
Лунд														
Грейдсвалд							1				3			4
Росток							1	1			1	2		5
Киль							1				2	1		4
Кенигсберг	1						1	3			14	2		21
Франкфурт н/О	1						1				1			3
Виттенберг							4	4	1		5	1		15
Галле								1				1		2
Лейпциг							3				3	5		11
Йена							2	1			4			7
Эрфурт												3		3
Альтдорф								1				2		3
Гельмстедт												2		1
Гиессен														
Копенгаген		1												
Лейден														
Франекер														
Ингольштадт												1		1
Всего	73		17		10		17		1		35			

Продолжение таблицы 2
Тартуском университете в 1690-1699 гг.,
в других академиях
Уехавшие из Тарту

Швеция		Финляндия		Ингерманл.		Лифляндия		Курляндия		Заграница		Всего	
I	2	I	2	I	2	I	2	I	2	I	2	3	4
5		2	1	3	1	3							14
1		4		8	1	1				1			16
						6	2						8
1						10	4						15
								16	4				24
2						13	16						32
1						4	15						20
						4	4						8
									1				1
1									1				2
						2	4						6
							2						2
II		6		II		59				I			

Таблица 3

Пребывание студентов, учившихся в Тартуском университете (в Пярну) в 1699-1710 гг.,
в других академиях

Прибывавшие в Тарту

Уехавшие из Тарту

	Швеция		Фин- ляндия		Ингер- манл.		Лиф- ляндия		Кур- ляндия		Загра- ница		Всего		Шве- ция		Фин- ляндия		Ингер- манл.		Лиф- ляндия		Кур- ляндия		Загра- ница		Всего	
	I	2	I	2	I	2	I	2	I	2	I	2	3	4	I	2	I	2	I	2	I	2	I	2	I	2	3	4
Упсала	9												9	4		2					I	I						8
Турку	I		5				I						7			4												4
Лунд	2	I											3	3														
Грейфсвальд	I						2						3									2	2					4
Росток							2	I			2		5									8						8
Киль							3	I	I		2		7									II						II
Кенигсберг										I	5		6									2						2
Франкфурт н/О							I				I		2															
Виттенберг	I						I		I		4		9									2	2					4
Галле							3				I		4									6	8		I			15
Лейпциг																						I	3					4
Йена							2	I			3	I	7									3	2					5
Эрфурт											I	I																
Лейден																						2						2
Копенгаген															I													I
Страсбург																						I						I
Всего	14		5				14		2		17		8		4							38						

контакты Тартуского университета с академией Турку (Або) были менее тесными, хотя географически Турку был более удобно расположен по отношению к Лифляндии. В 1632-1656 гг. из Турку в Тарту прибыло в 10 раз меньше учащихся, чем из Упсалы, 4,6% шведов-финнов. Однако в этот же период движение в противоположном направлении было более активным: открытие в 1640 г. академии в Турку отвлекло, очевидно, часть потенциальных студентов из Тарту. В 1640-1644 гг. из Тарту в Турку уехала значительная часть студентов - 14 человек, но это не дало значительного прироста в Турку /~/ . Возможно, здесь сказалось влияние воспитанника Тартуского университета Н. Ари-тандера, бывшего в Турку в качестве профессора академии. В 1690-99 гг. из Турку в Тарту прибыло заметно больше студентов, чем в первый период. Это частично объясняется возросшим числом студентов из Ингерманландии, но и заметно влияние профессора философии Academia Gustaviana-Carolina Д.Сарковиуса, прибывшего из Турку. В этот период четвертая часть учившихся в Тарту ингерманландцев (23,5) уехала учиться дальше в Турку.

Можно с уверенностью сказать, что Тарту не стал посредническим пунктом на пути шведов в их дальнейшем продвижении к университетам Германии. Через Тарту ехала дальше учиться за границу лишь незначительная часть шведов (3,6%). Наиболее оживленный пункт - Росток (4,2%) в период 1632-1656 гг.

Из молодых людей, уехавших в заграничные университеты из Эстляндии и Лифляндии до 1656 г., 29 % ранее училось в Тартуском университете, из уехавших с 1690 до 1710 г. в списках Academia Gustaviana-Carolina числилось 36%/9/. Если же брать в расчет данные только по Тартускому университету, то из Academia Gustaviana уехали учиться за границу 34%, а из Academia Gustaviana-Carolina 38,5%. Удельный вес прочих прибывших в Тарту лифляндцев в начальный период был очень малым (1,8%), а в 1690-ые годы и во время Северной войны удельный вес возрос соответственно до 11 и 9,7% (более всего из Виттенберга и Кенингсберга, Киля и Галле). Эти относительно высокие проценты обусловлены двухгодичным обязательным обучением в Academia Gustaviana-Carolina экзаменами для получения места, устраиваемыми членами Лифляндской высшей консистории, среди которых были профессора теологии Тартуского университета.

Носителями новых научных и общественных идей были преимущественно иностранцы (главным образом из Померании, а также из Германии и Тюрингии) и именно поступившие в Тартуский университет, ибо университет был в Лифляндии наиболее благодатной почвой для прорастания новых идей. Можно предположить, что большинство иностранцев, прибывших в Тартуский университет, училось в академиях и академических гимназиях. Однако о многих подобные данные отсутствуют. Из прибывших в Academia Gustaviana иностранцев, по крайней мере, 57% учились в каких-либо высших школах, из включенных в списки в 1690-99 гг. - 81,4% и в 1699-1710 гг. - 56,7%. Из прибывших в 1632-56 гг. иностранцев больше всего училось в Кенигсберге (не менее 46,7%), Ростоке (25,4%), Грейфсвальде (25,4%) и Лейпциге (14,3%). С точки зрения распространения новых научных идей в дальнейшем особого внимания заслуживают прибывшие из Ростока. В то время как Мекленбург жестоко пострадал от 30-летней войны, Росток удалось избежать этого. Именно в это время в Ростоке трудятся известные преподаватели: профессор поэтики, большой поклонник Опица - А.Чернинг, братья Лауремберг, И.Кюнгус, С.Паули. С середины XVII в. начинается упадок Ростокского университета (и одновременно города), и он становится обычной высшей школой местного значения /10/. Значение Кенигсбергского университета начинает возрастать с 1637 г. и достигает кульминации в 1643 г. По сравнению с общим числом студентов, устремившихся во время 30-летней войны в Кенигсберг, в Тарту попала лишь небольшая часть /11/.

В этот период в Кенигсбергском университете в некоторых отраслях преподавание велось на высоком уровне (математика, поэтическое искусство) /12/. Изучение взаимоотношений университетов Тарту-Кенигсберг было бы полезным, тем более, что некоторые профессора были приглашены в Тарту именно из Кенигсберга (профессор математики Шелениус /13/, профессор медицины Вирдиг /14/, профессор политики И.Креллиус /15/). Более подробного рассмотрения требуют также связи академий Грейфсвальда с Тартуским университетом, особенно роль приехавшего в Тарту Л.Лудениуса /16/.

В 1690-1710 гг. на первом месте были по-прежнему Кенигсберг (40,4%), Виттенберг (14,9%) и Йена (12,8%). Если 2 цер-

вых в этот период враждебны новым научным идеям /17/, то отношения между Тартуским и Йенским университетами заслуживают внимания, но с определенной осторожностью. Расцвет Йенского университета приходится на II-ю половину XVII в., когда профессора Вейгель, Роллинк, Струве и Босе держали его на высоком уровне. В 1690-ые годы с уходом этих профессоров начинается упадок университета /18/.

Все вышеуказанное позволяет утверждать, что Тартуский университет был в XVII в. пунктом, где пересекалось влияние шведских и немецких академий, ибо сюда приезжала большая часть студентов из Упсалы, Турку, а также Кенигсберга, Росток, Грейфсвальда, позднее из Йены. Дальнейшее детальное изучение культурных и научных связей Тартуского и вышеназванных университетов крайне необходимо, при этом проблему следует рассматривать не только с точки зрения Тартуского университета, а в более широком аспекте; каково было значение данных университетов (а также Лейденского, Виттенбергского, Галле и др.) для Эстляндии и Лифляндии в целом.

1. См. Kvacala, J. Die pädagogische Reform des Comenius in Deutschland bis zum Ausgange des XVII Jahrhunderts. Bd. II. Berlin, 1904, S. 79; Andresen, L. Ühest Eestis ilmunud J.A. Komensky raamatust. - Nõukogude Kool, 1973, nr. 1, lk. 75-81.
2. Lumiste, Ü., Piirimäe, H. Sven Dimberg - Newtoni õpetuse varane propageerija Tartu ülikoolis 1690. aastatel. - Tartu ülikooli ajaloo küsimusi XI. Loodus- ja reaalteaduste arengust Tartu ülikoolis. Trt., 1981, lk. 42-47.
3. Rauch, G.v. Die Universität Dorpat und das Eindringen der frühen Aufklärung in Livland 1690-1710. Essen, 1970, S. 305-311; S. Olsson. Olof Hermelin. En Karolinsk kulturpersonlighet och statsman. Lund, 1953, s. 115.

4. Tering, A. Raamatutel on oma saatus. - Horisont, 1980, nr. 7, lk. 25.
5. De visu просмотрены опубликованные матрикульные книги 33 университетов и до сих пор не изданные матрикулы Грейфсвальдского университета, начиная с 1700 по 1710 г. (Находятся в архиве Грейфсвальдского университета, Album Gruph. Bd. III. 1693-1826)
6. Из всех, представивших в 1632-56 гг. диспутации и орации, 80,5% составили шведы (и финны), из 62, получивших звание магистра, 60 были шведами.
7. В первые два года (1640-41) количество студентов, уехавших из Тарту, составило 3,2-3,8% общего числа студентов Турку.
8. В матрикуле Ростоцкого университета в 1632-56 гг. числилось около 80 шведов, из них только 5 ранее учились в Тарту; в Грейфсвальдском университете было внесено в список в 1647-53 гг. около 20 шведов, из них только 1 учился в Academia Gustaviana. Для сравнения: в 1632-56 гг. в Тартуском университете было 468 шведов.
9. См. Tering, A. Liivimaalaste õpingud Tartu ülikoolis 1632-1710. - Tartu ülikooli ajaloo küsimusi X. Trt., 1981, lk. 4, 6.
10. См. Geschichte der Universität Rostock 1419-1969. Bd. 1. Die Universität von 1419 bis 1945. Rostock, 1969, S. 55-71.
11. Из 7294 студентов, включенных в списки Кенигсбергского университета за 1619-49 гг., 2604 были из Восточной Пруссии, остальные из других областей Германии. (J. Lehmann. Die örtliche und soziale Herkunft der Königsberger Studenten 1544-1649. Leipzig, 1929, S. 82).
12. Selle, G.v. Geschichte der Albertus-Universität zu Königsberg in Preussen. Würzburg, 1956, S. 80, 86, 105.
13. Библиотека Упсальского университета. Собрание Нордина 66, л. 40.
14. Научная библиотека Тартуского государственного университета, отдел рукописей и редких книг, ф. 7, с.-е. 12, л. II об.; с.-е. 13, л. 3.
15. Библиотека Упсальского университета. Собрание Нордина 66, л. 104.

16. Некоторые студенты могли быть даже учениками Луденюса в Грейфсвальде, где он был профессором философского факультета: два сына суперинтендента Померании Д.Рейца (+ 1634), три сына профессора Грейфсвальдского университета И. Эберхарда (+1630).
17. См. Selle, G.v. Geschichte der Albertus-Universität zu Königsberg in Preussen, S. 113; Geschichte der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg. Abriß. Halle, 1977, S. 28-29.
18. Mägdefrau, W. Grundzüge der Geschichte der Universität Jena zur Zeit ihres ersten wissenschaftlichen Höhepunkts in der zweiten Hälfte des 17. Jahrhunderts. - Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich-Schiller Universität Jena/Thüringen. Jg. 8, 1958/59, S. 50-58.

ТАРТУСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В XVII ВЕКЕ И ЛИТВА

Э. Гячяускас (Вильнюс)

Различие вероисповеданий закрыло доступ католикам Литвы в лютеранский Тартуский университет в XVII веке. Враждебные отношения между Швецией и Речью Посполитой элиминировали возможность протестантам Великого Княжества Литовского посещать Академию Густава. Неосуществленная уния 1655 года между Швецией и Литвой положения не изменила.

Однако некоторые косвенные связи Тартуского университета с Литвой имелись. Это подтверждает еще малоизвестный факт, что воспитанник Академии Густава И.Рейтер (Johannes Reuter) в 1667 году был профессором гражданского права в Вильнюсском университете /1/. Известно, что он окончил рижскую гошскую школу в 1650 году и 10 сентября был имматрикулирован студентом /1, 2/. Высказано предположение, что Рейтер - латыш Янис Ятнекс (Janis Jatnieks) /1/.

Р.Кенкмаа и Л.Эрингсон /3/ пишут, что он стал доктором медицины, профессором права и пастором, точно не указывая, где он приобрел все эти звания. Опубликованные диссертации показывают, что в Тарту И.Рейтер окончил философский факуль-

тет в 1654 году /4/, а теологический - в 1655 году /5/. Право он изучал либо факультативно в Тарту, либо в другом университете. Сведения о содержании курса права Й. Рёйтера в Вильнюсском университете не обнаружены.

В Вильнюс он попал формально, будучи католиком, после аудиенции у папы Александра УП, а из Вильнюса отправился в неизвестный университет Франции /1/.

Уместно отметить, что в Вильнюсе профессорами гражданского права были светские ученые (А.А. Olizarovius, J.G. Schauer, S. Dilger, U. Peyer), некоторые из которых учились в протестантских университетах, а профессорами других дисциплин были иезуиты.

Другой воспитанник Тартуского университета И.Ф. Рувийс (Johannes Fridericus Ruvius, Wendensis), имматрикулированный в августе 1690 года /6/, составил компилятивную хронику, которую в 1808 году в Таллине приобрел историк Литвы Теодор Нарбут (/7/, с. 376) и часто пользовался в своих исторических сочинениях. В хронике собраны фрагменты хроники Г. Бунтинга (H. Bünting) новой ливонской хроники, хроники Х.Кельха (Chr. Kelch), хроники Литвы А. Ротунда (A. Rotundus) и других источников по истории Латвии, Литвы, Эстонии и Европы, а также стихи, анекдоты и пр. Ныне хроника находится /8/ в Вильнюсе в Отделе рукописей Центральной библиотеки АН Литовской ССР. Т.Нарбут по инициалам полагал, что автором является И.Ф.Рувийс (J.F. Rivius). Фамилия автора встречается дважды в различных формах: в § II7 - Rūviss и в § I77 - Rivius. Автор сообщает, что родился в 1673 году (§ 69), приехал в Курляндию в 1689 году (§ 34), гробница предков находится в Пилтене (§ II7).

Т.Нарбут в 1842 году переписал и перевел хронику на польский язык с намерением опубликовать. В пояснениях указывается, что в 1838 году во время пожара в его доме пропал конец хроники, содержавший *Samtliche Auszüge aus der Cronica sive Historie Lithu. Rotundi.*

Следующие свидетельства связей относятся к *Academia Gustaviana-Carolina.*

Жители Малой Литвы (части Пруссии) могли свободно отправляться в эту академию. 3 января 1693 года туда был имматрикулирован Якоб Конциус (Jacobus Concius) /6/. Он прибыл после окончания Кенигсбергского университета, в который был принят в 1684 году /9/. Я.Конциус в 1686 и в 1688 годах опубликовал две диссертации по истории /10, 11/, промотором которых был М.Гойновиус (М. Hoenovius). В Тартуском университете Конциус в первый год обучения защитил две диссертации: у профессора О.Моберга (O. Moberg) по теологии и у профессора Г. Шёберга (G. Sjöberg) по истории /12, 13, 14/. 24 октября 1693 г. магистр Я.Конциус выступает уже в качестве промотора М.Берендса (Michael Behrends) в Кенигсбергском университете /15/. Там же в 1694 году М.Берендс изучает право /9/, а в 1697 году имматрикулируется в Academia Gustaviana-Carolina /6/. Я. Конциус в 1695 году участвует в диспуте по теологии /16/, а в 1696 году назначается пастором городской кирхи и архипресвитером в Клайпедо /17/. Эти должности он занимал до конца жизни (до 1712 года). В отделе редких книг Центральной библиотеки Академии наук Литовской ССР в Вильнюсе хранится гербовый книжный знак с надписью "... M. Jacobus Concius Archipresb. Memelen: 1705", указывающий на существование личной библиотеки Я.Конциуса.

Уроженец Клайпеды А.Адлер (Adam Adler) с 1692 года изучал право в Кенигсбергском университете /9/, а в 1695 году имматрикулировался в Тарту /6/. Адлер был долголетним бургомистром города Клайпеды в 1721-1757 гг. /18/.

И.К.Темпельманн (Johannes Casparus Tempelmann) из Клайпеды с 1683 года изучал право в Кенигсбергском университете /9/, а с 1694 года учился в Тарту /6/, а И.К.Туманнис (Johann Caspar Tumannis) из Тильжи (Tilže, Tilsit, Советск) был имматрикулирован в Пярну в 1702 году /6/.

Матрикулы Кенигсбергского и Тартуского университетов показывают, что почти все студенты из Пруссии в Тартуский университет прибывали после учебы в Кенигсбергском университете.

Король Швеции Карл XI в 1691 году послал востоковеда профессора Упсальского университета Г.Перингера (Gustav Peringer) исследовать караимов Литвы. После этой поездки один об-

разованный караим Саломон бен Арон из Пасвалкиса по приглашению отправился в Упсалу. Остановившись в Риге, он имел продолжительную беседу с профессором Пуфендорфом (Puffendorf) и впоследствии написал исследование Apirion о религии караимов /19/. По-видимому, Саломон дискутировал не с Пуфендорфом, а с ректором лицея в Риге И. Уппендорфом (Johann Uppendorf), известным востоковедом, который в 1698 году был профессором восточных языков в Тартуском университете и оставил неопубликованную работу Commentationes de ritibus iudaicis (не о караимах ли?) /12/.

Во время Северной войны король Швеции Карл XII посетил общину караимов в Тракае. По просьбе шведов Нисанович (Nisanowicz) написал работу о караимах Levi's Malkhut /19/. В то время королевским секретарем и историографом с 1699 года был прежний профессор права в Тартуском университете О. Хермелин (Olaus Hermselin) /20/, который, возможно, имел контакты с Вильнюсским университетом при наложении контрибуции и конфискации книг.

1. Reuters, J. Tulkojuma paraugs. Ar B. Jēgera apceri. Stockholm, 1975.
2. Weise, Th. Beitrag zur Geschichte der ältesten Universität Dorpat. - Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurlands. Riga, 1855, Bd. 8, Heft 1, s. 146-191. (Matricula Academiae Dorpatensis... 1632-1665, s. 150-188).
3. Кеннима Р., Эрингсон Л. Из истории Academia Gustaviana в Тарту (1632-1656). - Скандинавский сборник, вып. 2. Таллин, 1957, 137-175.
4. Positiones philosophicae de mansuetudine, quas ... sub praesidio ... Petri S. Lidenii ... publicae censurae subjecit Johannes Reuter, Riga - Livenus ... Dorpati, 1654.

5. Dissertatio theologica. Positiones philosophicae de Coena Dominica, respondente Joanne Reutero Rigensi Praes. Gabriel Elvering. Dorpati, 1656.
6. Beise, Th. Beitrag zur Geschichte der Zweiten schwedisch-livländischen Universität. - Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurlands. Riga, 1880, Bd. 12, s. 309-332 (Academiae Dorpatensis Album Studiosorum ... 1690-1710, s. 312-332).
7. Narbutt, T. Dzieje starożytne narodu litewskiego. T. 1. Wilno, 1835.
8. Центральная библиотека АН Литовской ССР, отдел рукописей, Ф9 - 3156 J.F.R. 1697. Cronica ist aus einer anderen Croniker ausgesogen und alter Geschichte ausgeschrieben.
9. Erler, G. Die Matrikel der Albertus-Universität zu Königsberg i. Pr. Bd. 2. Leipzig, 1912.
10. Exercitatio politicae... M. Michael Hoynovius Praeses et respondens Jacobus Concius, Reg. Pruss. Philos. Studios. Regiomonti, 1686.
11. Dissertatio historica de Antipodibus... Facultatis Philosophicae in Academia Regiomontana praeside M. Michaele Hoynovio Praeceptor et Studiorum Promotore... Publice tuebitur Jacobus Concius, Reg. Pruss. Philos. Studios. Auctor et Respondens Regiomonti, 1688.
12. Rauch, G.v. Die Universität Dorpat und das Eindringen der frühen Aufklärung in Livland 1690-1710. Essen, 1943.
13. Specilegia ex optima theologiae messe, ... sub praesidio... Olai Mobergii... proponit Jacobus Concius auctor. Dorpati, 1693.
14. De Elogiis seu argutis inscriptionibus..., praes. Gabriel Sjöberg ..., resp. Jacobus Concius... Dorpati, 1693.
15. Philosophicae in Academia Regionontana pro receptione in eandem Assertiones... Praeses M. Jacobus Concius Regiomontanus Respondente Michaele Behrends S.S. theol. et philos. stud. Regiomonti, 1693.
16. Disputatio theologica... in Academia Regiomontana ... praes. Godofredo Wegnero resp. M. Jacobo Concio Regiomont. Prusso. Regiomonti, 1695.

17. Recke, J.P., Napiersky, Ed. Allgemeines Schriftsteller und Gelehrten - Lexicon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland. Bd. 1. Mitau, 1827.
18. Sembritzki, J. Geschichte der Königlich preussischen See- und Handelsstadt Memel. Memel, 1926.
19. Zajączkowski A. Karaims in Poland. Warszawa, 1961.
20. Эрингсон Л. Из истории Academia Gustavo - Carolina (1690-1710). - Скандинавский сборник, вып. 7. Таллин, 1963, с. 184-218.

ТАРТУСКИЙ (ДЕРПТСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ НАЧАЛА XIX В.
 В АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛАХ УЧЕНОГО КОМИТЕТА
 ГЛАВНОГО ПРАВЛЕНИЯ УЧИЛИЩ^I

Е.П. Ожигова (Ленинград)

В начале XIX в. в России наступила пора реформ в области народного образования. В 1802 г. было образовано Министерство народного просвещения, а при нем Главное правление училищ. Были основаны или преобразованы университеты, учреждены учебные округа с центрами в университетах, созданы гимназии, уездные и приходские училища. Одной из важных задач было создание учебных пособий для учебных заведений. Главное правление училищ образовало специальный комитет для рассмотрения ранее существовавших учебных изданий. Желавшим предлагали заняться переводом иностранных учебников, список которых был опубликован, начали выходить учебные руководства и на русском языке, авторами которых были отечественные профессора.

Но постепенно политика правительства, включая и народное образование, становилась все более реакционной. В 1817 г. вместо Министерства народного просвещения было учреждено Министерство духовных дел и народного просвещения во главе с

князем А.Н.Голицыным. Главное правление училищ сохранилось, и при нем был образован Ученый комитет. Главной его задачей было рассмотрение учебников, учебных пособий и коллекций, проектов уставов и правил для учебных заведений. Училищные комиссии и цензурные комитеты при университетах, в ведении которых находилась цензура издаваемых университетами и принятых к преподаванию книг, обязаны были через попечителей своих округов посылать рассмотренные ими книги в Ученый комитет с приложением отзывов о них, а Комитет, рассмотрев книги снова, передавал свое мнение на утверждение Главного правления училищ. На Ученый комитет была возложена также обязанность издания от имени Главного правления училищ Журнала Департамента народного просвещения (позднее - Журнал Министерства народного просвещения).

В состав Ученого комитета /2/ вошли академик Николай Иванович Фусс, много лет бывший верным помощником Леонарда Эйлера, а с 1800 г. - непременный секретарь Петербургской академии наук; действительный камергер двора Александра I, эмигрант из Франции, граф Иван Степанович Лаваль и один из приближенных Александра I, отпрыск старинного молдавского боярского рода Александр Скарлатович Стурдза. Последний в 1818 г. написал по поручению царя "Мемуар о современном положении в Германии", где обрушился на германские университеты, являвшиеся, по его мнению, рассадником революционного духа и атеизма.

Основная работа в Ученом комитете легла, разумеется, на плечи Н.И.Фусса, которому приходилось рассматривать основную массу поступавших в Комитет книг и пособий. Кроме указанных трех лиц в заседаниях Комитета участвовал иногда архимандрит Иннокентий, на отдельные заседания приглашались попечители того или иного учебного округа.

Первое заседание Ученого комитета состоялось 18 марта 1818 г. Комитет просуществовал до 1831 г., он был упразднен по предложению министра народного просвещения князя К.А. Ливена, до этого бывшего попечителем Дерптского учебного округа. Комитет был учрежден вновь в 1856 г., с несколько иными обязанностями и с более широким составом. Здесь пойдет речь только о первом Ученом комитете, существовавшем в 1818-1831

гг. Материалы этого учреждения хранятся в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде (в дальнейшем — ЦГИА), фонд 734. Но так как предложения комитета передавались на утверждение Главного правления училищ, и оно же контролировало деятельность Комитета, то многие вопросы, упоминаемые в описях и делах фонда Ученого комитета, встречаются и в других фондах этого архива. Среди материалов Ученого комитета и Главного правления училищ много упоминаний о Дерптском университете и одноименном учебном округе. Училищная комиссия университета представляла через попечителя округа Ученому комитету все книги для университета и других учебных заведений округа. Сюда присылались расписания лекций, конспекты, проекты изменения Уставов университета и других учебных заведений округа. В описях имеются упоминания о торжественном собрании Дерптского университета 12 декабря 1823 г., о посвящении сочинения В. Струве императору и о награждении автора этого сочинения, о некоторых диссертациях, защищенных в университете, о рассмотрении руководства профессора Зендфа для геометрического рисования, о пособиях по естественной истории в Дерптской, Рижской и Ревельской гимназиях, о каталоге семян в Ботаническом саду Дерптского университета, об определении цензоров в Дерптский цензурный комитет и пр.

Надо сказать, что многие дела, особенно по описям Главного правления училищ, были уничтожены, поэтому для того, чтобы получить представление о их содержании, приходится обращаться к другим фондам, иногда это позволяет восстановить картину происходившего.

Я остановлюсь здесь лишь на некоторых пунктах, касающихся Дерптского учебного округа. В фонде Ученого комитета хранится ряд дел, посвященных рассмотрению книг по Дерптскому округу. Книги и отзывы о них присылала, как уже говорилось выше, Училищная комиссия университета, в которую входили профессоры различных дисциплин, включая и двух профессоров богословия. В 1818 г. были рассмотрены книги по преподаванию русского языка и литературы в Дерптском учебном округе, в том числе "Элементарная книга русского языка для использования в школах Лифляндии, Эстляндии, Курляндии и Финляндии" профессора русской литературы Дерптского университета Григория

Глинки /3/ и другие учебные курсы: "Русская книга для чтения" профессора и библиотекаря в Кенигсберге И.-С.Фатера /4/, его же "Практическая грамматика русского языка" /5/ и другие. Н.И.Фусс согласился с мнением Училищной комиссии Дерптского университета, что лучшими пособиями для изучения русского языка в школах округа могут служить книги Фатера. О книге Г. Глинки говорилось, что ее уже рассматривал раньше покойный С.Я.Румовский и счел это сочинение недостаточным для учебных заведений Дерптского учебного округа.

Книга Г.Глинки, с точки зрения современного читателя, представляет интерес не только как старинный учебник русского языка для лиц, владеющих немецким. Ее содержание весьма оригинально. После знакомства с русским алфавитом и некоторыми элементарными сведениями читатель встречает различные поговорки, афоризмы разных народов. Затем идут отрывки из сочинений и небольшие очерки. В этой группе примеров - высказывания Вольтера, Лихтенберга. Ряд очерков посвящен России и ее истории. В них говорится о населении страны, о ее доходах, о российских монетах, о боярах и местничестве, о правлении у древних жителей России, о положении крестьян в России до Ивана IV, о происхождении крепостного права. При этом автор замечает, например: "Нет закона, делающего лично крестьян помещикам крепостными" /3, с. 87/. Дальше автор задает вопрос: "В каком отношении у нас крестьяне к помещикам своим?" Отвечая на него, он поясняет, что такое "оброк", "тягло", "кабала", приводит высказывания о помещиках, которые "поступают со своими слугами хуже, чем со скотами". Приводятся отрывки из "Писем русского путешественника" Карамзина, анекдоты о Петре I, стихотворения и пр. В конце дан словарь. Некоторые отрывки, помещенные в книге Глинки, перекликаются со знаменитой книгой А.Н.Радищева.

Весной 1819 г. Ученый комитет рассмотрел учебные книги по математике и физике, присланные Училищной комиссией Дерптского округа вместе с ее отзывами и представлением попечителя округа К.А.Ливена /6/. Среди этих учебных руководств были книги: Г.Ф.Паррот "Начальные основания математики и естествознания" /7/, И.Кизеветтер "Первые начальные основания чистой математики" /8/, В.Карстен "Извлечение из начальных

оснований чистой математики" /9/, И.Лоренц. "Начала математики" /10/, Ф.Криз. "Физическая учебная книга" /11/ и другие. О книге Паррота Училищная комиссия писала: "Книга сия введена в уездных училищах с одобрения Главного правления училищ", о книге Карстена было сказано: "Сие извлечение содержит все части чистой начальной математики и все части прикладной, не исключая Артиллерии, Фортификации и Архитектуры, а потому объединяет гораздо более, сколько требует учебный курс гимназий; впрочем может служить для учителей вспомогательной книгой" /12/. Все присланные книги были переданы на отзыв Фуссу. Он признал годными для преподавания в Дерптском округе книги Паррота, Криза и перевод на немецкий язык "Начал Евклида", сделанный Лоренцом в 1818 г. Учебник Кизеветтера счел книгой посредственной как по содержанию, так и по методу. "Начала математики" Лоренца ему также не понравились. Об остальных книгах он согласился с мнением Училищной комиссии, заметив, что они могут служить вспомогательными пособиями для учителей /13/.

Остановлюсь еще на эпизоде, связанном с рассмотрением книги Снелля по философии. Попечитель К.А.Ливен препроводил в Ученый комитет "Учебную книгу для первоначального наставления в философии. Соч. Ф.В.Д.Снелля /14/ и "Опытную психологию" К.Т.Германа /15/. Училищная комиссия Дерптского университета сообщала, что эти книги "не были, собственно, введены в преподавание, они служат основанием публичного наставления в высших классах гимназий сего округа. Первое из этих сочинений особенно к тому способствует по своей краткости, ясности и многим дознанным преимуществам, но употребление оной ограничивается токмо теми частями философии, которые предписаны в учебном плане гимназий". О второй книге говорилось, что "хотя она и не может равняться в достоинстве с первой, но употребление ее в училищах не воспрещается" /16/.

Книги передали на отзыв Фуссу, который нашел, что книга Снелля, "отличающаяся сверх того пред другими книгами сего рода планом своим, порядком, ясностью и сообразною цели краткостью, может с успехом быть употребляемой в немецких гимназиях Дерптского учебного округа тем надежнее, что она также с пользою употребляется во многих гимназиях Германии; Герма-

на "Опытная психология" также не без достоинства. Хотя психологическая часть и уступает Снелловой книге, но взамен сего отличается она перед оною антропологическою частью, содержащею общую и частную физиологию, как описание человеческого тела и их назначения, о чем в Снелловой книге изложено весьма вкратце... Но несмотря на то я должен заметить, что естественная история человека не принадлежит к предписанным учебным предметам для гимназий, и что следовательно я считаю лучшим придерживаться для сих предметов только Снелловой книги" /17/. В соответствии с этим отзывом Главному правлению училищ было доложено, что Ученый комитет полагает преподавание в гимназиях Дерптского учебного округа в части философии продолжать по учебной книге Снелля /18/. Но тут в дело вмешался М.Л.Магницкий, недавно ставший членом Главного правления училищ, один из наиболее реакционных деятелей царствования Александра I.

Незадолго до этого момента Магницкий вернулся из Казани, где проводил ревизию учебного округа и университета, и представил отчет, в котором разгромил Казанский университет за безбожие и вольнодумство. Он привез из Казани напечатанные там учебные руководства и передал министру Голицыну "с отметками на тех местах, кои открывая противные христианской религии мысли их издателей и места, их одобрявшего, служат доказательством того пагубного духа, который нашел я в сем учебном сословии" /19/. Среди этих книг был русский перевод "Философии" Снелля, сделанный Александром Лубкиным и Петром Кондыревым, адъюнктами, а затем профессорами университета /20/. Оказавшись теперь в Главном правлении училищ, Магницкий, видимо, обрадовался возможности отличиться на этом новом посту, когда узнал о немецком оригинале книги Снелля и отзывах о нем. Главное правление тут же поспешило отмежеваться, заявив, что еще не утверждало книги Снелля. Тогда министр приказал передать замечания Магницкого в Ученый комитет "на предмет его мнения в рассуждении упоминаемой книги" /21/. После ухода в отставку А.К.Стурдзы членом Ученого комитета был назначен Д.П.Рунич, также крайний реакционер, с именем которого связано преследование передовых профессоров Петербургского университета в 20-е гг. XIX в. Ему-то и была передана

книга Снелля с пометками Магницкого. Рунич счел этот курс "подозрительным, как по образу изложения, так и по заключениям, которые из многих определений выведены быть могут", отметил, что "Система Снелля ведет и к материализму и школьным умствованиям", и заключил, что такой философии "священное писание именно велит остерегаться". В целом он согласился с мнением Магницкого, что преподавание философии по этой книге допущено быть не может /22/.

Вскоре внимание Магницкого и Рунича привлекла книга профессора А.П.Куницына "Право естественное", положительный отзыв о которой снова принадлежал Фуссу, и о книге Снелля на время забыли, тем более, что в 1820 г. из преподавания в гимназиях все философские предметы были исключены. Но в 1824 г., после отставки Голицына и прихода нового министра народного просвещения А.С.Шишкова, Ученому комитету снова пришлось вернуться к книге Снелля. И Фуссу, и попечитель Дерптского учебного округа пришлось давать новые объяснения по этому поводу. В обсуждении приняли участие и новые члены комитета И.И. Мартынов и И.Ф.Крузенштерн, поддержавший мнение Дерптской училищной комиссии и Фусса. После продолжительного обсуждения, доставившего немало неприятностей авторам положительных отзывов о книге, было принято решение — не употреблять в преподавании ни немецкого подлинника, ни русского перевода этой книги.

1. Поскольку в цитируемых архивных документах Тартуского университета и Ученого комитета Тартуский университет назывался "Дерптским", в статье сохранено это название.
2. Георгиевский А.И. К истории Ученого комитета МНП. — Журн. Министерства народного просвещения, ч. 331, отд. III. 1900: с. 25—61.
3. Glinka, Gregor. Elementarbuch der Russischen Sprache zum Gebrauch der Kreisschulen in Lief-, Ehst-, Kur- und Finland. Mitau, 1805.
4. Vater, J.-S. Russisches Lesebuch. Leipzig, 1815.
5. Vater, J.-S. Praktische Grammatik der Russischen Sprache. (Halle) Leipzig, 1808.

6. ЦГИА, ф. 734, оп. I, № 48.
7. Parrot, G.-F. Anfangsgründe der Mathematik und Naturlehre, für die Kreisschulen der Ostprovinzen des Russischen Reichs. Mitau, 1815.
8. Kiese Wetter, J.-G.-S. Die erste Anfangsgründe der reinen Mathematik zum Gebrauch für den Unterricht. III Auflage. Berlin, 1811.
9. Karsten, W.-J.-G. Auszug aus den Anfangsgründen und dem Lehrbegriffe der mathematischen Wissenschaften. Greifswald, 1790.
10. Lorentz, J.-F. Grundriss der reinen und angewandten Mathematik. Helmstedt, 1804.
11. Kries, F. Lehrbuch der Physik für gelehrten Schulen. Jena, 1806.
12. ЦГИА, ф. 734, оп. I, № 64.
13. Там же, л. 5-5 об.
14. Snell, F.-W.-D. Lehrbuch für den ersten Unterricht in der Philosophie. Th. I-II. II Auflage. Giessen, 1796.
15. Herrmann, K.-Th. Empirische Psychologie mit einer physiologischen Einleitung, zum Gebrauch für Gymnasium. Riga, 1810.
16. ЦГИА, ф. 734, оп. I, № 64.
17. Там же, л. 3-3 об.
18. Там же, л. 4 об.-5.
19. Там же, л. 8.
20. Начальный курс философии. Сочинение г. Снелля. С немецкого языка на российский перевели и с некоторыми примечаниями и прибавлениями издали имп. Казанского университета адъюнкты: Умозрительной и Практической Философии Александр Лубкин, Политической Экономии и Исторических наук Петр Кондырев. Казань, 1813 (ч. I-5, из которых ч. I, 2 изд. в 1813 г. и переведены Лубкиным, ч. 3-5, 1814, переведены П. Кондыревым).
21. ЦГИА, ф. 734, оп. I, № 64, л. 9.
22. Там же, л. 13-14 об.

О СОСТАВЕ ВОСПИТАННИКОВ ПРОФЕССОРСКОГО
ИНСТИТУТА ТАРТУСКОГО (ДЕРПТСКОГО) УНИВЕРСИТЕТА
В 1828-1838 ГГ.

В. Тамул (Тарту)

Профессорский институт - учебное заведение типа аспирантуры действовал при Тартуском университете с 1828 по 1838 гг. Он разрешил важную для русской науки задачу: подготовил 22 высококвалифицированных преподавателя для университетов России. Создание Профессорского института было одним из важнейших пунктов в системе чрезвычайных мер, направленных на преодоление кризиса высшего образования в России в первой трети XIX века. Профессорский институт способствовал развитию более тесных и прямых связей между русской и западноевропейской наукой. Деятельность Профессорского института сыграла большую роль также и в истории высшего образования в Эстонии, прежде всего в истории Тартуского университета, юбилей создания которого мы сегодня отмечаем, наглядно подтверждая его высокий научный уровень в первой половине XIX века.

Цель настоящей статьи - осветить принципы и сам процесс комплектования состава воспитанников Профессорского института, показать изменения в численности воспитанников во время их работы в Тарту и дать краткую качественную характеристику воспитанникам. Не касаясь проблем, связанных с основанием Профессорского института, которые уже освещены в литературе /1/, рассмотрим процесс комплектования первого состава воспитанников Профессорского института.

15 октября 1827 г. (здесь и далее все даты приводятся по старому стилю) Министерство народного просвещения обратилось к Петербургскому, Московскому, Казанскому и Харьковскому университетам с предложением отобрать из числа студентов в общей сложности приблизительно 20 лучших для поступления в Профессорский институт /2/. Кандидаты должны были обладать следующими качествами: безукоризненной нравственностью, естест-

венными предпосылками, любовью к науке, требовались также достаточные знания по избранному предмету, знание латыни, французского и немецкого языков (от филологов еще и знание греческого языка), педагогические способности и хорошее здоровье. Будущие профессора обязывались работать на педагогическом поприще не менее 12 лет. Предписывалось отдавать предпочтение "природным россиянам", причем рекомендовалось не ограничиваться только казенными воспитанниками, а вносить в списки также и "свокоштных", и не только студентов, но и кандидатов, "если таковые найдутся" /3/.

На местах выбор кандидатур для поступления в Профессорский институт проходил по-разному. В большинстве он был довольно объективным и целенаправленным. Советы университетов послали в Министерство народного просвещения аттестации на каждого избранного кандидата /4/.

В некоторых случаях в объективности выбора заставляет сомневаться то, что руководство университетов еще недостаточно знало тех, кого оно рекомендовало для поступления в Профессорский институт. Например, из семи кандидатов, представленных Петербургским университетом, четыре (В.И.Лапшин, С.С. и М.С.Куторга и П.Д.Калмыков) успели проучиться там лишь один год /5/.

В общей сложности от университетов Петербурга, Москвы и Казани набралось по 7 кандидатов от каждого, от Харькова — ни одного. По желанию царя двух кандидатов взяли из Вильнюсского университета. Ими оказались поляки по национальности И.А.Ивановский и А.О.Валицкий. На отклонение от первоначального требования о национальности кандидатов (природных россиян) в первое время никто внимания не обратил, но потом, в 1832 году, когда обсуждался вопрос о заграничной командировке воспитанников, их польское происхождение вызвало некоторые затруднения /6/.

К 1 июня 1828 года все 23 кандидата должны были явиться в Петербург. С 18 по 22 июня 1828 года в большом зале Академии наук в присутствии представителей Министерства народного просвещения происходило так называемое "строгое испытание", для чего было создано 7 комиссий с участием 23 академиков и профессоров. Экзаменовали по I-3 основным дисциплинам и до-

подробно — по латыни, французскому и немецкому языкам. И.о. президента Академии А.И.Шторж после "строгого испытания" послал министру народного просвещения отчет и ведомость с результатах экзамена (копию ведомости послали и в Тартуский университет). Благополучно выдержали экзамен и оказались подходящими 16 человек: 6 из Петербургского университета (В.И. Лапшин, С.С.Куторга, М.С.Куторга, П.Д.Калмыков, П.И.Шкляревский и А.И.Чивильев), 6 из Московского (П.П.Корнух-Троицкий, Н.И.Пирогов, П.Г.Редькин, Г.И.Сокольский, И.О.Шиховский и А.Н.Шуманский), 2 из Вильнюсского (И.А.Ивановский и А.О.Валицкий) и 2 из Казанского (Д.Л.Крюков и Н.Л.Скаледовский). Из них 13 были аттестованы как "весьма надежные" и 2 (Н.И.Пирогов и И.А.Ивановский) как "надежные". 16 июля после торжественного богослужения новоиспеченные воспитанники Профессорского института отправились из Петербурга в Тарту. В Тартуском университете они были имматрикулированы 21 и 23 июня 1828 года /7/.

Комплектование первого состава воспитанников Профессорского института на этом не закончилось. В своей резолюции Николай I довольно резко выразился по адресу Харьковского университета, не нашедшего ни одного кандидата для поступления в Профессорский институт. В Харьковском университете забеспокоились и поспешно нашли четырех кандидатов (Ф.И.Иноземцев, А.М.Филомафитский, П.И.Котельников и П.П.Шрамков), которые после состоявшегося 23 октября экзамена были имматрикулированы в Тартуском университете 17 ноября 1828 года /8/.

Таким образом, в 1828 году к занятиям в Профессорском институте приступили 20 человек.

Но состав воспитанников не остался неизменным.

В феврале 1829 года из Профессорского института по собственному желанию был исключен А.Н.Шуманский. Официальной причиной его ухода было состояние здоровья (душевная болезнь и постоянные головные боли), но в действительности, как писал Н.И.Пирогов в своих воспоминаниях, он ушел из-за семейных обстоятельств /9/.

5 июня 1830 г. после продолжительной болезни (туберкулеза) умер П.И.Шкляревский /10/.

12 октября 1831 г. от холеры умер П.П.Шрамков /11/.

В декабре 1830 года посвятившие себя юриспруденции П.Г. Редькин и П.Д.Калмыков были переведены из Профессорского института в Берлин, куда раньше уже были посланы для изучения законоведения несколько человек из Петербургской и Московской духовных академий /12/.

14 июля 1830 года в состав воспитанников Профессорского института по рекомендации Тартуских профессоров был включен бывший студент юридического факультета Тартуского университета М.Г.Луниин /13/.

Таким образом, в конечном итоге первый состав воспитанников Профессорского института насчитывал 16 человек. После окончания учебы в Тартуском университете они здесь же получили ученую степень и 1833 году были направлены за границу для самостоятельной стажировки.

В марте 1833 года министр народного просвещения обратился к Николаю I с докладом, где "испрашивал" высочайшего разрешения на то, продолжать ли деятельность Профессорского института или нет. Решение царя было положительным: "Профессорский институт продолжать и новых студентов вытребовать" /14/.

На этот раз набралось 6 кандидатов (4 из Харьковского университета и 2 из Петербургского), но в связи с болезнью одного кандидата из Петербургского университета "строгому испытанию" при Академии наук 20 сентября 1833 г. были подвергнуты пятеро: Г.Лапшин из Петербургского и И.В.Варвинский, П.Любовский, В.Гринев и С.Ростовцев из Харьковского университета. Все они успешно сдали экзамен в октябре, были посланы в Тарту и в конце октября - начале ноября /15/ имматрикулированы.

При дальнейшем комплектовании второго состава воспитанников Профессорского института обнаруживаются большие расхождения с исходными принципами. Почти такое же количество лиц /4/ было принято в Профессорский институт без "строгого испытания", просто по рекомендациям университетов или отдельных известных ученых.

Среди них были Н.А.Иванов из Казанского университета и И.Я.Горлов из Московского университета (были приняты по рекомендациям названных университетов /16/ А.Н.Савич из Московского университета и Е.Е.Саблер из Тартуского университета

(были приняты по рекомендации В.Я.Струве). При зачислении в Профессорский институт Е.Е.Саблер, который был немцем по национальности и которого (по планам В.Я.Струве) хотели подготовить не к преподавательской, а к научной работе в Пулковской обсерватории, возникли некоторые затруднения. В конце концов ходатайство В.Я.Струве через министра народного просвещения С.С.Уварова было удовлетворено Николаем I, и Е.Е.Саблер был принят в Профессорский институт сверх комплекта, но со всеми правами обычного воспитанника /17/.

Второй состав воспитанников, как и первый, не остался неизменным. В 1835 году В.Гринёв и Г.Лапшин покинули институт по семейным обстоятельствам, а С.Ростовцев скоропостижно умер /18/.

Таким образом, из воспитанников второго состава Профессорского института шестеро закончили учебу при Тартуском университете, получили ученые степени и сразу же, без заграничной стажировки, были направлены на работу.

Итак, Профессорский институт при Тартуском университете окончили всего 22 человека. Поступили же в Профессорский институт 30 человек. Следовательно, процент "отсеивания" был довольно велик - 27%. Главными причинами ухода воспитанников были личные, семейные обстоятельства (3 случая). 3 воспитанника умерли и 2 были переведены на другую систему подготовки.

Аттестации местных университетских советов на каждого поступающего и имматрикуляционные списки Тартуского университета /19/ дают нам возможность проанализировать социальное происхождение, возраст и образование воспитанников Профессорского института. По социальному происхождению воспитанники Профессорского института были детьми незнатных родителей: бедных помещиков, мелких чиновников, низшего духовенства, младших офицеров и торговцев - лишённые каких-либо надежд на карьеру. Их возраст во время поступления в Профессорский институт колебался в большинстве случаев от 19 до 23 лет, только трое (Н.Л.Скандовский, И.О.Шиховский и Ф.И.Иноземцев) были старше - первым двум было по 28, третьему - 26 лет.

14 воспитанников из 22 до поступления в Профессорский институт успели уже закончить академический курс обучения и являлись действительными студентами, кандидатами или врачами

I класса. Один из них, Н.А.Савич, был даже магистром. Остальные находились на разных уровнях академического обучения, проучившись в университетах от одного года до трех лет.

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы:

1) комплектование I и II составов воспитанников Профессорского института было строго официальным, ведомственным мероприятием, средоточием которого являлось т.н. "строгое испытание" – проверка знаний кандидатов при Академии наук. Отбор кандидатов проводился под непосредственным контролем Министерства народного просвещения и лично царя. Несмотря на это, допускались и отклонения от первоначальных требований и правил приема воспитанников.

2) В Профессорский институт посылали своих студентов или выпускников все существовавшие в тот период в России университеты.

3) По своему социальному происхождению воспитанники Профессорского института не отличались от российской интеллигенции начала XIX века.

4) Хотя общее число воспитанников Профессорского института в период их работы в Тартуском университете уменьшалось, искусственное увеличение воспитанников снизило бы качество подготовки будущих профессоров. Главной же целью существования Профессорского института была подготовка преподавателей высокой квалификации для русских университетов. С этой задачей он успешно справился.

1. Пайна Э.С. Профессорский институт при Тартуском университете (1828–1839) и русско-прибалтийские научные связи (По материалам ЦГИА СССР). – Из истории естествознания и техники Прибалтики, II. Рига, 1970, с. 131–136. (Далее: Пайна Э.С. Профессорский институт); Tamul, V. Professorite instituut Tartu ülikooli juures. Tartu ülikooli ajaloo küsimusi VII. Trt., 1979, lk. 85–89.

2. Центральный государственный исторический архив Эстонской ССР (далее: ЦГИА ЭССР), ф. 402, оп. 4, д. 488, л. 3.

3. Центральный государственный исторический архив СССР (в Ленинграде) (далее: ЦГИА СССР), ф. 733, оп. 56, д. 658,

- л. I и след.; Петухов Е. В. Императорский Орловский, бывший Дерптский, университет за сто лет его существования. Т. I. Орлов, 1902, с. 488, 489; Пайна Э. С. Профессорский институт, с. 137.
4. ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 56, д. 655, л. 57а; Пайна Э. С. Профессорский институт, с. 137.
 5. ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 56, д. 655, л. II5; Григорьев В. В. Императорский Ст. Петербургский Университет в течение первых 50 лет его существования. СПб, 1870, с. 153.
 6. ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 56, д. 669, л. 30; 35.
 7. ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 56, д. 655, л. 193-195; ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 4, д. 512, л. 4-5, 8, 64; Петухов Е. В. Указ. соч., с. 490; Schmidt, G. Das Professor-Institut in Dorpat. 1827-1838. Russische Revue. V. XIX. St. Petersburg, 1881, S. 136-166.
 8. ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 4, д. 512, л. 65; Петухов Е. В. Указ. соч., с. 491.
 9. ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 4, д. 512, л. 132-133, 143, 146; Пирогов Н. И. Вопросы жизни. Дневник старого врача. Собр. соч., Т. УШ. М., 1962, с. 241.
 10. ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 4, д. 526, л. 63.
 11. Там же, л. 321.
 12. Там же, л. 154; ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 56, д. 671, л. 8; Петухов Е. В. Указ. соч., с. 492.
 13. ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 4, д. 526, л. 126.
 14. ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 56, д. 674, л. I.
 15. ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 4, д. 526, л. 6-II; 14.
 16. Там же, л. 3; Петухов Е. В. Указ. соч., с. 496.
 17. Пайна Э. С. Астрономия А. Н. Савич и Е. Е. Саблер в Тарту (Дерпте) (По материалам ЦГИА СССР). - Из истории естествознания и техники Прибалтики, IV, Рига, 1972, с. 81-83.
 18. Schmidt, G. Op. cit., S. 160.
 19. ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 4, д. 512, л. 8, 65; ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 56, д. 655; Пайна Э. С. Профессорский институт, с. 136-138.

ИСТОРИК П.Н.АРДАШЕВ И ТАРТУСКИЙ (ДРЬЕВСКИЙ)
УНИВЕРСИТЕТ

В. Бойков (Таллин)

Жизнь и деятельность видного историка своего времени Павла Николаевича Ардашева /1/ связана с Тартуским университетом. Не претендуя на рассмотрение всех сторон деятельности известного специалиста в области всеобщей истории, применительно к данной теме можно было бы выделить следующие этапы его биографии, косвенно или прямо связанные с жизнью старейшего университета нашей страны. Во-первых, знакомство с Тартуским университетом посредством переписки с обучающимися в нем студентами (80-е годы XIX в.). Во-вторых, кратковременное пребывание П.Н.Ардашева в Тарту в качестве профессора университета (1901-1903 гг.). В-третьих, непрерывающиеся контакты с профессорами Тартуского университета, опять же путем переписки, после переезда П.Н.Ардашева в Киев (1903-1907 гг.).

В основу настоящей статьи легли, в первую очередь, обнаруженные автором ранее неизвестные письма П.Н.Ардашева тартуского периода и другие документы, хранящиеся в Центральном государственном историческом архиве СССР в Ленинграде (ЦГИАД), а также материалы Центрального государственного исторического архива Эстонской ССР в Тарту (ЦГИА ЭССР). Ценность писем П.Н.Ардашева и других профессоров, несмотря на известную тенденциозность, заключается в том, что общая обстановка в университетском городе в особенности накануне первой русской революции представлена в них глазами очевидцев, правда, не всегда умеющих разобраться во всей сложности и многообразии происходящих общественных процессов.

Заочное знакомство П.Н.Ардашева с университетским городом связано с перепиской со студентом Е.А.Бобровым /2/. В своем первом письме П.Н.Ардашеву 22 сентября 1886 г. он подробно описывает жизнь в Тарту, университетские порядки: "По-русски в городе говорят мало. Административное устройство по старому, немецкому положению... Нужно сказать: зато жизнь здесь недорого, можно свободно прожить на 18 рублей в месяц. Квартира нанимается на семестр и все деньги отдаются вперед. На 30 р. в семестр - комната препорядочная... 12-го числа я

внес документы в университет. Здесь не бывает приема прошений, но назначается три дня (около 12-15 августа), в которые желающие поступить подают свои документы секретарю по студенческим делам. Вся процедура, все конечно, на немецком... Для пользования библиотекой получаете удостоверение от синдика. Это чиновник, наблюдающий, главным образом, за долгами студентов. Так как взыскивать со студентов долги нельзя через полицию, то этим занимается синдик... Каждый профессор вывешивает объявление, когда и в какой аудитории он начинает свои чтения..." /3/. В следующем письме Е.А.Боброва, датированном 8 ноября 1886 г., перечисляются преподаватели историко-филологического факультета, содержатся критические суждения о системе образования в университете. Небезынтересно отметить, что автор письма, и в силу своего стесненного материального положения, затрагивает вопрос о жизни обеспеченных студентов, предпочитающих увеселения разумным занятиям.

В одном из писем (19 марта 1887 г.) Е.А.Бобров довольно язвительно отзывается об отпрысках прибалтийских баронов: "Я живу здесь уединенно, с этими оболтусами в их цветных шапках не связываюсь... эти господа самым своим существованием отрицают возможность гипотезы о прогрессе... извозчики не соглашаются иногда возить "корпорантов", ибо они часто денег не платят, уходят, шмыгая от возниц через проходные дворы, подобно гоголевскому "Осипу" в "Ревизоре"... " /4/. В этом же и в последующих письмах Е.А.Бобров сообщает П.Н.Ардашеву дополнительные сведения о профессорах университета: "... есть здесь один профессор (политической экономии Дидель /5/; я слушал курс и дома усердно занимаюсь теперь политической экономией), который читает "своеобычно" - не по людски. Он диктует конспекты. В промежутке между отдельными фразами конспекта читает подробные объяснения" /6/.

Из имеющегося материала видно, что из писем своего знакомого П.Н.Ардашев получил уже некоторое представление о жизни университетского города. К сожалению, до наших дней не сохранились ответные письма П.Н.Ардашева.

Наибольший интерес для нас представляет кратковременное пребывание П.Н.Ардашева в Тарту в качестве профессора университета. Заявления об участии в конкурсе на замещение ва-

кантной должности экстраординарного профессора Тартуского университета поступили от приват-доцентов Московского университета И.И.Иванова и Новороссийского университета П.Н.Ардашева. По поручению историко-филологического факультета профессор А.Н.Ясинский /7/ должен был представить отзыв о работах кандидатов на вакантную должность. 30 января 1901 г. факультетский совет отдал предпочтение кандидатуре П.Н.Ардашева. 5 мая 1901 г. он был назначен исправляющим должность экстраординарного профессора Тартуского университета по кафедре всеобщей истории. 27 августа 1901 г. П.Н.Ардашев прочел вступительную лекцию на тему "О прогрессе в исторической науке" /8/. По этому поводу он писал тетке 24 августа: "27 августа назначена моя вступительная лекция, которая, по обычаю, состоится в актовом зале университета в присутствии профессоров и студентов всех факультетов" /9/. Во время своего пребывания в Тарту П.Н.Ардашев читал в университете курсы истории западноевропейских стран нового времени, истории Франции XVII-XVIII вв., истории французской литературы, общий курс римской истории. Помимо основных курсов он выступал с публичными лекциями. Например, 15 марта 1903 г. в Ученом литературном обществе он прочитал доклад "Месяц в Шампани (из моего дорожного дневника)". П.Н.Ардашеву неоднократно приходилось выступать с лекциями и в других городах. 23 ноября 1901 г. в Русском литературном кружке в Риге в зале Александровской гимназии он выступил с лекцией "О прогрессе в исторической науке" /10/. 20 декабря 1901 г. в письме к брату /II/ он писал: "В ноябре ездил в Ригу и Митаву читать публичную (переработанную вступительную в университете) лекцию, печатную программу которой прилагаю" /12/.

Наряду с преподавательской работой П.Н.Ардашев много внимания уделял комплектованию университетской библиотеки. В письме брату 23 сентября 1901 г. он писал: "Кроме обычного дела, занят теперь выпиской книг для пополнения пробелов как в фундаментальной, так и в студенческой библиотеках, на что правлением отпущено по моему ходатайству 500 р. одновременно" /13/. В декабре того же года он избирается в состав факультетской комиссии для выработки проекта устава студенческой библиотеки и в комиссию совета университета для выработ-

ки проекта устава студенческой библиотеки и в комиссию совета университета для выработки проекта новых штатов университета.

Студенческие волнения в Тарту не могли не отразиться и в письмах П.Н.Ардашева. 20 декабря 1901 г. он пишет брату: "Здесь покамест тихо, если не считать состоявшейся 20 ноября без разрешения начальства "общестуденческой сходки (на которой на самом деле было не более четверти всех здешних студентов), о "резолуции" которой профессора теперь извещаются по почте особым гектографированным циркуляром от имени "Совязного Совета Дерптских объединенных землячеств и организаций". В этом же письме П.Н.Ардашев приводит копию с резолюции: "По поручению общестуденческой сходки от 20 ноября 01 г. Совязный Совет Дерптских объединенных землячеств и организаций шлет Вам постановление, касающееся профессоров Дерптского университета. На сходке постановлено: "Пригласить профессоров к стойкой защите тех основных принципов реформы университетской, которые одинаково намечены, как их докладами министерству... так и студенческими требованиями. 9 декабря 01 г. С.С. Дерптских объединенных землячеств и организаций" /14/. 22 февраля 1902 г. в письме к отцу П.Н.Ардашев опять затрагивает эту тему: "Начавшиеся в столичных и других университетах волнения наконец захватили в свою волну и наш мирный университет. Сходка в 300 человек (всего здесь студентов 1800) "постановила" прекратить занятия в университете и объявить "активную обструкцию", то-есть силой удалять профессоров из аудитории, что уже и начало применяться с 20 февраля... - Всего печальнее, что эта кучка смутьянов нисколько не скрывает чисто революционного, противоправительственного характера своей обструкции... толпа "обструкционистов" с пением революционных песен двинулась из здания университета по главной улице города..." /15/. Как видно из этих отрывков, симпатии П.Н.Ардашева были отнюдь не на стороне студентов. Он принадлежал к числу большинства профессоров того времени, которые не заискивали перед властями, иногда даже журили существующий режим и в целом предпочитали заниматься чистой наукой.

Нельзя не отметить, что в основу главного труда П.Н. Ар-

дашева "Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка (1774-89/. Провинциальные интенданты" положена неизданная административная переписка, хранящаяся во французских архивах (т. I вышел в 1900 г. и защищен в качестве магистерской диссертации). В Тарту П.Н. Ардашев активно работал над вторым томом своего труда, который вышел в свет в Киеве в 1906 г. и был представлен к защите на соискание ученой степени доктора. В это же время он систематизировал материалы для третьего тома, представляющего собой сборник документов, изданный в Тарту в 1904 г. 14 июля 1902 г. П.Н. Ардашев писал брату: "Погода здесь ныне отвратительная, дождливая, ветряная, холодная (в июне топили печи). Зато самая подходящая для моих кабинетных занятий, от которых я не счел возможным дать себе ныне отпуск. Иначе диссертация так опять и останется целый год без движения. Занят сейчас разборкой собранных материалов, их систематизацией и приготовлением к печати части его. В настоящую пору печатается уже третий лист (в Ученых записках университета). Печатаю сплошь по-французски, даже и примечания, так чтобы книгу можно было бы пустить в продажу и в Париже. Выйдет том листов в 30. Выпущу его в виде третьего тома своей работы, а второй, за который легче будет приняться по напечатании и систематизации материала, будет докторская диссертация (третий том составит в ней стало быть "приложение")" /16/.

В 1902 г. в Тарту вышел труд П.Н. Ардашева "Материалы по административной истории Франции в последнюю пору старого порядка", представляющий собой часть университетского курса. Этот труд, также как и последующая докторская диссертация, дает, однако, апологетическое в ряде отношений освещение административных порядков во Франции накануне французской буржуазной революции конца XVIII в.

В том же году увидела свет книга: "Похвала Глупости, сатира Эразма Роттердамского" (перевод с латинского подлинника, с предисловием, введением и примечаниями проф. П.Н. Ардашева. Юрьев 1902 г.). В письме от 14 июля 1902 г. он писал: "Кроме того подготавливаю к печати (осталось обработать лишь примечания) новый перевод (первый полный) "Похвалы Глупости" Эразма, который напечатаю вероятно зимой" /17/. У П.Н. Арда-

шева оставались еще нераспроданными экземпляры первого издания этой книги. По существующим в то время порядкам каждый автор занимался сам распространением своих произведений. 25 октября 1902 г. П.Н.Ардашев писал брату: "Сейчас же упаковал в 2 ящика твой Регламент и свою Глупость (140 экз). В СПб моя книга имеется пока лишь у Стасюлевича и Вольфа, но скоро собираюсь ехать туда сам и лично рассужу по другим магазинам. В главные магазины, думаю, можно сдать экземпляров по 30-40. То, что останется от 140 экземпляров пусть постоит у тебя впредь до новых требований...". И дальше, 5 января 1903 г. он сообщал брату: "... рассчитываю при помощи публикаций ускорить и расширить значительно спрос на книгу (доказавшую свою покупаемость быстрым израсходованием первого издания)".../18/

В связи с предстоящим юбилеем университета П.Н. Ардашев участвовал в составлении биографического словаря профессоров и преподавателей университета, используя архивные материалы. О юбилейных торжествах П.Н.Ардашев писал брату 15 декабря 1902 г.: "... Мы только что отпраздновали столетний юбилей университета. Было много гостей, в том числе несколько иностранцев... Были депутаты от всех университетов, высших и частных средних учебных заведений. От Гельсингфорского университета была лишь телеграмма (по фр.). Были адреса со всего света на яз. лат., фр. нем., англ. ... Вышел I-й том истории университета (до 1865 г.), написанный профессором Петуховым, и первый том коллективной работы - Словаря (биографического) профессоров. Второй том (где наш факультет) печатается" /19/.

И в то же время П.Н.Ардашева не покидала мысль покинуть Тарту. Он вел переговоры с Ф.Я.Фортинским /20/ о переводе в Киевский университет. Эти вопросы остаются в центре внимания всей переписки Павла Николаевича с родственниками, и в первую очередь, с братом Николаем Николаевичем. В письме к брату 15 декабря 1902 г. он пишет: "В день юбилея нашего умер в Киеве профессор Фортинский, что наносит сильный удар моей кандидатуре, так как в его лице я потерял, повидимому, одного из наиболее убежденных сторонников моей кандидатуры..." /21/.

Состояние известной неопределенности, сомнения отрази-

лись и в переписке. События развивались медленнее, чем можно было предполагать. И только 16 августа 1903 г. Павел Николаевич пишет отцу: "... Вчера я получил от декана факультета из Киева полученную им из министерства справку, что дело о моем перемещении должно поступить на высочайшее утверждение 9 августа, а неделя через две последует приказ. После этого мы еще совещались с Гатой (Агафья Михайловна - супруга П.Н. Ардашева - В.Б.) относительно времени отъезда, и пришли к тому заключению, что откладывать его до половины сентября не следует, а лучше двинуться пораньше именно в начале сентября, так чтобы в Киев прибыть около половины сентября..." /22/. Высочайший приказ по гражданскому ведомству о назначении П.Н. Ардашева исправляющим должность экстраординарного профессора Киевского университета последовал 29 августа 1903 г. /23/. Судя по переписке, П.Н. Ардашев выехал из Тарту не позднее 15 сентября 1903 г.

Переехав в Киев, П.Н. Ардашев переписывался со своими коллегами из Тарту и был в курсе университетских событий. Свои впечатления о Киеве он выразил в письме, адресованном 19 декабря 1903 г. переехавшему в Москву бывшему профессору Тартуского университета А.В. Никитскому: "Общественная атмосфера" в здешнем университете еще более тяжелая, чем в Дрьеве... После временного закрытия университета, у нас занятия были возобновлены и продолжались до 10 декабря, хотя и при очень слабом посещении университета, но без "обструкций" /24/. В письме дяде Павлу Ивановичу и теткам Антонине Исидоровне и Клавдии Исидоровне, также датированном 19 декабря 1903 г., встречаются следующие строки: "... К сожалению университет здесь беспокойный: студенческие волнения повторяются ежегодно, были опять в ноябре, будут, думают люди сведущие, и в феврале. В этот раз волнения обнаруживают уже политически-революционный оттенок, чего не было в прежнее время" /25/.

Значительный интерес представляют письма профессоров Тартуского университета, в которых отразилась общественная жизнь студенческого города. 31 декабря 1903 г. А.С. Невзоров писал П.Н. Ардашеву: "В общем здесь стало помирнее. Но, повидимому, затишье перед бурей. Надеемся, что весной и мы не отстанем от Вас: пошумим малую толику" /26/. В марте 1904 г. Е.В. Петухов сообщал: "... Война не внесла в студенческую среду никакого патриотического подъема; напротив, усилилась деятельность подпольной литературы и по рукам ходит масса про-

кламаций самого крайнего содержания. Все публичные лекции, назначенные на этот семестр, были отменены после того, как на лекции профессора М.Я.Пергамента произошла весьма шумная противоправительственная демонстрация. Произведено немало арестов и вообще в этом отношении дело обстоит невесело..." /27/.

Революционные события 1905-1907 гг. в Тарту с точки зрения обычного интеллигента того времени изложены в письме А.С.Невзорова П.Н.Ардашеву (4 декабря 1905 г.): "... Всю неурядицу революции 17-19 октября пережили и мы. Теперь переживаем анархию. Здание университета до сих пор хранит революционный вид. Зал весь в красных флагах с удивительными для императорского университета надписями. В царские дни национальные флаги не развиваются над университетом, но выкидываются либо красные, либо черные. В стенах университета (в зале и аудиториях) непрерывно идут (хотя студентов уже нет) митинги, собрания и сходки - рабочих, плотников, портных, сапожников, учителей, прачек, учительниц, кухарок и проч. Иной раз в университет трудно попасть даже профессору без билета на сходку..." /28/.

Профессора Тартуского университета писали П.Н.Ардашеву и о последних университетских новостях. 5 октября 1903 г. М.Е. Красножен сообщал: "Мы живем попрежнему, в ожидании нового ректора... Проводили Филиппова /29/, ушел Шмурло. Пергамент все разворачивается... Государственное право (Филиппова) разделили между собой Дьяконов и Грабарь...". Подробные сведения содержит и письмо А.С.Невзорова от 29 августа 1904 г.: "Дрьев растерял многих деятелей по учебному делу в сфере средних учебных заведений. Некоторые перешли в Оренбургский округ, по приглашению Н.И.Зайончковского, например, инспектор реального училища С.В.Кузнецов и др. Университетский инспектор Н.И.Тихомиров назначается окружным инспектором в Ригу. На его место переводится директор реального училища В.П. Соколов... Профессора понемногу съезжаются, а студенты не торопятся, а потому занятия только по виду начались в университете. Студентов поступило много, значительное число их из гимназий. Филологический факультет не может похвастаться большим числом вновь поступивших..." /30/.

Дружеские отношения сложились у П.Н.Ардашева с А.Н.Ясинским. 25 октября 1903 г. А.Н.Ясинский писал ему: "...Что ка-

сается дела Васильева, то вчера было уже заседание факультета, на котором присутствовали Озе, Мальмберг, Крашенинников и я, а Мукке, Петухов и Мазинг отсутствовали по домашним обстоятельствам... Постановили ходатайствовать о назначении А.А.Васильева ординарным профессором по кафедре всеобщей истории..." /31/. В следующем письме (6 января) он писал: "... Избранный нами на Ваше место А.А.Васильев доселе не назначен, хотя дело об его назначении уже в министерстве с 8-го декабря. На кафедру Никитского факультет избрал (большинством 6 против 1 голосов) приват-доцента Церетели, но дело о нем, кажется не вышло из канцелярии Совета... Повидимому, и Васильев и Церетели хорошие и благонадежные люди, и хорошие ученые, так что факультет в их лице приобретает надежную опору" /32/. В письме от 19 апреля А.Н.Ясинский еще раз подробно рассказывает об университетских делах: "Ваш преемник А.А.Васильев уже 1 1/2 месяца читает лекции, приезжая для сего из Питера еженедельно на два дня. В будущем семестре он поселяется окончательно в г.Юрьеве. Ваши друзья частенько вспоминают об Вас и спрашивают о том, как Вы поживаете на новых местах. М.Н.Крашенинников погружен в свои рукописи, а А.С.Невзоров в дела экономического общества, председателем которого он сделался..." /33/.

Таким образом, кратковременный период жизни и творческого пути П.Н.Ардашева теснейшим образом связан с Тартуским университетом. В Тарту он издал несколько работ, составил некоторые рукописи, написал часть своей докторской диссертации. Здесь он сблизился с видными учеными, впоследствии ставшими членами Петербургской академии наук.

1. Ардашев Павел Николаевич (1865-1922) - русский историк, специалист по всеобщей истории. (См. Советская историческая энциклопедия, т. I. М., 1961, с. 715; Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского университета за сто лет его существования (1802-1902), т. II. Под ред. Г.В.Левитского. Юрьев, 1903, с. 401-405).
2. Бобров Евгений Александрович - доцент Тартуского универ-

- ситета с 1893 г. по 1896 г. (См. ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 3, д. 148, лл. 130-131).
3. ЦГИАЛ, ф. 889, оп. I, д. 136, лл. 2-3.
4. Там же, л. 13.
5. Дицель Генрих - профессор Тартуского университета с 1885 г. по 1890 г. (См. Биографический словарь профессоров ..., т. II, с. 612-613).
6. ЦГИАЛ, ф. 889, оп. I, д. 136, л. II.
7. Ясинский Антон Никитич (1864-1933) - русский историк-медиевист. В 1896-1911 гг. профессор Тартуского университета. (См. Советская историческая энциклопедия, т. 6. М., 1976, с. 993).
8. ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 3, д. 39, лл. 4, 8, 14, 26, 43.
9. ЦГИАЛ, ф. 889, оп. I, д. 132, л. 151.
10. ЦГИАЛ, ф. 889, оп. I, д. 72, лл. 9, 18.
11. Ардашев Николай Николаевич (1862-1923) - русский историк-архивист. (См. Советская историческая энциклопедия, т. I. М., 1961, с. 715).
12. ЦГИАЛ, ф. 889, оп. I, д. 132, л. 153.
13. ЦГИАЛ, ф. 889, оп. I, д. 132, л. 152.
14. ЦГИАЛ, ф. 889, оп. I, д. 132, л. 153.
15. Там же, лл. 154-155.
16. ЦГИАЛ, ф. 889, оп. I, д. 132, л. 156.
17. ЦГИАЛ, ф. 889, оп. I, д. 132, л. 156.
18. ЦГИАЛ, ф. 889, оп. I, д. 132, л. 157, 161.
19. ЦГИАЛ, ф. 889, оп. I, д. 132, л. 160.
20. Фортинский Федор Яковлевич (1846-1902) - историк, ректор Киевского университета с 1890 г. по 1902 г. (См. Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. Седьмое издание, т. 44, с. 281).
21. ЦГИАЛ, ф. 889, оп. I, д. 132, л. 160.
22. ЦГИАЛ, ф. 889, оп. I, д. 132, л. 165.
23. ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 3, д. 39, л. 36.
24. ЦГИАЛ, ф. ф. 889, оп. I, д. 113, л. 2.
25. ЦГИАЛ, ф. 889, оп. I, д. 132, л. 172.
26. ЦГИАЛ, ф. 889, оп. I, д. 112, лл. 6-7.
27. ЦГИАЛ, ф. 889, оп. I, д. 171, л. 6.
28. ЦГИАЛ, ф. 889, оп. I, д. 112, лл. 10-11.

29. Филиппов Александр Никитич - профессор Тартуского университета с 1892 г., ректор университета с 25 июня 1901 г. (См. Биографический словарь профессоров... т. I, с. 636-637).
30. ЦИАЛ, ф. 889, оп. I, д. II2, лл. 8-9.
31. ЦИАЛ, ф. 889, оп. I, д. I95, л. 5.
32. ЦИАЛ, ф. 889, оп. I, д. I95, лл. 7-8.
33. ЦИАЛ, ф. 889, оп. I, д. I95, л. II7.

ОТЗВУКИ ИДЕЙ РЕВОЛЮЦИИ 1848 Г.
В ТАРТУСКОМ (ДЕРПТСКОМ) УНИВЕРСИТЕТЕ
Х. Стродс (Рига)

Развитие радикальной общественно-философской мысли в первой половине XIX века, в том числе распространение буржуазно-демократических идей революции 1848 года в Прибалтике, прибалтийская немецкая историография в конце XIX и в первой четверти XX века обходила молчанием даже в случае непосредственного обращения к личности - стороннику буржуазно-демократических идей революции 1848 года /1/. От попыток скрыть этот "скандал в благородном семействе" она в какой-то мере начала отказываться после победы Октябрьской революции /2/. Однако и остформеры наших дней, еще раз пересказывая давно опубликованные факты, стремясь "украсить своих предков перьями буржуазно-демократических идей революции 1848 года", для изучения отзвуков упомянутых идей ничего нового не дали /3/.

В советской историографии Латвии в 60-х годах началось изучение радикальной общественно-философской мысли первой половины XIX века, в том числе крестьянской /4/. Однако исследования еще далеки от завершения. В результате новейшие обобщающие работы по истории общественно-политической мысли в Латвии после обзора идей просветителей конца XVIII века обычно переходят к рассмотрению этой мысли в 60-70 годах XIX века /5/, минуя первую половину XIX века.

В данном докладе хотелось бы поделиться первыми мыслями об отзвуках буржуазно-демократических идей революции 1848 года в Тартуском университете на основе новых материалов в фонде этого университета в ЦИА ЭССР и в фонде III отделения с.е.и.в. канцелярии в ЦГАОР СССР /6/. Особенно ценными для раскрытия общественно-философской мысли профессорско-преподавательского состава и студентов оказались их сочинения, сохраняющиеся в качестве вещественных доказательств в надзирательных органах и цитированных властями в письмах ректору вместе с вынесением порицаний и приговоров. Среди сочинений особенно следует отметить впервые использованную работу проф.

Э.Озенбюргена "Лифляндские эскизы" /7/, работу В.Гена "О состоянии сегодняшней поэтической литературы" /8/, диссертацию Хакена "О понятии чести, ее нарушении и восстановлении" /9/ и др.

Распространение буржуазно-демократических идей революции 1848 г. в Прибалтике было определено кризисом феодально-барщинного строя, обострением социально-экономической борьбы народа, особенно крестьянства, против господства помещиков и лютеранских пасторов (восстание крестьян в имении Бебры, переход крестьян в православную веру, начало переселенческого движения крестьян в "теплые края") /10/. Несмотря на нападения прибалтийско-немецкой печати на революцию, а также на консервативное в целом настроение властей и местных помещиков, подаривших Николаю I для подавления революции в Венгрии 650 военных лошадей и добровольно вступавших в карательные войска, идеи революции получали распространение и в России /11/, особенно в Прибалтике, затронув и такой научный и культурный центр, как Тартуский университет.

Прибалтийская немецкая остфоршерская историография с удовольствием отмечала "нападения" царских властей на академическую свободу Тартуского университета /12/, даже не пытаясь увидеть реальную основу этого вмешательства, поскольку это противоречило бы ее теории о необоснованном подавлении на востоке западных академических свобод. На деле же буржуазно-демократические идеи и их сторонников уже за несколько лет до упомянутой революции в средней и западной Европе власти и руководство университетов встречали в штыки. Хотя по поводу посещения Тартуского университета в 1848 году граф Уваров высказал удовлетворение /13/, судя по тайным предписаниям попечителя Тартуского учебного округа ректору университета, в целях предотвращения влияния буржуазно-демократических идей предлагалось усилить наблюдение за "духом учения", за поведением, "образом мышления студентов", обратить внимание на надежность преподавателей, воспитывающих молодежь. Наряду с этими в основном "защитными" мероприятиями были предприняты и наступательные - запрещено проводить научные дискуссии, которые не служат духу подчинения населения намерениям правительства; усилена борьба против распространения "вредных"

слухов, трижды издавалось предписание по усилению изучения русского языка /14/. В мае 1849 г. количество студентов университета было ограничено до 300 человек /15/, хотя этот приказ и не был выполнен. Представители профессорско-преподавательского и студенческого состава университета как сторонники буржуазно-демократических идей не являлись организационно оформленной группой, а главным образом входили в число т.н. "домашних друзей" активного деятеля революции 1848 года в Германии Марии (Мэри) Бруйнинг (1818-1853), о которой неоднократно положительно писал К.Маркс в Лондоне. Эта группа, по-видимому, состояла из 12-15 активных членов /16/. Из профессоров университета в числе "домашних друзей" были декан юридического факультета проф. Э.Озенбрюгген (1804-1879), профессор статистики и географии К.Блюм (1796-1869), профессора медицины И.Эрдман (1809-1858) и К.Рейхерт (1811-1883), бывший профессор Берлинского университета; из лекторов - лектор немецкого языка и литературы В.А.Ген (1813 - 1890), лектор французского языка Пезе де Корваль, лектор эстонского языка врач Фр.Фельман, преподаватель рисования художник А.Хаген, т.е. профессора и преподаватели составляли около половины (7 человек) "домашних друзей" и седьмую часть преподавательского состава университета.

Мы значительно удалились бы от действительности, если бы деятельность профессоров, студентов, во взглядах которых обнаруживались буржуазно-демократические идеи революции 1848 года, пытались придавать хотя бы примерно одинаковое значение. Активными носителями революционных идей, насколько сегодня можно судить, были профессор Э.Озенбрюгген и лектор В.Ген. Последователями этих идей были кандидаты юриспруденции Хаген, Кох, Э.Фабер, Х.Шютце. Сочувствующими, по-видимому, являлись проф. К.Блюм, И.Эрдман, лекторы А.Хаген, Пезе де Корваль, Фр.Фельман.

Доктор философии и доктор права Э.Озенбрюгген, уроженец Голштейна, приват-доцент Кильского университета, ученик проф. Ницше, в 1843 г. был избран профессором права университета и стал коллежским и статским советником и деканом юридического факультета. Проф. Э.Озенбрюгген летний отпуск обычно проводил в Западной Европе и регулярно получал оттуда литературу

/17/. Было известно, что Э.Озенбрюгген в своих лекциях выступал против привилегий прибалтийского дворянства и воспитывал эти убеждения в своих учениках. Уже в 1849 г. попечитель Тартуского учебного округа в секретном донесении сообщал ректору, что в диссертации кандидата Х.Шютце "Главные защитные средства обвиняемых в процессе исследования", представленной на соискание степени магистра, критикуется Прибалтийское право. Попечитель указывал, что речь идет не о правильности этих суждений, а о недопустимости их на таком форуме, которые декан проф. Э.Озенбрюгген не только должен был запретить, но и как цензор не разрешить к публикации. Э.Озенбрюгген получил замечание, а цензурному комитету было дано указание впредь запретить публикацию любых суждений относительно существующего законодательства /18/.

В результате усилившегося тайного наблюдения за деятельностью университета в 1850 году попечитель Тартуского учебного округа секретно сообщил ректору, что в диссертации кандидата Хакена "О понятии чести, его нарушении и восстановлении", представленной на соискание степени магистра и защищенной на совете университета, содержатся "неправильные" выводы о том, что "право отменяет все законы". Министр народного просвещения конфиденциально указал, что "этот и другие подобные выводы находятся в противоречии с существующим законом", и приказал "декану юридического факультета Тартуского университета объявить высочайшее замечание". По поводу подготовленной на юридическом факультете диссертации кандидата Коха о дуэлях, где утверждалось, что дуэль подтверждает личную свободу и самостоятельность, было отдано распоряжение о временном прекращении лекций по государственному праву. За личную свободу выступил и студент юридического факультета Э. Фабер, который писал: "Чем является жизнь без свободы? Это не жизнь, а вегетирование /19/. В результате университету было временно запрещено присуждать степени магистра. Работы, публиковавшиеся от имени университета, подвергались гражданской цензуре /20/. Дальнейшую судьбу проф. Э.Озенбрюггена решило его неопубликованное сочинение "Лифляндские эскизы", где автор рекомендовал создать новое будущее путем угощения прибалтийского дворянства порохом и свинцом /21/, так как он

считал дворянство не только не нужным, но и вредным сословием (Kripenreutern, Krautenjunkern). С наступлением новой жизни, по мнению Э.Озенбрюггена, "последний дворянин в качестве реликвии будет проведен по стране и показан удивленному народу". Э.Озенбрюгген видел классовые противоречия между прибалтийским дворянством и латышским и эстонским крестьянством, "которое не имело оснований называть немцев своими друзьями", быть может, за исключением демократически настроенного лифляндского помещика Карла Бруйнинга /22/. Дело Э.Озенбрюггена было передано канцармерии, и в 1851 г. он был арестован, отправлен в Петербург и по приказу Николая I отстранен от занимаемой должности и как иностранец выслан за границу. Должности профессоров гражданских прав и военных наук были ликвидированы, а место Э.Озенбрюггена занял проф. Кирьев /23/.

Лектор немецкого языка Виктор Ген, отличный знаток языка и литературы, увлекавшийся Гегелем, по конкурсу был принят на работу в университет в 1846 году /24/. В.Ген являлся авторитетом по своей специальности в университете; в 1841 году он стал титулярным, а в 1850 г. - надворным советником, хотя и отличался своими радикальными взглядами /25/. Уже в 1840 году во вступительной работе "О местоположении современной поэтической литературы" В.Ген высказал убеждение о том, что возрождение нового золотого века "нашей литературы полностью зависит от народной судьбы, а внутренние - от всеобщего господства мышления и знания" /26/. Свои взгляды на необходимость парламентаризма, эмансипацию евреев, национальную политику в Прибалтике В.Ген не скрывал и в лекциях /27/. Из писем к другу - библиотекарю и публицисту Г. Берхгольцу видно, что В.Ген в основу развития общества ставил "экономические вопросы", а не духовные причины, причем меньше всего религию, которую он называл медузой. Идеалом правления В.Ген считал демократическую республику, основывавшуюся на народном парламенте /28/. В.Ген остро критиковал прибалтийский социально-экономический строй и прибалтийское дворянство, называя их "непристойными" для середины XIX века. В.Ген принадлежал к группе М.Бруйнинг и после захвата ее переписки в Гамбурге в 1851 году был арестован, отправлен в Петербург и посажен в Алексеевский рavelин /29/.

Свои взгляды В.Ген не скрывал при допросах и даже в разговоре с шефом жандармерии графом Орловым. Поэтому попечитель Тартуского учебного округа 14 августа 1851 года сообщил ректору, что "лектор немецкого языка Тартуского университета надворный советник Хен в результате провозглашения вредных взглядов и ведения с различными личностями вредной корреспонденции заключен на три месяца в крепости и после этого будет отправлен на службу в одну из внутренних губерний, но без права преподавания и под строгое наблюдение" /30/. В.Ген пять лет проработал писцом в г.Туле.

Остальные профессора и преподаватели, которым приписывались идеи революции 1848 года, не были подвергнуты официальному административно-судебному наказанию и данных об их деятельности и идеях в официальных документах не сохранилось. Однако прежде чем обратиться к материалам, относительно четырех других представителей, вспомним их биографии /31/. Профессор географии и статистики К.Блум, 8 раз побывавший за границей вместе с проф. Э.Озенбриггеном во время летних отпусков, не был подвергнут преследованию и со всеми почестями уволен на пенсию в 1858 г. Аналогично сложилась судьба А.Хагена. Связаны ли эти увольнения на пенсию с убеждениями этих людей или нет - это предстоит еще исследовать, поскольку два других профессора, которым также приписываются идеи революции 1848 г., были оставлены на работе.

И.Эрдман (1809-1858), уроженец г.Валмиеры, после получения докторской степени и дальнейшего совершенствования в Германии, с 1847 года являлся профессором терапии и клиники. Несмотря на свои симпатии в отношении буржуазно-демократических идей 1848 г., он оставался на службе до конца жизни (1858 г.) /33/.

К этому разряду принадлежит и лектор французского языка Пезе де Корваль, избранный по конкурсу в 1825 г. и оставшийся на службе до конца 50-х годов /34/. Возможно, что в зависимости от степени "вредности" царизм своих противников угощал кого кнутом, кого пряником.

Социальный и национальный состав профессоров, лекторов и студентов, находившийся под влиянием буржуазно-демократических идей, был весьма пестрым. Подавляющее большинство при-

верженцев революционных идей были разночинцами (из семей служащих, купцов, людей свободных профессий), и только их меценат (М.Бруйнинг) принадлежала к местному дворянству. Несмотря на то, что по национальному составу группа была представлена в основном немцами (однако в ее состав входили эстонцы и француз), все же можем говорить об интернациональности ее состава. Надо отметить и весьма молодой возраст почти всех сторонников идей революции (быть может, за исключением проф. К.Блума).

Какие направления научно-педагогической деятельности университета более всего испытывали влияние буржуазно-демократических идей? Это, во-первых, юридический факультет университета и особенно преподавание истории прибалтийского права и теории права во главе с деканом проф. Э.Озенбрюггеном; во-вторых, преподавание немецкого языка и литературы во главе с преподавателем – лектором В.Геном. Отзвуки революции особенно ярко проявились в области гуманитарных наук, которые призваны приводить в порядок отношения между людьми (юридические науки) или оценивать, эти отношения в прошлом (исторические). Поэтому в "Секретном наставлении ректору Императорского Дерптского университета" 1853 г., которое было "удостоено высочайшего одобрения", приказывалось впредь обращать особое внимание на то, как преподаются "философия, международное право, политическая экономия, наука о финансах и вообще все исторические науки, возможность злоупотребления коих не подлежит ни малейшему сомнению" /35/.

Говоря об истоках буржуазно-демократических идей, следует отметить по крайней мере два направления. Первое характеризуется идейным влиянием Гегеля и прогрессивных немецких просветителей (Г.Меркеля) и гернгутеров. Второе отличает личная и идейная связь основных сторонников идей революции с Западной Европой (особенно с Германией) и буржуазным (особенно мелкобуржуазным) крылом этого движения (Г. Кинкел). Представители профессорско-преподавательского состава Тартуского университета (Э.Озенбрюгген, К.Блум, Пезе де Корваль) родились и учились в Европе; во время работы в Тарту почти ежегодно путешествовали по Западной Европе и регулярно получали оттуда новейшую литературу, устную информацию и письма.

Какие основные идеи (судя по имеющимся материалам) владели умами представителей профессорско-преподавательского состава и студентов (хотя и имелись заметные различия во взглядах), увлеченных буржуазно-демократическими идеями? Во-первых, эти люди выступали за отмену монархического строя в России и организацию парламентарской республики. Во-вторых, они требовали уничтожения зависимости латышского и эстонского народов от помещиков и организации обязательного начального образования. В-третьих, они выступали за уничтожение привилегий прибалтийско-немецкого дворянства, отмену организаций самоуправления дворянства и равноправия перед законом для всех членов общества. В-четвертых, социальное и национальное освобождение прибалтийских народов они ставили в зависимость от успехов революции 1848 года в Европе, в частности в Германии. Видимо поэтому они не призывали народ к восстанию, а оставались на уровне идейного движения, духовного резерва революции 1848 г.

После подавления революции 1848 г. на западе усилилась реакция и в Тартуском университете. "Современные политические обстоятельства и господствовавшие в Западной Европе идеи, - писалось в секретном наставлении ректору университета в 1853 году, - требуют особенного в этом отношении предостережения... Наблюдения за ходом образования в университете". Поэтому поручалось убеждать студентов, во-первых, "что Россия... не может и не должна иметь иного образа правления кроме монархического самодержавия". Во-вторых, поручалось добиваться, чтобы "все племена, благоденствующие под одним скипетром, должны объединяться неразрывно одним и тем же чувством верноподанического усердия" /36/ к престолу и любви к общему отечеству.

1. Bruiningk, H. Das Geschlecht von Bruiningk in Livland, Riga, 1913; Schader, O. Victor Hehn. Berlin, 1891; Schiemann, Th. Victor Hehn. Stuttgart, 1894.
2. Wittram, R. Liberalismus Baltischen Literaten. Riga, 1931.
3. Rauch, G. Eine baltische Frau im Wirbel des Jahres 1848. - Jahrbuch des baltischen Deutschlands... 1963. Marburg,

- 1962, S. 29-36; Rauch, G. Der Widerhall der Revolution von 1848. im baltischen Deutschland. - Jahrbuch des baltischen Deutschland. 19... Hamburg, 19... S. 9-29.
4. Стродс Х.П. Проект латышских крестьян об отмене крепостного права и барщины в курляндских казенных имениях в 1810 г. - Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1968-1976 гг.
 5. Arceģējumi par sabiedriskās un filozofiskās dzīves attīstību latvijā (līdz 20. gs. sāk.). RTga, 1974.
 6. ЦГАОР СССР, ф. 109, дела о проф. Э.Озенбрюггене и лекторе В.Гене.
 7. ЦГАОР СССР, ф. 109, III отд., I эксп., 1848 г., д. 491, ч. II.
 8. ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 2, д. 415, л. 26 и др.
 9. Там же, оп. 3, д. 1239, л. 79-80 и др.
 10. Степане И. Крестьянские волнения в Лифляндии в 40-х годах XIX в. Автореф. канд. дисс. Рига, 1964.
 11. Нифонтов А.С. Россия в 1848 году. М., 1949.
 12. Engelhardt, R. Die deutsche Universität Dorpat in ihren geistesgeschichtlichen Bedeutung. Reval, 1933.; Witttram, R. Die deutsche Universität Dorpat Jomsburg, 1941 I; Wittram, R. Die Universität Dorpat in 19 Jahrhundert. - Zeitschrift für Ostforschung, 1952, H. 2.
 13. ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 4, д. 727, л. 21.
 14. ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 7, д. 79, л. 29.
 15. ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 4, д. 736, л. 1. В 1848 году университете было 604 студента (ЦГИА ЭССР, ф. 402, т.4, д. 727, л. 3).
 16. Strods, H. Der Widerhall des Revolutions 1848 in Baltikum.
 17. ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 3, д. 1239, лл. 3-5, 10, 51, 55, 67-68, 73.
 18. ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 7, д. 79, лл. 60-62; Schütze, H. Die Hauptschutzmittel des Angeklagten im Inquisitionsprocess, mit besonderer Berücksichtigung des livländischen Landrechts dargestellt. Dorpat, 1849, 62 s. Ср. "Inland", 1849, N 16, 17; Klinger, F. Briefe

an Fanny Tarnow aus dem Nachlasse v. Brackel's. Herausg. von H.Schütze. Cp. Livl. Govv. Zeitung, 1853. N 21-24. Nichtofficieller Theil.

19. ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 3, д. 1239, лл. 79-80; оп. 7, д. 79, лл. 93, 96, д. 95, л. 33.
20. ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 4, д. 736, л. I, § 5, 7.
21. О профессоре Озенбрюггене. ЦГАОР, ф. 109, III отд., I эксп. 1843 г.д.29I, ч.п, л. 4.
22. ЦГАОР СССР, ф. 109, III отд. I эксп. 1848 г., д. 49I, ч. II, лл. 8-9.
23. ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 7, д. 95, лл. 19-22; оп. 4, д. 736, л. 5, д. 740, л. 15.
24. ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 3, д. 415, лл. 12, 18.
25. Wittram, R. Liberalismus Baltischen Literaten.Riga,1931.
26. ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 3, д. 415, л. 26.
27. О лекторе Гене. - ЦГАОР СССР, ф. 109, III отд., I эксп., 1848 г., д. 49I, ч. 3, лл. 1-45.
28. Wittram, R. Liberalismus Baltischen Literaten.Riga,1931. S. 44 u.a.
29. ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 7, д. 95, лл. 20-21.
30. ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 7, д. 95, л. 26; оп. 3, д. 415, л. 71.
31. За исключением Фр.Фельмана, который умер в 1850 году (ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 3, д. 1745, л. 70).
32. ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 3, д. 132, лл. 181, 224; д. 356, л. 55,
33. ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 3, д. 2009, лл. , 17, 23, 77, 84, 101, 106.
34. ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 3, д. 1288, лл. 85, 124.
35. ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 4, д. 743, л. 2.
36. ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 4, д. 743, лл. 23, § I, 3, 7.

НАУЧНЫЕ СВЯЗИ МЕЖДУ КИЕВСКИМ И ТАРТУСКИМ
(ДВЕРИТСКИМ, ЮРЬЕВСКИМ) УНИВЕРСИТЕТАМИ (1834 - 1917 гг.)

Я.А. Матвишин (Киев)

Определенные научные и культурные связи между учеными Украины и Эстонии существовали еще задолго до открытия Киевского университета. В XVII в. такие связи частично установились между академиями Львова и Тарту (иногда через посредство учебных заведений Швеции, Италии, Германии, Польши), а позже Тарту и Киева (а именно с Киевской коллегией, преобразованной в начале XVIII в. в академию).

В 1720 г. Тарту посетил известный украинский просветитель, воспитанник, преподаватель и ректор Киевской академии Феофан Прокопович. Здесь он приобрел немалое количество книг для личной библиотеки на латинском и немецком языках. Еще по пути в Тарту Феофан Прокопович посетил Ниродовское училище для "шляхетных и не шляхетных учеников" и настолько остался доволен системой преподавания, что по возвращению в Петербург тотчас же затребовал, чтобы на обучение туда были посланы молодые люди из Киева. Вскоре три его земляка стали воспитанниками училища, в котором среди прочих предметов преподавали геометрию, фортификацию, архитектуру, живопись. Как известно, в своей школе для бедных детей в Петербурге Феофан Прокопович тоже ввел большинство из этих предметов, а для уроков живописи даже брал на время картины из Эрмитажа.

Ф.И. Гизе, хорошо известный на Украине как автор учебников по фармации и химии, с 1814 г. возглавил кафедру химии Тартуского университета. И.С. Гут занимался практической астрономией и в 1801-1807 гг. открыл 4 кометы. В 1807 г. он был приглашен на кафедру прикладной математики в Харьковский университет. Однако, прибыв в августе 1808 г. в Харьков, Гут не смог найти контакта с преподавателями, хотя и пользовался среди них заслуженным авторитетом. Вероятнее всего он поэтому и начал искать возможности перехода в Тарту. По этому поводу завязалась оживленная переписка между попечителями Харьковского и Тартуского учебных округов, в результате которой вопрос был решен положительно. В Тартуском университете (с

1809 г.) им были прочитаны курсы по астрономии, прикладной математике, военному делу, высшей геометрии, учению о конических сечениях, дифференциальному и интегральному исчислению. Круг научных интересов Гута охватывал механику и астрономию. Под его непосредственным влиянием формировались научные интересы известного астронома В.Я.Струве. В 1823 г. математику в Кисве преподавал И.М.Гаусманн, воспитанник, а затем преподаватель Тартуского университета.

В 1828 г. в Тарту был открыт Профессорский институт, куда направлялись выпускники университетов России для усовершенствования в науках и приобретения ученых степеней. Если в первый год, по выражению самого императора, в Харькове "не нашлось достойных" кандидатов /I, 496/, то в следующем же году в Тарту обучалось уже 4 бывших воспитанника Харьковского университета. Среди них особым рвением к наукам отличался П.И.Котельников, который по окончании Института представил своему учителю М.Ф.Бартельсу сразу три научные работы (по геометрии, вариационному исчислению и небесной механике). Как известно, судьба великого русского геометра Н.И.Лобачевского была тесно связана как с Бартельсом (его учителем), так и с Котельниковым, который в 1835 г. был направлен в Казанский университет профессором прикладной математики. Среди воспитанников Котельникова назовем В.Г.Импенецкого, который с 1872 г. возглавил кафедру механики в Харьковском университете, а в 1880 г. был избран председателем Харьковского математического общества. После Котельникова математические науки у Бартельса изучал В.И.Лалшин, ставший впоследствии профессором физики Харьковского университета. Наконец, укажем еще на одного воспитанника Профессорского института - В.Петровского, который в 1839 г. защитил в Тарту магистерскую диссертацию по математике, а в 1840 г. стал преподавателем прикладной математики в Ришельевском лицее (Одесса).

Киевский университет основан в 1834 г. в составе философского факультета с двумя отделениями - историко-филологическим и физико-математическим. В следующем году был открыт юридический факультет, а в 1841 г. - медицинский. При создании университета, формировании факультетов и кафедр учитывали опыт лучших университетов России, в том числе Тартуского.

Действительно, в ЦГИА г.Киева сохранились каталоги лекций, прочитанные в Тартуском университете в 1839 г. /5, о. 4, д. 31/, а также "Дело о заимствовании некоторых прав, утвержденных для студентов Дерптского университета для студентов университета св. Владимира" (1837 или 1838 г.) /5, о. 4, д. 341/. Два печатных экземпляра более позднего периода "Правил для студентов Дерптского университета" вместе с письмом ректора от 28 января 1863 г. хранятся сейчас в Киевском городском архиве /6, о. 302, д. 17/.

В 1837 г. в Киевском университете обсуждался вопрос об отправлении студентов на учебу в заграничные университеты. При этом учитывался опыт подобной работы с воспитанниками Профессорского института и Главного Педагогического института /5, о. 3, д. 62/. 10 июня 1842 г. Совет Киевского университета рассмотрел и дал свое заключение об учебнике "Начертательной географии Российской империи", составленном лектором Тартуского университета Павловским /6, о.281, д.91/.

Случалось, что студенты Тартуского университета переходили в Киевский. Первого такого студента Совет Киевского университета принял в июне 1844 г. /6, о.283, д. 181/. В свою очередь, воспитанники Киевского университета иногда продолжали учебу в Тартуском. Так, Совет Киевского университета в 1849 г. рассматривал, например, вопрос о высылке дубликата утерянного листа прослушанных лекций бывшему студенту третьего курса медицинского факультета, решившему продолжить учебу в Тартуском университете /6, о.289, д. 49/. В 1855 г. из Киевского университета в Тартуский перевелся А.Д.Чекановский, впоследствии известный русский геолог и географ, именем которого назван горный кряж в Якутской АССР. Вместе с Фр. Шмидтом, будущим академиком, он совершил научную поездку на остров Сааремаа и в Северную Эстонию, где им был открыт новый вид моллюсков, названный его именем.

Работы многих преподавателей Тартуского университета были хорошо известны в Киеве. По лекциям профессора Тартуского университета М.Бартельса в 1840 г. теоретическую часть курса астрономии в Киевском университете читал В.Ф.Федоров /6, о. 465, д. 51, лл. 37-39/. Он же привез в Киев, вероятнее всего, первый том "Математических лекций по высшему анализу" Бар-

тельса, изданный в 1829 г. в Тарту, а также многие печатные работы и конспекты лекций своих преподавателей В.Я. Струве, Ф.Г.Паррота и др. В.Ф.Федоров проявил живой интерес к изучению естественных наук, будучи еще студентом математического отделения философского факультета Тартуского университета, на который он поступил в 1823 г. Будучи помощником В.Я.Струве в Тартуской астрономической обсерватории (с 1825 г.), он принимал активное участие в производстве градусного измерения, в наблюдении двойных звезд, в научных путешествиях по России.

В 1829 г. Федоров в качестве астронома участвовал в научной экспедиции на Кавказ, которую возглавлял профессор физики Тартуского университета Ф.-Г.Паррот. Объем астрономических и геодезических исследований Федорова был настолько большим, что через несколько дней Паррот, завершив свои физические наблюдения, вынужден был ему помогать. Результаты этих совместных исследований были опубликованы в книге Паррота "Путешествие на Арарат" в 1834 г. (результаты Федорова содержатся во второй части работы). Друг Федорова по Тартускому университету Н.М.Языков сочинил специально стихотворение, в котором воспекает трудности, выпавшие на долю астронома. Не менее легкое путешествие предпринял Федоров в Сибирь в 1832-1837 гг., в результате которого им были определены географические координаты многих пунктов Западной Сибири. С дороги Федоров постоянно высылал письма своим преподавателям и коллегам в Тарту, рассказывая о трудностях путешествия, необычных явлениях, сообщая результаты научных наблюдений. В виде поощрения за труды ректор Тартуского университета подарил ему теодолит.

С 1837 г. Федоров - профессор, а в 1843-1847 гг. - ректор Киевского университета, один из главных организаторов и директор Киевской обсерватории. Несмотря на большую загруженность преподавательской, научной и организаторской работой, он не теряет связи с учеными Эстонии. Так, например, через посредство академика Струве ему удается заполучить новейшие астрономические инструменты для Киевской обсерватории. 29 января 1841 г. Федоров докладывал на заседании Совета Киевского университета, что директор Главной астроно-

мической обсерватории в письме своем от 24 декабря 1840 г. изъявляет желание "иметь у себя копию с плана обсерватории университета св. Владимира... для того, чтобы, соображаясь с размерами Обсерватории университета св.Владимира, мог он точнее означить размер заказываемых им астрономических снарядов ..." /6, ф. 5, о. 280, д. 22, л. 1/. С другой стороны, Федорова не забывают и в Тарту.

В 1843 г. В.Струве поручил А.П.Шидловскому обработку большей части наблюдений Федорова по результатам Сибирской экспедиции. Сам Шидловский окончил Харьковский университет (1837 г.) и для углубления знаний по математическим наукам поступил в Тартуский, по окончании которого (1841 г.) начал научную деятельность в Тартуской и Пулковской обсерваториях под руководством В.Я.Струве. В частности, он участвовал в большом градусном измерении и в хронометрической экспедиции для определения разности долгот между Пулковской и Альтонской обсерваториями. В Тарту вместе с будущим профессором анатомии и физиологии Киевского университета и издателем еженедельного журнала "Современная медицина" А.П.Вальтером часто бывал у книгопродавца Карова, хотя оба книголюба и не всегда имели возможность расплатиться за взятые научные книги /6, о. 393, д. 263/. С 1843 г. по 1856 г. Шидловский работает в Харьковском университете, а в 1856 - 1869 гг. он заслуженный ординарный профессор по кафедре астрономии в Киевском университете и директор местной обсерватории. По выходе в отставку Шидловский вновь некоторое время жил в Тарту.

Возвращаясь к Федорову, приведем содержание одного из его неопубликованных писем к первому ректору Киевского университета М.А.Максимовичу от 29 июня 1839 г., которое свидетельствует о его активной общественно-научной деятельности в Киеве. В своем письме Федоров лестно отзывается о термометре, данном ему Максимовичем, сообщает результат разговора с министром просвещения по поводу состава Киевского университета и, самое главное, рекомендует Совету пригласить на кафедру физики Киевского университета Д.М.Перевощикова, автора первых учебных пособий по астрономии на русском языке, профессора Московского университета. Перевощиков, по его словам, - "один из первоклассных русских астрономов", заслуги которого

"в ученом отношении... очень известны" /7, 5581, л.2/. Мы специально остановились более подробно на анализе научной деятельности Федорова, чтобы проиллюстрировать, насколько глубокими и многообразными были связи между учеными двух крупнейших университетов России XIX века и вместе с тем, чтобы показать, насколько перспективной в этом отношении является избранная тема.

Украинским ученым было знакомо имя известного физика Э.Х. Ленца, уроженца Тарту и воспитанника Тартуского университета. Его "Руководство по физике..., составленное для русских гимназий", было хорошо известно даже преподавателям училищ и школ. Только по Киевскому учебному округу вторым изданием этого пособия в 1845 г. пользовались в Полтавском, Немировском, Киевском, Новгородском, Северском, Ровенском и в дворянских уездных училищах /5, о. II, д. 363, л. 3 об/. Среди учеников Ленца были, в частности, М.И.Талызин и М.П.Авенариус. Последний работал в Киевском университете с 1865 по 1891 г. и был организатором и руководителем киевской школы физиков-экспериментаторов.

Медицинский факультет Тартуского университета был на хорошем счету не только в России, но и в Европе. Поэтому неудивительно, что многие считали для себя честью учиться на медицинском факультете университета в Тарту, а медицинские факультеты других университетов - приглашать к себе на работу преподавателей или выпускников этого заведения. За 1834-1840 гг. из воспитанников Тартуского университета преподавателями Киевского стали 5 человек: В.Ф.Федоров, И.Я.Нейкирх, А.К.Деллен, Э.К.Гофман и Р.Э.Траутфеттер, однако, среди них не было ни одного медика. Нейкирх стал профессором греческой, а Деллен - римской словесности и древностей (и даже напечатал небольшую статью по астрономии: "О наблюдении над солнечным затмением в Киеве в 1851 г." /9, стр. 73-77/; Гофман, принимавший участие в кругосветном плавании под руководством Коцебу (1823-1826 гг.), стал профессором по кафедре минералогии и геогнозии и имел возможность наблюдать солнечное затмение 26 июля 1842 г. во время совместной экспедиции с Федоровым в Чернигов. Ему, кстати, принадлежит мысль разделения философского факультета, деканом которого он был в 1838-1839

гг., на два отделения. Наконец, Траутфеттер был ординарным профессором по кафедре ботаники.

В последующие десятилетия картина резко меняется. Из 15 бывших воспитанников и преподавателей Тартуского университета, приглашенных в 1840–1900 гг. в Киевский, 10 человек дополнили непосредственно состав медицинского факультета. Что касается остальных 5 приглашенных (В.В.Сокольский, О.О.Эйхельман, А.Э.Свенсон, А.А.Котляревский, Ф.И.Кнауэр), то Киевский университет мог заполнить отведенные вакансии или собственными силами или претендентами из других университетов Украины.

Первым доктором медицины Киевского университета из числа приглашенных был А.Ф.Миддендорф, начавший свою деятельность в Киеве адъюнктом кафедры зоологии (с 1841 г. он экстраординарный профессор). В 1840г. он принимал участие в экспедиции Бэра в Лапландию. Однако пребывание Миддендорфа в Киеве было непродолжительным, так как в 1843–1844 гг. он принимал участие в Сибирской экспедиции, а по возвращению был избран в члены Академии наук. Следующими за ним в Киев приехали доктора медицины Н.И.Козлов, О.К.Цильхерт, Ю.И.Мацон, В.М. Стадион, К.Г.Гейбель, Ф.К.Борнгаупт, А.А.Муратов. Особым почетом в Киевском университете пользовался профессор оперативной и военной хирургии (с 1861 г.) Ю.К.Шимановский, воспитанник профессора Адельмана. В 1867 г. Шимановскому торжественно была вручена почетная грамота Парижской выставки за изобретенные им хирургические инструменты. Заметим, что Адельман был преемником известного русского хирурга Н.И.Пирогова по Тартускому университету. С 1856 г. Пирогов был назначен попечителем Одесского, а с 1858 г. – Киевского учебных округов. По его инициативе в Киеве в 1859 г. была открыта первая в России воскресная школа.

Среди преподавателей Тартуского университета было также немало воспитанников и преподавателей Киевского. И, как не удивительно, большинство из них также работало на медицинском факультете. Первым среди них был приват-доцент (с 1879 г.) В.И.Подвысоцкий, окончивший юридический факультет Киевского и медицинский Тартуского университетов. В 1888–1889 гг. в лаборатории общей патологии при Киевском университете, ру-

ководимой профессором В.В.Подвысоцким, проходил стажировку В.А.Афанасьев, будущий ординарный профессор Тартуского университета (с 1894 г.). В стенах Тартуского университета развернулась в 1904-1908 гг. бурная деятельность крупнейшего отечественного химика Л.Н.Писаржевского, рекомендованного Д.И.Менделеевым), бывшего воспитанника Одесского университета. С 1908 по 1911 г. он работал в Киевском политехническом институте, а в 1927 г. основал Институт физической химии АН УССР, который сегодня носит его имя. В Тартуском университете работали также А.С.Игнатовский и В.П.Курчинский (первый - воспитанник, а второй - прозектор по кафедре физиологии Киевского университета).

Достаточно интенсивная информация о деятельности рассматриваемых университетов поступала в дни празднования их юбилеев. Обычно эти торжественные мероприятия проводились при большом стечении публики. На заседании Совета Киевского университета 25 июня 1852 г. ректор информировал о 50-летнем юбилее Тартуского университета и там же было принято решение о командировании в Тарту своего представителя и о подготовке "вызолоченного и отпечатанного на пергаменте" поздравления /6, о. 291, д. 108/. Сохранилось также поздравительное письмо Федорова Траутфеттеру от 3 ноября 1852 г., в котором он просит поздравить всех сотрудников Тартуского университета, в особенности же его ближайших учителей и соратников - Бартеляса, Перевощикова, Струве и Паррота /6, о. 291, д. 108, л. 3/.

С другой стороны, в Тартуском университете в 1884 г. отмечался полувековой юбилей украинского вуза. Поздравительный адрес Тартуского университета Киевскому хранится сейчас в рукописном отделе БАН УССР (Ш. 2809/). По случаю юбилея почетными членами Киевского университета избраны 62 отечественных и зарубежных ученых, среди которых четверо - из Тартуского университета: К.И.Гревинк, А.А.Бунге, К.Г.Шмидт и Ф.Э.Биддер. Степени доктора медицины *honoris causa* удостоен по этому же случаю Густав Бунге, известный биохимик, ученик К.Шмидта. В 1885 г. он был утвержден профессором Киевского университета, но к этому времени уехал в Базель. Во время празднования 100-летия Тартуского университета почетным членом от Киевского

университета был избран В.С.Иконников. Заметим, что среди других почетных членов Тартуского университета, деятельность которых в той или иной мере связана с Украиной, были Д.И.Менделеев, Н.Е.Жуковский и И.М.Сеченов.

Преподаватели Тартуского университета довольно хорошо были знакомы также с культурой и литературой украинского народа. Некоторые из них были лично знакомы с украинскими писателями, певцами и художниками. Воспитанник Тартуского университета К.М.Бэр во время своей экспедиции на Каспийское море в 1853 г. познакомился в Ново-Петровском укреплении с Т.Г.Шевченко, находившимся там в ссылке. Бэр был настолько очарован его поэтическим даром и поражен трагической судьбой этого великого сына украинского народа, что сразу по возвращению в Петербург начал хлопотать об освобождении Шевченко. Мы уже упоминали о связях В.А.Жуковского с Тартуским университетом. Напомним, что он в свое время содействовал выкупу Шевченко из крепостничества. В 1902 г. в Тартуском университете в торжественной обстановке было отмечено 50-летие со дня смерти Н.В.Гоголя и среди других был прочитан доклад на тему: "Гоголь и эстетская литература".

Уже в первое десятилетие своего существования библиотека Киевского университета наладила научный обмен литературы с библиотекой Тартуского. Обычно из библиотеки Тартуского университета один раз в год поступала партия книг, содержащая публикации его сотрудников за предыдущий год. Сохранились записи о таких посылках за 1841, 1847, 1849, 1850, 1852, 1853, 1855, 1858 и последующие годы /6, с. 280-295/. В 1850 г. Киевский университет в благодарность за одну присланную докторскую диссертацию выслал 19 диссертаций по медицине и естественным наукам /6/. В ответ на это из библиотеки Тартуского университета прибыл вскоре список ее дублетов, содержащий 533 названия, из которого было решено приобрести для библиотеки Киевского университета около 200 работ. В прилагаемом списке значились, в частности, работы Лобачевского, Бернулли, Даламбера, Карно, Кассини, Босковича, Био, Ленца, Ободовского. Отметим, что в приобретении для библиотеки книг велика заслуга ректора Н.Х.Бунге, который, как и другие члены его семьи, сыграл значительную роль в сближении университе-

тов (но это особая тема разговора).

Таким образом, даже те приведенные выше немногочисленные факты, которые нам удалось собрать (а они далеко не полностью представляют наличные в архивах материалы), ярко показывают, что между двумя крупными университетами XIX века – Киевским и Тартуским – существовали определенные научные и культурные связи.

1. Петухов Е.В. Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет за сто лет его существования (1802–1902), т. I. Юрьев, 1902.
2. Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Юрьевского, бывшего Дерптского, университета за сто лет его существования (1802–1902), т. I, 2. Юрьев, 1902, 1903.
3. Роль Тартуского университета в развитии отечественной науки и подготовке научно-педагогических кадров. Тезисы докладов XI Прибалтийской конференции по истории наук. Тарту, 1977.
4. Иконников В.С. Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского университета св. Владимира (1834–1884/), Киев, 1884.
5. ЦГИА г. Киев, фонд 707 (Киевский учебный округ).
6. Киевский городской архив, фонд 16 (Киевский университет).
7. Рукописный отдел БАН УССР, III отдел.
8. Любарский А. Свет русской науки. – Таллин: Эстонское гос. изд-во, 1952.
9. Наблюдения над затмением Солнца, бывшим 16/28 июля 1851. Киев, 1852.

СТУДЕНТЫ ТАРТУСКОГО (ДЕРПТСКОГО, ЮРЬЕВСКОГО)
УНИВЕРСИТЕТА - АКТИВНЫЕ УЧАСТНИКИ
"МЛАДОЛАТЫШСКОГО ДВИЖЕНИЯ" И "НОВОГО ТЕЧЕНИЯ"

П.И. Валескалн (Рига)

Открытие в 1802 году Дерптского университета было важным событием не только для Прибалтийского края, но и для всего Российского государства. С этим высшим учебным заведением связана жизнь и деятельность многих замечательных людей - ученых, работников культуры и общественных деятелей.

Значительна роль Дерптского - Юрьевского - Тартуского университета в развитии науки и культуры Латвии. Этот университет воспитал много латышских ученых, врачей, работников культуры и общественных деятелей. В Дерптском-Юрьевском университете училось более 1400 латышских студентов.

В настоящем докладе речь пойдет лишь о двух важных событиях в жизни латышского народа - "Младолатышском движении" и "Новом течении", активными участниками которых были некоторые воспитанники Дерптского-Юрьевского университета.

"Младолатыши" - представители молодой латышской либеральной буржуазии, выступавшие с критикой остатков крепостничества в Прибалтике, требовавшие уничтожения баронских привилегий, расширения прав крестьянского самоуправления, проведения земельной и судебных реформ, расширения народного образования и т.д. Расцвет младолатышского движения относится к 60-м годам XIX века.

В 50-х годах в Дерптском университете сложился кружок латышских студентов во главе с Кришьяном Валдемаром (1825-1891), изучавшим в 1851-1858 гг. в университете государственное право и экономику; Юрисом Алунаном (1832-1864), изучавшим в 1856-1861 гг. в университете языковедение, литературу и экономику; Кришьяном Бароном (1835-1923), изучавшим в 1856-1860 гг. в университете математику и астрономию и посещавших также лекции по русской литературе.

В этом кружке живо обсуждались вопросы о тяжелом бесправном положении латышского народа и об огромных привилегиях не-

мецких баронов. Все три названных студента начали сотрудничать в выходявшей с 1856 года в Риге латышской недельной газете "Mājas Viesis" ("Домашний гость"). Но это продолжалось недолго. Руководство газеты предпочло не раздражать балтийское немецкое баронство и духовенство; поэтому отказалось дальше печатать критические статьи дерптских студентов.

Валдемар, Барон и Алунан решили издавать свою газету. По цензурным условиям издание газеты такого направления было невозможно в Латвии. Поэтому было решено газету издавать в Петербурге, где, казалось, меньше будет влияние немецкого баронства. По окончании Дерптского университета со степенью кандидата в Петербург на работу переехал К.Валдемар. Ю.Алунан, также окончивший Дерптский университет со степенью кандидата, в 1861 году поступил учиться в Петербургский лесной институт. К.Барон, не окончив университет, также переехал в Петербург для работы в газете.

Кришьяну Валдемару, который уже работал в Петербурге в Министерстве финансов и был помощником редактора немецкой газеты "St. Peterburger Zeitung", удалось получить разрешение на издание на латышском языке еженедельной газеты под названием "Pēterburgas Avīzes" ("Петербургская газета"). Так как еще до того Валдемар был утвержден цензором латышских изданий при Петербургском цензурном комитете, то ему же было поручено и цензурировать эту газету. Таким образом, на первое время газета освободилась от реакционных рижских немецких цензоров. Редактором газеты был утвержден Ю.Алунан, но из-за его болезни фактическими редакторами были Валдемар и Барон.

К.Барон был и наиболее продуктивным автором этой газеты: он написал много научно-популярных статей по различным отраслям знаний, опубликовал ряд стихотворений, некоторые из которых впоследствии стали очень популярными и были переложены на музыку видными латышскими композиторами.

К.Валдемар писал статьи на политические и экономические темы, много статей для двух приложений к основной газете "Dzirkstele" ("Искра") и "Zobugals" ("Зубоскал"), в которых высмеивал мракобесие, невежество, отсталость.

Ю.Алунан писал на хозяйственные темы, в которых феодальной системе противопоставлял капиталистическую систему, по-

пуляризировал английских экономистов Адама Смита и Давида Рикардо. Писал он также статьи по литературе, резко выступал против гегемонии немецких пасторов в латышской литературе.

Ю.Алунану принадлежит видное место в истории развития прогрессивной мысли в Латвии. Он боролся против поработителей латышского народа - немецких баронов и их прихвостней - лютеранских пасторов; критиковал крепостнические порядки, пропагандировал естественно-научные знания и материалистическую философию, боролся против невежества и суеверий. Немецкие пасторы называли Ю.Алунана "самым ярким безбожником".

С целью популяризации научных знаний среди народных масс, развития внешкольного образования Алунан еще до выхода "Pēterburgas Avīzes" в 1859-1860 гг. выпустил три научно-популярных сборника под названием "Sēta, daba, pasaule" ("Двор, природа, вселенная"), в которых он выступал не только как редактор, но и как основной автор. Это были первые научные сборники на латышском языке, пропагандировавшие прогрессивную материалистическую науку и философию. Ю.Алунан был одним из первых, кто начал знакомить латышский народ с прогрессивной русской культурой, наукой и литературой.

Значительны заслуги Ю.Алунана в развитии латышского литературного и научного языка.

В 1856 году Ю.Алунан опубликовал сборник "Dziesmiņas" ("Песенки") со своими и переведенными им из классиков мировой литературы стихотворениями. Он сам знал много языков. В сборнике помещены его переводы из Горация, Гейне, Гете, Лермонтова и других. Этим доказывал, что латышский язык может быть языком поэзии и пригоден для перевода с любого другого языка. Борясь против германизмов и жаргона немецких колонизаторов, Алунан создал много новых слов, вошедших в дальнейшем в словарный фонд латышского языка.

Следует сказать несколько слов и о Каспаре Биезбардисе (1806-1886), также обучавшемся в Дерптском университете. Затем с 1833 по 1853 г. работавшем учителем и школьным инспектором в городе Вильянди. В 1854 г. Биезбардис вернулся в Ригу, работал учителем и целиком отдался литературной и общественно-политической деятельности. Он был одним из первых латышей, серьезно занимавшихся философией, особенно Канта и Гегеля. В

период расцвета младолатышского движения Биезбардис в основном стоял на материалистических позициях, что отразилось и в его философских статьях в газете "Pēterburgas avīzes". В этой газете были напечатаны также его научно-популярные статьи, статьи по истории русского государства, освещал он и вопросы родства латышей и литовцев со славянскими народами.

Газета "Pēterburgas Avīzes" стала центром движения "младолатышей", как их прозвали немецкие бароны и пасторы. Хотя газета была довольно умеренного направления, ограничивалась требованием умеренных реформ, тем не менее немецкие балтийские бароны и пасторы сразу же потребовали ее закрытия или, по крайней мере, введения строжайшей цензуры. И действительно, осенью того же 1862 года цензурование газеты было перенесено в Ригу и подчинено генерал-губернатору Ливену. Газету время от времени закрывали, чинили всяческие препятствия ее выходу, и в 1865 г. она окончательно закрылась.

"Младолатышское движение", хотя и носило непоследовательный, реформистский характер, все же в тех конкретных условиях было положительным явлением. Кроме критики остатков феодальной системы в Латвии, требования расширения прав латышского народа, латышского языка, младолатыши провели значительную борьбу против тенденции части немецкого дворянства и бюргерства онемечить латышский народ. Они сыграли большую роль в развитии латышского языка и латышской литературы, выступали за расширение народного образования, за собирание богатого латышского фольклора. Младолатыши пропагандировали достижения науки и материалистической философии, выступали за установление тесных контактов между латышским и русским народами.

"Младолатышское движение" не было однородным оформившимся движением - оно подвергалось различным влияниям. Расцвет этого движения относится к 60 годам XIX века. По мере роста экономики и классовой дифференциации латышского народа, обострения классовой борьбы в 70-80 гг. младолатыши в основной своей массе стали на национально-шовинистические позиции и утратили свое прогрессивное значение.

По своим научным заслугам среди младолатышей выделяется Кришьян Барон, который на протяжении своей долгой жизни про-

делал огромную работу по сбору, систематизации и изданию латышского фольклора. При помощи Петербургской академии наук К. Барон в 1894-1915 гг. издал 6 больших томов латышских народных песен.

Некоторые студенты Дерптского (Юрьевского) университета, наряду со студентами Петербургского и Московского университетов, были активными деятелями "Нового течения" - идейного движения прогрессивной латышской интеллигенции 90-х годов XIX века.

В 1888 году в Дерптском университете было создано Литературно-научное общество латышских студентов (см. статью С.Я. Тимшана и А.А. Вискна в данном сборнике). Члены этого общества поддерживали связь и с кружками прогрессивных студентов других национальностей, особенно русскими, польскими и эстонскими.

Активным участником этого общества был революционный латышский поэт Эдуард Вейденбаум (1867-1892). В 1887 г. Вейденбаум поступил в университет для изучения юридических наук. Во время учебы в университете он написал много стихов и научно-популярных статей.

В 1891 году это литературно-научное общество стало издавать сборники научно-популярных статей "Pūrs" ("Приданое"), в котором авторы пропагандировали достижения естественных, экономических и правовых наук, материалистическую философию и теорию марксизма. Первый сборник вышел в 1891 г., второй - в 1892-м и третий - в 1894-м. Кроме студентов Дерптского (Юрьевского) университета в этих сборниках сотрудничали также латышские студенты Петербургского и Московского университетов.

Лучшими статьями в этих сборниках были статьи Э. Вейденбаума: "Уложения о наказаниях в историческом развитии и их философские основы" - I сборник; "Больше света" - II сборник и "Очерки по механике" - III сборник. В своих статьях Вейденбаум популяризовал как науку, так и материалистическое мировоззрение. Не указывая авторов статьи, в сборниках популярно излагали "Манифест Коммунистической партии" Маркса и Энгельса и "Анти-Дюринг" Энгельса.

Э. Вейденбаум вплотную подошел к марксизму, но преждевре-

менная смерть помешала поэту прочно стать на его позиции.

С 1886 года в Риге начала выходить демократическая газета "Diēnas Lapa" ("Ежедневный листок"). С 1888 года эту газету попеременно начали редактировать бывшие студенты юридического факультета Петербургского университета Петр Стучка и Ян Плиекшан (народный поэт Латвии Ян Райнис). Газета становилась все революционнее и стала организационным центром "Нового течения".

"Diēnas Lapa" начала печатать статьи о рабочем и социал-демократическом движении. Без указания авторов помещала отрывки из сочинений Маркса, Энгельса, Фейербаха, Бебеля, переводы русских классиков литературы.

Деятельность новотеченцев характеризуется постепенным переходом от революционного демократизма к марксизму, но они использовали главным образом легальные возможности пропаганды марксизма, хотя начали устанавливать связи и с рабочим движением. "Новое течение" не было организационно четко оформленным, хотя отдельные его деятели (особенно П.Стучка) уже задумывались над вопросами организации рабочих. Большинство активных новотеченцев, от которых со временем отошли разные мелкобуржуазные попутчики, впоследствии стали социал-демократами, пришли к марксизму: П.Стучка, Я.Янсон (Браун), Ф.Розиньш, П.Дауге.

Активными новотеченцами были некоторые студенты Юрьевского университета, особенно друг Э.Вейденбаума Фрицис Розиньш (1870-1919), который в 1891 году поступил на медицинский факультет, но в 1894 году за активную революционную деятельность был исключен из университета. Через полтора года ему удалось вернуться, но уже на юридический факультет, который он окончил в 1896 г.

О РОЛИ ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ДЕЛЕ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Э. Лаугасте (Тарту)

Среди ученых, работавших в Тартуском университете, в области фольклористики прославились проф. М.Ю.Эйзен как исследователь эстонской мифологии и проф. В.Андерсон, занимавшийся изучением сказок, народных песен, а также общетеоретическими вопросами. В настоящей статье речь идет только об одной сформулированной проф. Андерсоном закономерности в процессе распространения народных повествований.

В.Андерсон родился в 1885 г. в Минске, образование получил в Казанском университете, где его отец занимал должность профессора финно-угорских языков. Еще будучи студентом В.Андерсон в 1914 г. опубликовал в Казани свое исследование "Роман Апулея и народная сказка" I. Подготовившись к занятию должности профессора в Петербурге, Андерсон совершенствовал свои знания еще в Берлине, а в 1916 г. защитил свою докторскую диссертацию на тему "Император и аббат, история одного народного анекдота" I. За этим последовала преподавательская деятельность в Казанском и Минском университетах и начиная с 1920 г. в качестве профессора в Тартуском университете. В.Андерсон умер в 1962 г. в Киле (ФРГ).

В.Андерсону принадлежит большое количество печатных трудов. В лекциях по спецкурсам он в основном опирался на материал своих исследований (о методах изучения фольклора, сказках, мифологии, народных песнях). В.Андерсон собирал фольклорный материал разных народов (белорусов, итальянцев, эстонцев), собирал эстонские детские песни; значительная доля библиографии эстонского фольклора составлена Андерсоном. Он был редактором издаваемых Тартуским университетом "Ученых записок" и председателем коллегии Архива эстонского народного творчества.

Наряду с преподаванием методики изучения фольклора Андерсон занимался и пропагандировал географическо-исторический метод, причем не раз ему приходилось отстаивать свои научные положения. Основная направленность его работы — это прежде

всего исследование народных сказок, что облегчалось знанием множества языков: Андерсон владел 41 языком. Типологизация эстонских сказок, начатая весьма интенсивно еще в годы его пребывания в Тарту, не была, однако, завершена. В круг его интересов входил также статистический анализ как новейших эстонских народных песен, так и размер аллитерационных, древнейших стихов. В этой области Андерсон написал несколько работ, получивших международное признание, например, "Studien zur Wortsilbenstatistik der älteren estnischen Volkslieder" (Тарту, 1935). Упрекнуть его, пожалуй, можно лишь в том, что он недостаточно уделял внимания вопросам возникновения и развития народного творчества, но рациональное зерно его исследовательских трудов всецело заслуживает внимания и в наши дни.

Все наследие этого плодотворного теоретика и практика осветить в одном докладе невозможно. Поэтому здесь ограничимся лишь рассмотрением одного основного вопроса — закона стабильности и связанных с ним проблем.

Закон стабильности — одно из важнейших достижений Андерсона в области народных сказок. К открытию этого закона ученый пришел путем исследования сказки-загадки "Император и аббат". Закон этот применим и для иных фольклорных жанров.

Ранее, до появления исследования Андерсона, нормальным считался так называемый цепочечный способ распространения фольклорных произведений: от одного рассказчика или певца непосредственно к другому, от второго к третьему и так далее, начиная с исконного подлинника вплоть до полного исчезновения определенного текста. Свое открытие Андерсон назвал законом с а м о п р о в е р к и (Gesetz der Selbstberichtigung). Как уже было сказано, закон этот был сформулирован в его монументальной работе "Kaiser und Abt"./I/. В своем исследовании Андерсон говорит, что безграмотные люди, обладая ясной памятью, передают услышанное ими весьма правдиво. Распространяющиеся в быту тексты, хотя и близки подлиннику, никогда полностью с ним все-таки не совпадают. Именно таким образом и возникают отдельные варианты. Искони ни одно сочинение не является цепью случайных событий, оно — тематический организм, оно — логичное, художественное целое. Когда же

при повествовании возникают чуждые тексту интерполяции, то каждый здравомыслящий, художественно одаренный рассказчик сможет такие добавки из вариантов элиминировать.

Но как он восполняет пробелы?

До того времени предполагалось, что распространение народных сказок (и иных жанров) происходит путем передачи одним рассказчиком другому после однократного выслушивания. Но в таком случае могли бы возникнуть изменения вплоть до неузнаваемости оригинала: А — В — С Х, как это впоследствии было продемонстрировано самим Андерсоном в одном из его экспериментов. Исходя из этого он устанавливает, что стабильность фольклора обуславливается следующими факторами: 1) передатчик слышал текст от рассказчика не один лишь раз, а повторно; 2) передатчик заслушивал текст не у одного лишь рассказчика, а у нескольких, в различных вариантах. На основе этих версий передатчик устраняет эвентуальные искажения, т.е. излишние добавки и отклонения, он, следовательно, определяет то же самое, что и исследователь при реконструкции исконного текста, только бессознательно. Первый фактор устраняет пробелы и ошибки, которые могут произойти по забывчивости, а также случайные отклонения. Вторым же фактором устраняются индивидуальные погрешности рассказчика. Кроме этих, Андерсон приводит еще некоторые обстоятельства, например: лишь в редких случаях кто-либо осмеливался пересказать услышанное им другому человеку сразу же после единственного исполнения рассказчиком. Нередко консервации подлинного текста способствует не только повторное заслушивание, но и неоднократный пересказ, а в случае песни — многократное участие в исполнении народной песни /2/.

Несмотря на то, что сама теория, на которой следовало бы остановиться подробнее, была многими учеными воспринята положительно, без возражений, все же нашлись и скептики, которые сочли изложенные положения неправильными.

Наиболее категорично в этом отношении высказался чешский фольклорист Альберт Вессельский /3/. По мнению Вессельского, причиной большой стабильности народных повествований служит влияние печатной литературы (напр., сказок братьев Гримм). Однако теорией стабильности можно объяснить неизменяемость и

ненапечатанных текстов. Стабильность относится и к песням и иным жанрам, где действуют те же закономерности. Андерсон решительно отвергает аргументацию Вессельского и отстаивает, в частности, теорию о нескольких источниках. В случае однократного заслушивания, а также в силу особенностей фантазии пересказчика текст претерпел бы новые изменения, которые уже вскоре исказили бы подлинник до неузнаваемости. Отдельные же варианты в процессе их распространения постоянно дивергируются и в результате вместо одного рассказа мы получили бы бесчисленное количество не похожих друг на друга разных повествований. Сказанное относится и к песням, хотя их форма сама не допускает столь резких изменений /3/.

Разрабатывая свою теорию стабильности, Андерсон принялся экспериментально проверять, что будет, если пустить в обиход сказку или народное предание двенадцать раз. Его целью было установить, какие изменения будет претерпевать оригинал при условии, если каждый рассказчик заслушивает данный текст только от одного человека и лишь один раз. Суммируются ли отклонения и заметно ли расходятся конечные точки отдельных цепей переданного рассказа между собой в силу дивергирования? Добываясь однозначного результата, в эксперименте были исключены возможности услышать повествование повторно и от нескольких лиц. В качестве исходного текста было выбрано небольшое народное предание, которое все участвующие слушали с напряженным вниманием. Любые произвольные изменения и приукрашивание были строго запрещены. Между чтением текста и его репродуцированием был оставлен промежуток времени в одни сутки, после чего слушатель должен был записать прослушанное и прочитать текст следующему участнику эксперимента, тот в свою очередь продельвал то же самое — и так 12 раз. Андерсон проводил этот эксперимент с тартускими студентами еще в 1925 г., однако материалы не сохранились. Результаты не оказались ошеломляющими: тексты изменились до неузнаваемости. В Тартуском эксперименте участвовало восемь групп участников, в каждой из них по десять человек. В 1947 г. эксперимент был повторен со студентами Кильского университета. Участвующие были распределены на три группы, в каждой по 12 членов ($A_I - 12$; $B_I - 12$; $C_I - 12$). В медленном темпе всем слушателям был за-

читан ранее не известный текст — быличка о Черте из Польско-го поморья. При подытоживании отклонений, причем тексты в разных звеньях были дивергированы, было установлено, что одно лишь повторение (а также принцип нескольких источников) является решающим фактором для бесспорной стабильности народного повествования (и для его определенной осцилляции вокруг одной и определенной формы).

Зачитанный в Киле текст содержал 246 слов, а при передаче его были получены такие результаты (выборочно): A_I — 164 (слова); A_3 — 157; A_7 — 365; A_{10} — 256; A_{12} — 256. B_I — 205; B_4 — 245; B_7 — 157; B_8 — 136; B_{10} — 112; B_{12} — 178. C_I — 236; C_7 — 321; C_8 — 454; C_{11} — 252; C_{12} — 265.

Как видим, количество слов уменьшается далеко не во всех случаях, кое-кто добавил от себя то, чего в подлиннике и не было, или, наоборот, опустил некоторые слова. Пересказы последних членов групп (A_{12} , B_{12} , C_{12}) имели мало общего между собой как по форме, так и по деталям содержания.

Эксперимент разъясняет многие детальные вопросы практики распространения народного творчества. Эксперимент, безусловно, представляет большой интерес и для психологов. Участники эксперимента пытались запомнить своеобразие и детали выражения, но тем не менее возникло немалое число элизий и вставок. Кое-какие образные ситуации передавались бесцветно, менее образно. Наиболее существенный урон повествованию нанесли выпадения некоторых деталей содержания и изменения мотивировки. Согласно учению датского профессора, фольклориста Акселя Ольрика каждое народное повествование заключает в себе несколько образных ситуаций, легко запоминающихся, которыми охотно пользуются художники-иллюстраторы книжных изданий (Лиса верхом на избитом волке) /4/. Образные ситуации в экспериментальных текстах утрачиваются и восстановить их невозможно, так как это можно было сделать при наличии нескольких источников /5/. Свою идею Андерсон и заимствовал у Бартлета, однако, он внес поправку, избежав главной ошибки Бартлета — образовать только одну цепь традиции. Бартлет упускал из виду то обстоятельство, что одно и то же повествование в различных цепях традиции под влиянием случайных факторов развивается по-разному. Но установить это с помощью лишь одной

цели невозможно.

По примеру Кильского эксперимента проф. Д.Ортутай в 1953 г. провел в Будапештском университете собственный эксперимент при аналогичных условиях. Его результаты подтвердили наблюдения В.Андерсона.

В дискуссии по данному вопросу Андерсон обратил внимание на необходимость различать активных и пассивных носителей традиции. Хотя обе эти группы могут быть равными по знанию материала, все же воздействие активного гораздо сильнее. Эксперименты же и не могли учесть индивидуальные предпосылки участников. Как и любой лабораторный опыт, так и данный эксперимент не дает экспериментатору всесторонней информации: каждая новая цель нуждается в своей собственной методике.

И все же достигнутые В.Андерсоном результаты до сих пор являются единственно достоверными в данном вопросе. Его открытие весьма убедительно поясняет, почему варианты многовековой давности существенно не отклонились от своего архаического прототипа. Определенно, что многократное заслушивание и информация из разных источников оказывают залогом сохранности первоисточника. К тому же передатчик текста является одновременно и активным носителем традиции. Народный рассказчик, певец находится в среде живой традиции, участник эксперимента - вне ее. Это обстоятельство оказывает влияние на формирование текста, но все-таки не решающее. В вариантах кое-какие части в живой традиции изменены постоянно или временно, но сознательно, в эксперименте же "отсебятина" категорически была запрещена - это было единственным условием. В живой традиции рассказчик произвольно отбирает понравившийся текст и передает забвению незанимательный, между тем как в эксперименте нет возможности выбора. Можно привести и другие аргументы, например, сравнить студенческую память с памятью безграмотного лица. Однако все это не может опровергнуть положения В.Андерсона, воспринятые Д.Ортутаем и используемые учениками Андерсона.

1. Андерсон В.Н. Император и аббат. История одного народного анекдота. I. Минск, 1916; Anderson, W. Kaiser und Abt. Die Geschichte eines Schwanks. FF Communications № 42. Helsinki, 1923.
2. Anderson, W. Eine neue Arbeit zur experimentellen Volkskunde. Helsinki, 1956; Krohn, K. Die folkloristische Arbeitsmethode. Oslo, 1926.
3. Anderson, W. Zur Albert Wesselskis Angriffen auf die finnische folkloristische Forschungsmethode. Trt., 1935.
4. Olrik, A. Nogle Grundsætninger for Sagnforskning. København, 1921.
5. Bartlett, F.C. Some experiment in the reproduction of folk-stories. 1920.
6. Laugaste, E. Walter Andersoni teaduslikust pärandist. Журн. - Keel ja Kirjandus, 1964, с. 412-420.

ТАРТУСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ И РАЗВИТИЕ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АФРИКАНИСТИКИ
(Некоторые итоги и перспективы)

А.Д. Дридзо (Ленинград), Э. Йнесаар (Вильянди)

На протяжении последних двадцати лет предпринимались поиски материалов по истории африканистики в Эстонии. Результаты этих поисков были в свое время опубликованы как на эстонском, так и на русском языке /1/, а также доложены на нескольких конференциях, в том числе на XII Международном конгрессе истории наук /2/.

Разумеется, далеко не все аспекты темы были освещены в этих публикациях. Один из таких аспектов связан с выявлением роли такого центра, как Тартуский университет в развитии африканистики.

Самого пристального внимания заслуживают прежде всего собрания книг Научной библиотеки Тартуского госуниверситета. В свое время одному из авторов данного сообщения пришлось специально заниматься африканскими фондами библиотеки.

Выяснилось, что по этнографии, истории, географии, языкам Африки (и по некоторым смежным вопросам) библиотечные фонды университета располагают собранием примерно в 250 томов. Уже сам по себе этот факт выдвигает книгохранилище в число таких, мимо которых не может пройти ни один африканист.

Еще важнее то обстоятельство, что почти треть их отсутствует в других крупнейших книгохранилищах нашей страны, в том числе в московских и ленинградских.

Более подробно результаты всех этих разысканий были в свое время уже опубликованы /3/. В данном сообщении хотелось бы заострить внимание на несколько иной стороне. Могут ли книги, о которых идет речь, послужить базой для исследований в области африканистики?

Думается, что да.

Во-первых, в фондах Научной библиотеки есть интереснейшие источники, материал которых еще не введен в научный оборот. Таковы, например, миссионерские журналы, преимуществен-

но немецкие. Некоторые из них наиболее полно представлены именно в Научной библиотеке Тартуского госуниверситета. Например, "Allgemeine Missionszeitschrift" издававшийся в немецком городе Гутерсло, имеется в ней за сорок лет (1874-1915 гг., кроме 1912 г.), причем ни в Москве, ни в Ленинграде его вообще нет, а в библиотеке АН ЭССР обнаружены только двенадцать годовых комплектов, да и то дублирующих тартуские (1874-1886).

Еще более полно представлен в Тарту другой журнал - "Magazin für die neueste Geschichte der Evangelischen Mission und Bibelgesellschaften" (с 1875 - Evangelische Missionsmagazin"). Это базельское издание содержит очень много материалов по Африке (в основном по Западной и Южной). Практически нет ни одного номера, в котором таких материалов не встречается; кроме того, некоторые годовые комплекты вообще посвящены одному только этому контингенту (1826 г. и др.). В Тарту базельский журнал имеется за шестьдесят один год (1816-1876 и 1912-1913), в то время как в Государственной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина только несколько разрозненных годовых комплектов (1816-1821, 1846, причем с лакунами), а в библиотеке АН ЭССР - лишь немногим больше (за 1825, 1826, 1831, 1832, 1834, 1839, 1841, 1844-1846, 1849-1886).

Известно, что такого рода издания представляют значительный интерес для африканистов - этнографов и лингвистов: важны они и для историков, разрабатывающих период захвата и порабощения Африки европейскими колонизаторами. Между тем, периодика, издававшаяся миссионерскими обществами, привлекается для исследования пока недостаточно, хотя критическое ее использование и осмысление было бы весьма полезным.

Во-вторых, фонды тартуской библиотеки содержат ценное собрание по африканской лингвистике. Прежде всего, это тексты на различных языках (преимущественно библии и евангелия, переведенные на мальгашский, зулу, йоруба, таи, изданные в 1850-1863 гг.); ни одно из этих довольно ранних изданий не обнаружено, например, в Государственной публичной библиотеке, хотя аналогичной литературы на языках народов Азии и Африки собрано там немало.

Далее, это лингвистические работы, самая ранняя из кото-

рых (принадлежащая перу Ольдendorpa, записавшего у вест-индских рабов - африканцев довольно большое число слов на их языках) вышла в 70-х гг. XVIII века. Затем следует назвать ряд работ Блика, грамматику языка зулу, составленную Шрёдером (1850), исследование по языку аквапим, принадлежащее Рийсу (1853), книги о языках Центрального Судана, о Берберских диалектах, о языке тамашек, о языке нама, о синтаксисе суахили и т.п.

Создается впечатление, что на определенном этапе истории библиотеки кто-то, имевший об африканской лингвистике далеко не дилетантское представление, определенным образом повлиял на выбор книг для комплектования. Может быть историкам книгохранилища удастся пролить свет на этот любопытный факт.

Наконец, в библиотеке университета есть и ряд работ эстонских африканистов, прежде всего Л.Блумера. Некоторые из них были в свое время обнаружены Э.Куду /4/.

Третья область, которая весьма обильно представлена в тартуской "африкане" - то история открытия, исследования и колонизации Африки, особенно в XIX веке.

Здесь необходимо вспомнить, конечно, что до I мировой войны Тартуский университет, единственный в России, долгие десятилетия имел соглашение об обмене диссертациями со всеми германскими университетами. В результате образовался самый большой в Союзе фонд - 400 тыс. диссертационных работ (полученных не только из Германии, но и из других стран). При просмотре соответствующего каталога удалось обнаружить около двух десятков исследований на африканские темы, в том числе несколько отсутствующих в Москве и Ленинграде. К сожалению, этот фонд пока еще мало используется, а возможности его очень значительны. Самый наглядный тому пример - устные поиски, предпринятые театром "Ванемуйне" при подготовке нового спектакля "Человек с черного континента" (о лауреате Нобелевской премии А.Швейцере). "Мы, - говорит художественный руководитель театра народный артист СССР Каарел Ирд, - нашли в научной библиотеке Тартуского университета три диссертации Швейцера. Первую из них - на соискание звания доктора философии - он защитил в 1899 году. Эти работы позволили нам лучше понять взгляды выдающегося гуманиста, соответственно которым

он строил свою жизнь, без остатка отданную людям, а значит - и глубже проникнуть в образ, который нам предстояло создать".

Таким образом, Тартуский университет оказался причастным к созданию первого в истории эстонского театра спектакля на африканскую тему.

Не один десяток томов о путешествиях по различным районам Африки создает довольно полную библиотеку исследования континента со второй половины XIX века (а по ряду районов - и с более раннего времени) вплоть до первой мировой войны.

Среди региональных работ, больше всего посвященных Западной Африке (почти сорок книг, шесть из которых отсутствует в других библиотеках Союза), Восточной Африке посвящено более 20 работ (из них пять в других библиотеках не найдены); почти половина книг в этой группе связана по тематике с Эфиопией, найдено тридцать пять книг по Югу континента, семь из которых наши исследователи могут найти только в Тарту.

Все это говорит о тех широких возможностях, которые имеются в университетской библиотеке для изучения африканских проблем. Не случайно к ее фондам обращаются и ученые других городов, других союзных республик.

На основе всего вышесказанного мы задались вторым вопросом: что нам известно о роли всех этих фондов в развитии африканистики.

Вопрос этот до сих пор еще не ставился. Для того, чтобы в полной мере ответить на него, потребуются дополнительные изыскания, но кое-что известно уже в настоящее время.

Изучая круг читательских интересов Ф.Крейцвальда в бытность его студентом университета, Э.Куду обнаружила, что будущему автору "Калевипоэга", несомненно, были известны, по крайней мере, две книги об Африке: дневник Латроба, путешествовавшего по Югу континента в 1815-1816 гг., и затем работа по антропологии африканцев. Он брал их в библиотеке в первый год своей учебы в Тарту (1826), причем поручился за их своевременный возврат профессор анатомии Л.-Э.Цихориус, которому принадлежит исследование о различных расах. Можно предположить, что указанные книги он сам и рекомендовал Крейцвальду /5/. В свете этих фактов совсем не случайным представляется обращение Крейцвальда к африканской тематике и в бо-

лее позднее время.

Начав выпуск первого иллюстрированного журнала на эстонском языке, — "Мир и кое-что из того, что в нем есть", он с первого же номера начинает знакомить читателя с природой, растительностью, животным миром Африки, преимущественно Южной. Делается это в живой, занимательной форме, немало места отводит Крейцвальд и описанию этнографии различных африканских народов /7/.

Через два года он предпринимает издание трехтомного сборника "Картины земли и моря". Первый том также полностью посвящается Африке. Переведя (точнее, пересказав и переработав) книгу немецкого автора А.Ф.Ф.Хоффмана, вышедшую под тем же названием в 1848 году, Крейцвальд дал эстонскому читателю первую в истории эстонской литературы книгу о путешествиях и приключениях. Предпринятое им издание сыграло значительную роль в расширении общеобразовательного кругозора самых демократических слоев населения Эстонии первой половины XIX века /8/.

Таков итог исследования, посвященного только одному читателю библиотеки ТГУ, знаменитому его питомцу. Но литература на африканскую тему привлекала, насколько можно судить, и многих других читателей. Дальнейшие исследования Э.Куду позволяют заключить, что уже в первые годы существования библиотеки очень большим спросом пользовалась литература по географии, в том числе и по географии Африки /8/. Эту интересную работу обязательно необходимо продолжить.

До последнего времени не удавалось найти данных о посещениях Африки южнее Сахары питомцами Тартуского университета (путешественники-миссионеры Х.Тийсман, Э.Овийр, Л.Блумер, как известно, университетского образования не имели). Лишь в 60-е годы XX в. внимание исследователей привлекла коллекция С-24 Этнографического музея Эстонской ССР, в составе которой 64 предмета из тогдашнего Французского Конго (ныне Народная Республика Конго), доставленные в 30-е годы врачом Дмитрием Павловичем Соломенцевым.

Д.П.Соломенцев (1901 - год смерти неизвестен) и его брат Иван (1896-1934), получив образование на медицинском факультете в Тарту (1924), уехали во Францию, а оттуда - в Конго.

Здесь Иван Соломенцев умер, и брат перевез покойника в Эстонию для захоронения в Печорском монастыре. Именно тогда, 11 июня 1934 г. он и передал музею первые 39 предметов; передача остальных 25 состоялась в марте 1937 года /9/.

Список предметов из коллекции Соломенцевых был впервые опубликован в 1967 г. Г.А.Черновой /10/.

Согласно справочнику, недавно выпущенному ТГУ, на его Ученом совете (по крайней мере до 1918 г.) не было защищено ни одной диссертации на африканскую тему. Но питомцы и преподаватели его уже довольно давно обращались в своих исследованиях к Африке, ее культуре и истории. По тем заведомо неполным данным, которыми мы располагаем, здесь надо напомнить, во-первых, о переводе очень своеобразного памятника литературы и общественной мысли Эфиопии - "Катехизис Зара-Якоба" (создан в середине прошлого века на языке геез итальянцем Джада Урбино). Эта работа, принадлежащая перу ученого и поэта Уку Мазинга, была опубликована в 1936 году и явилась, очевидно, первым переводом с африканского языка на эстонский /11/.

На следующий год увидело свет первое исследование о Хансе Тийсмане, выполненное выдающимся эстонским филологом академиком Паулем Аристэ и полностью сохранившее свое значение до сих пор /12/. Но еще в предыдущем десятилетии, находясь на стажировке в Германии, ученый и сам внес лепту в африканистику, занимаясь исследованием языка ван.

Однако систематическая работа по африканистике развернулась лишь в советское время. В середине 50-х годов, благодаря инициативе и энергии П.Нурмекунда, при ТГУ создается кабинет ориенталистики, на базе которого начинается систематическое изучение и преподавание языков и культур многих народов Востока, в том числе и Африки (последние преподает сам П.Нурмекунд, владеющий многими языками Востока и Запада). П.Нурмекунд занимается также исследованием истории африканистики и вообще истории востоковедения в Эстонии /13/.

В середине 50-х гг. на интересующую нас тему выпустил работу зав. кафедрой ТГУ член-корр. АН ЭССР известный ученый и писатель Ю.Пэзгель. Он впервые привлек внимание к наследию Ю.Дрисона, участвовавшего более ста лет назад в кругосветном плавании и описавшего свои впечатления в серии очерков на

страницах газеты "Postimees". Среди путевых заметок Дрисона одно из важнейших мест занимает описание Юга Африки. Особо следует подчеркнуть, что Ю.Дрисон был автором первого эстонского оригинального описания путешествия, да и вообще первым эстонским очеркистом /14/.

Важное значение имеют и другие работы Ю.Пээгеля, в которых исследован ранний этап истории эстонской журналистики и ее "географический горизонт" /15/.

В настоящее время для студентов-историков уже ряд лет читается курс истории стран Азии и Африки (проф. Я.Конкс, доц. О-М.Клаассен). О-М.Клаассен недавно опубликовал интересную и оригинальную по тематике работу /16/.

Исследования по истории африканистики в Эстонии проводят и ученики академика П.Аристе. Один из них, Ю.Вийкберг, обнаружил новые и ценные материалы о жизни и деятельности Х.Тийсмана, дальним родственником которого он является /17/.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что в ТГУ сложились давние традиции африканистических исследований, что существует солидная база для таких исследований, что сделано в этой области уже немало и, наконец, что есть все основания ожидать продолжения таких работ, и прежде всего молодыми учеными.

1. Dridzo, A.D. Eesti Aafrika uurijad. - Keel ja Kirjandus, 1965, № II; Дридзо А.Д. К истории африканистики в Эстонии. - Уч. зап. Тартуский гос. ун-т, вып. 201. Труды по востоковедению, I. Тарту, 1968; Дридзо А.Д. Эстонские африканисты. - В сб.: Африка: встречи цивилизаций. М., 1970; Dridzo, A.D. Eesti afrikanistid. - Tsivilisatsioonide kohtumine Aafrikas. Tln., 1973; Дридзо А.Д. Очерк истории африканистики в Эстонии. - В сб.: Изучение Африки в России. М., 1977; Dridzo, A.D., Vassiljeva, O. Uut Hans Tiismanni kohta. - Keel ja Kirjandus, 1978, nr. 7.
2. Его же. Африканистика и латиноамериканистика в Прибалтике (XIX - нач. XX в.). - XII Международный конгресс истории наук. Секция № 10. История науки о человеке. М., 1971.

3. Его же. Материалы по географии, этнографии и истории Африки южнее Сахары в Научной библиотеке Тартуского университета (Эстонская ССР). - Страны и народы Востока, вып. IV. М., 1965.
4. См. А.Д.Дридзо. К истории африканистики в Эстонии, с. 24.
5. Kudu, E. Fr.R. Kreutzwald Tartu Ülikooli Raamatukogu kasutajana. - Kalevipoja küsimusi II.Tartu Riikliku Ülikooli Toimetised, vih. 138. Trt., 1963, lk. 154,159.
6. Ma-ilm ja mõnda, kui seal sees leida on. Tartus, 1848.
7. Ma- ja Merre Piltid. Ehk immelikud luggud lõune - poolAhvrikas. Tartus, 1850.
8. Kudu, E. Tartu ülikooli raamatukogu raamatute loetavus 1802-1805. TRÜ Teadusliku Raamatukogu 5. teadusliku konverentsi materjalid. Trt., 1972, lk. 21.
9. ENSV Etnograafia Muuseumi Arhiiv. Koll. C-24, lk.189,203. RAKA, ф. 2100, оп. 1, ед.хр. 14885; то же, ед.хр.14886, с. 4. Postimees, 17. apr. 1934, nr. 162, lk. 6.
10. Чернова Г.А. Искусство Тропической Африки в музеях СССР (альбом). Научная редакция члена-корреспондента АН СССР Д.А.Ольдерогге. М., 1967, с. 141-148, 153-155."...Большой интерес, - отмечает Д.Н.Ольдерогге, - представляет прекрасная коллекция, собранная И.П. и Д.П. Соломенцевыми в 20-х - 30-х гг. XX века в северной части бассейна Конго. Коллекция эта содержит замечательные глиняные сосуды со скульптурными изображениями антропоморфного характера" (там же, с. 7). Все вошедшие в альбом экспонаты публикуются впервые.
 Научное описание коллекции выполнено в 1975 г. См.: И.Н. Голованова, З.Л.Пугач. Африканские коллекции братьев Соломенцевых в Тарту. - Africana, X, Л., 1975, с. 175-198.
11. Zar'a Jaakobi arutamised. Ühe abessiinia mamsori elu ja mõtted. Tõlkinud Hugo Masing. Trt., 1936.
12. Ariste, P. Misjonär H.I. Tiismann eesti kirjakeele uendajana. - Eesti Kirjandus, 1937, nr. 6.
13. См., например: Nurmekund, P. Die Anfangsgründe der Estnischen Afrikanistik. - In: Beitrag zu der Festschrift für Prof. Ernst Damman zum 65. Geburtstag. - Wort und

Religion - Kalima na Dini. Stuttgart, 1965; П. Нурме-кунд. К истории эстонской африканистики. - Уч. зап./ Тартуский гос. ун-т, вып. 392. Труды по востоковедению. Тарту, 1976.

14. Peegel, J. Esimesest algupärasest matkakirjandusest ja selle autorist. - Looming, 1955, № 6. В 1975 г. Ю.П. выпустил материалы Юрисона отдельным изданием: Eesti mehe teekond ümber maailma "Askoldi" laeva peal. Tln., 1975. - Loomingu Raamatukogu, 75, 25/26 (917/918).
15. Пэегель Ю.М. Начальный период эстонской журналистики (1766-1875). Автореф. дисс. докт. М., 1973, с. 56-57. Подробнее см.: Peegel, J. Eesti ajakirjanduse algus. Tln., 1966; Suur maailm tuli üle tarekännise. - Looming, 1969, nr. 5.
16. Клаассен О:М. Формирование знаний и установок в Эстонии по отношению к Эфиопии до начала 30-х гг. XX века. - Уч. зап. /Тартуский гос. ун-т, вып. 416. Тарту, 1977.
17. Viikberg, J. Hans Tiismanni eluteest. - Keel ja Kirjandus, 1976, nr. 7.

**ВКЛАД А.БИЛЕНШТЕЙНА И Я.ЭНДЗЕЛИНА, ВЫПУСКНИКОВ
ТАРТУСКОЮ(ДЕРПТСКОГО,ЮРЬЕВСКОГО)УНИВЕРСИТЕТА В РАЗВИТИЕ
ТОПОНИМИКИ В ЛАТВИИ**

3. Мегне (Рига)

Первыми исследователями топонимов в Латвии стали А.Биленштейн и Я.Эндзелин, которые являлись выпускниками Тартуского (Дерптского) университета. Трудно сравнить их вклад в сбор и изучение топонимов Латвии, так как пути, по которым каждый из них пришел к исследованиям в области топонимики, различны.

Аугуст Биленштейн (1826-1907), немец по национальности, родился в 1826 г. в г. Елгаве в семье пастора. С 1846 по 1850 г. он изучал теологию в Тартуском университете. После окончания курса в 1851 г. начал работать пастором в Яунауце. Интерес к латышскому и другим языкам возник у него уже в дет-

стве под руководством отца, в университете, на практике, а главным образом путем самообразования он приобрел определенные знания языков. В 1853 г. А.Биленштейн стал членом Латышского литературного общества, где вскоре молодому образованному пастору предложили заново издать грамматику Хессельберга, по которой в Тартуском университете велось обучение латышскому языку. В 1863 г. вместо повторного издания этого учебника Аугуст Биленштейн издал свои собственные книги "Die Lettische Sprache nach ihren Lauten und Formen" и "Lettische Grammatik", которые с 1865 г. использовались в Тартуском университете для обучения латышскому языку /13, 5-6; 1, II50/.

Вторым крупнейшим трудом А.Биленштейна явилась книга "Die Grenzen des Lettischen Volksstammes und der Lettischen Sprache in der Gegenwart und im 13. Jahrhundert" с приложением "Atlas der ethnologischen Geographie des heutigen und des prähistorischen Lettlandes". Над ним автор работал несколько десятилетий. В этом труде, на что указывает уже само название, характеризуется и анализируется размещение племен на территории Латвии в XIII веке и границы между латышами и соседними народами в конце XIX в. Данные о XIII в. получены главным образом из древних хроник (Генриха Латыша, ливонских и рифмованной) и других документов того времени. В тексте книги и на картах приводится обширный топонимический материал. Обычно указывается, в каких письменных источниках топоним упоминается, и дается его этимология. Целый ряд глав книги посвящен отражению границ территорий, населенных разными народами, и особенностей диалектов XIX в. Материалы о языке, диалектах и топонимах для этой части своего труда автор собрал сам, посетив многие округа Латвии, а также разослав список вопросов пасторам, учителям, слушателям учительских семинарий с просьбой сообщить местные названия своего округа. На основе изучения этимологии топонимов составлена карта Курземе, на которой показан удельный вес местных названий ливского происхождения по территории приходов. Самым большим он оказался в Дундагском и Вентспилском приходах. В конце книги помещен алфавитный указатель топонимов, а также список использованных в них лексем, в котором они сгруппированы по языковому происхождению /3/.

Анализируя труд А.Биленштейна, нельзя не сказать о его недостатках. Этимология части топонимов определена неправильно. Так, в Курземе ряд топонимов, как позднее было доказано (проф. Я.Эндзелин), латышского и куршского происхождения, например, Валгале, Ренда, Кандава, Вента – А.Биленштейн считал ливскими. У собранных им топонимов не обозначена интонация. И тем не менее вклад Аугуста Биленштейна в развитие топонимики Латвии заслуживает внимания. Он первым начал создавать собрание топонимов Латвии, о котором Я.Эндзелин сказал: "По предложению А.Биленштейна, внесенному им в 1892 г., собрано большое количество топонимов Курземе и Видземе. Недостаток в том, что их произношение там повсюду не обозначено так, как полагалось бы. Это собрание А.Биленштейна осталось в рукописи" /6, IX/. Материалы из этого собрания впоследствии были использованы в сборниках топонимов Я.Эндзелина и Ю.Плакиса. Большая часть собрания А.Биленштейна погибла, ничтожная его часть (топонимы 10 волостей Видземе) находится в секторе рукописей и редких книг Отделения им. Мисиня Фундаментальной библиотеки Академии наук Латвийской ССР /3, 100/.

На строго научную основу поставил работу по сбору и изучению топонимов в Латвии Янис Эндзелин, выдающийся латышский языковед.

Я.Эндзелин (1873–1961) родился в Каугурской волости Валмиерского уезда. После окончания Рижской городской классической гимназии в 1893 г. он поступил в Тартуский университет, где до 1900 г. окончил два отделения: классической филологии и славянской филологии. После окончания учебы Я.Эндзелин был оставлен при университете для подготовки к профессуре. В 1903 г. он был избран приват-доцентом, а в 1905 г. после защиты диссертации ему была присвоена степень магистра сравнительного языкознания. Я.Эндзелин читал курс морфологии латышского языка, а в 1904/1905 учебном году – курс сравнительной грамматики балтских языков, позже – и греческой диалектологии. Научное исследование балтских языков Я.Эндзелин начал в Тартуском университете, где проработал до 1908 г. /1, 1154–1155/.

50 лет – почти всю свою трудовую жизнь – проф. Я. Эндзелин наряду с решением других проблем языкознания занимался

сбором и изучением топонимов Латвии.

Уже в 1911 г. в 299 номере газеты "Dziņtenes Vēstnesis" ("Вестник Родины") Я.Эндзелин опубликовал обращение к студентам и школьникам – призыв собирать топонимы, подчеркивая при этом, что они весьма необходимы для исследований языка и истории. Но на это почти никто не откликнулся.

В 1920 г., вернувшись в Латвию, проф. Я.Эндзелин начал работу в секции топонимов Терминологической комиссии, где предполагалось собрать и издать топонимы Латвии – прежде всего видземские, начиная с Валмиерского уезда. Присылать местные названия приглашались школьники, студенты, учителя, а также волостные правления. Я.Эндзелин проводил также публичные собрания, на которых расспрашивал о топонимах. Однако особых результатов это не дало. Тогда с ведома армейского топографического отдела он расспрашивал по одному солдату, призванному из каждой волости. Для уточнения сведений использовались также списки местных названий Статистического управления /4, 100-101/. Так создавался первый научный сборник топонимов Латвии – "Топонимы Латвии", первая часть Эндзелина (1922). В нем топонимы Видземы – главным образом названия имений, хуторов, волостей, сел – расположены в алфавитном порядке по уездам и волостям того времени.

При опросах топонимы записывались на диалекте, а в сборнике напечатаны по нормам письменного языка с обозначением интонаций, использованы также местные названия из собрания топонимов А.Биленштейна.

Намечалось издать также вторую часть сборника – топонимы Курземе (а также Земгале) и Латгале. Однако в Риге оказалось трудно найти людей, знающих местные названия. Поэтому для сбора топонимов пришлось выезжать в разные города и даже волости /7, 3/. Вторая часть "Топонимов Латвии" составлена по тем же принципам, что и первая, и была издана в 1925 г. И в ней было мало названий незаселенных мест.

В процессе работы над обеими частями первого сборника топонимов у проф. Я.Эндзелина возник замысел издать список топонимов всей Латвии в алфавитном порядке. Новый сборник топонимов предполагалось создать в двух частях: в трех томах первой части опубликовать список топонимов, а во второй дать

обзор об использованных в топонимах суффиксах и о том, какие имена существительные нарицательные использованы как топонимы /6, III, XI/.

Первый том первой части сборника Я.Эндзелина "Топонимы Латвийской ССР" - от А до Ј - вышел в 1956 г. и получил высокую оценку. Проф. Я.Эндзелин за этот труд был удостоен Государственной премии Латвийской ССР. В этом сборнике топонимы (в формах письменного языка с обозначениями интонаций) расположены по единому алфавиту, в гнездовой системе по основаниям слов. Рядом даны пометки о местонахождении объектов и указания на источник, откуда взят топоним. В конце гнезд даны возможные этимологические пояснения. Большая часть топонимов нового сборника взята из первой и второй частей сборника "Топонимов Латвии" Я.Эндзелина, первой и второй частей сборника "Топонимы Латвии и латышские прозвания" Ю.Плакиса, а также из некоторых других изданий и архивных материалов. В сборник включены также топонимы, собранные в экспедициях Института языка и литературы АН Латвийской ССР /6, X/.

Свой труд "Топонимы Латвийской ССР" проф. Я.Эндзелин написал до буквы "R" включительно /4, 186/. Второй том первой части сборника - от Ј до O - вышел в 1961 г. В настоящее время Институт языка и литературы АН Латвийской ССР готовит к изданию третий том первой части сборника.

Первому сборнику "Топонимы Латвии" Я.Эндзелина присущ в большей мере обобщающий характер, в то время как первый и второй тома первой части "Топонимов Латвийской ССР" являются универсальным сборником топонимов, по которым можно проследить за распространенностью топонимов одной основы или лексемы на территории Латвии. Включенные в сборник топонимы Латвии сравниваются с местными названиями соседних стран, главным образом Литвы, в конце гнезда топонима дана возможная этимология слова.

Неоценима заслуга проф. Я.Эндзелина в развитии топонимики. Он изучал возможное происхождение отдельных топонимов и, опираясь на исследование большого топонимического материала определенной территории, решал проблемы этногенезиса, связанные с выяснением племенных языков, лежащих в основе латышского национального языка, и этнической принадлежностью этих племен.

Подробно исследовался и решался вопрос о племени куршей, которым проф. Я.Эндзелин начал заниматься еще в 1911 г. Основываясь главным образом на топонимическом материале и исторических данных, он доказал, что курши являются балтским племенем, которое пользовалось переходным говором между литовским и латышским языками и с течением времени на юге приняло литовскую, а на севере латышскую национальность. До этого почти все авторы (в том числе и А.Биленштейн) полагали, что курши являются финским племенем. По топонимам и данным говоров Я.Эндзелин выявил главные особенности языка куршей, которые, с одной стороны, объединяют его с литовским языком, а с другой, — с латышским.

Проблему этногенезиса на топонимических материалах проф. Я.Эндзелин решал и в других направлениях, например, для выяснения вопросов о племенах селов и земгалов.

Я.Эндзелин затронул также вопросы расселения латышского племени в местах, населенных другими племенами, о чем свидетельствуют названия хуторов "Латвиеси" в Лауциене, Берзе и "Латвес циемс" в Дундаге /4, 184/.

У Я.Эндзелина много статей, посвященных этимологии отдельных топонимов, например, он объясняет происхождение названий Пилтене, Вента, Цесвайне, Цесис и др. Более обширными работами по этимологии топонимов определенных территорий являются опубликованная в 1934 г. статья о наименованиях вод Латвии и в 1935 г. — о топонимах Талсинского округа. Говоря об этимологии топонимов, Я.Эндзелин всегда подчеркивал, что необходимо учитывать не только написание топонимов, которое может быть ошибочным особенно в древних письменных источниках, но и его произношение.

Вклад проф. Я.Эндзелина в сбор и исследование топонимов Латвии является поистине неоценимым. Его научное наследие изучается и используется в современной исследовательской работе.

1. Abens, K. Piezīmes par latviešu valodas un literatūras pasniegšanu Valsts Tartu universitātē. - Karogs, 1952, Nr. 10, 1146-1155. lpp.
2. Bīlenšteins Augusts. - Latviešu konversācijas vārdnīca. R., 1928.-1929., 2, 2392-2393 lpp.
3. Bielenstein, A. Die Grenzen des lettischen Volksstammes und der lettischen Sprache in der Gegenwart und im 13. Jahrhundert (mit einem Atlas von 7 Blättern). Petersburg, 1892.
4. Dambe, V. Vietvārdu vākšana un pētīšana Latvijas PSR. - LPSR ZA Valodas un literatūras institūta raksti.R., 1954, 3, 175-187 lpp.
5. Endzelīns, Janis. - Latviešu konversācijas vārdnīca.R., 1929. - 1930., 4, 7489.-7492. lpp.
6. Endzelīns, J. Latvijas PSR vietvārdi. R., 1956, I daļa, 1. sēj., 425 lpp.
7. Endzelīns, J. Latvijas vietu vārdi. Kurzemes un Latgales vārdi. R., 1925, 2, 190 lpp.
8. Endzelīns, J. Par mūsu vietu vārdu vākšanu. - Darbu izlase. R., 1979, III sēj., 1. daļa, 99-102 lpp.
9. Endzelīns, J. Piezīmes par "Latvijas vietu vārdiem". - Darbu izlase. R., 1979, III. sēj., 1. daļa, 430-434 lpp.
10. Endzelīns, J. Savāksim Latvijas vietu vārdus! - Darbu izlase. R., 1979, III sēj. 1. daļa, 83 lpp.
11. Endzelīns, J. Talsu novada vietvārdi. - Darbu izlase.R., 1980, III. sēj. 2. daļa, 254-259 lpp.
12. Grisle, R. Endzelīns Jānis. - Latvijas PSR Mazā enciklopēdija. R., 1967, 1, 475-476 lpp.
13. Hilners, G. Mācītājs Augusts Bīlenšteins, latviešu valodas pētītājs. R., 1907, 20 lpp.
14. Šaurums, G. Tērbatas universitāte 1632.-1932. R., 1932, 62., 65-69, 94-97, 171 lpp.

ЛАТЫШСКИЕ ПРОФЕССОРА - ВОСПИТАННИКИ
ТАРТУСКОГО (ДЕНИТСКОГО, ЮРЬЕВСКОГО) УНИВЕРСИТЕТА

А.А. Вихсна (Рига)

В исторической литературе опубликован довольно богатый материал о роли Тартуского университета в развитии науки и культуры в Латвии. Вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции Тартуский университет выполнял функции основного центра культуры, просвещения и науки не только для современной Эстонии, но и для Латвии. Тартуский университет глубоко и продолжительно влиял на становление и развитие научных исследований в Латвии, на разные стороны ее культуры и интеллектуального уровня /1/.

В данном сообщении сделана первая попытка обобщения сведений о латышских профессорах-воспитанниках Тартуского университета, ибо во всех предыдущих публикациях достаточно полные и систематические сведения отсутствуют. Для этой цели использована биографическая литература и архивные документы ЦИГА Эст. ССР и ЦИГА Латв. ССР.

Единственным до сих пор известным латышом, который в Тартуском университете учился в XVII веке, является Я. Рейтер (около 1632-около 1697). В университет он поступил в 1650 г. и изучал теологию, потом получил известность как первый латышский литератор и врач.

С 1802 г. по февраль 1918 г. по неполным данным в Тартуском университете обучалось 1334 латыша (см. таблицу I), из них большинство - 478 человек на медицинском факультете. После 1918 г. в Тартуском университете обучалось свыше 150 латышей.

В Тартуском ветеринарном институте, который был основан в 1848 г., до 1918 г. обучалось примерно 200 латышей. Так как в 1919 г. институт слился с университетом в качестве ветеринарного факультета последнего, в данном сообщении в число профессоров включены также воспитанники ветеринарного института.

На частных университетских курсах М.Ростовцева и А.Ясинского, основанных в 1908 г., которые впоследствии слились с

университетом, обучалось примерно 20 латышских женщин.

Таблица I
Количество латышских студентов, поступивших в
Тартуский университет с 1802 г. по февраль
1918 г. /2/

Годы	Количество	Годы	Количество
1802 - 10	3	1861 - 70	55
1811 - 20	6	1871 - 80	107
1821 - 30	8	1881 - 90	240
1831 - 40	4	1891 - 900	230
1841 - 50	12	1901 - 10	253
1851 - 60	45	1911 - 18	371
		Всего	1334

За конкурсные работы студентов золотыми и серебрянными медалями награждены 38 латышских студентов университета и 13 воспитанников ветеринарного института.

В Тартуском университете и Тартуском ветеринарном институте в период с 1802 по 1918 г. докторские и магистерские диссертации защитили 73 латышских ученых (см. таблицу 2). Первыми среди них были врачи Э. Мюллер (1809-1858), который в 1833 г. защитил диссертацию "О перепончатой ангине, астме Миллара и судорожном кашле", и И. Одынь (1823-1886) - в 1849 г. он защитил диссертацию "О судорогах беременных женщин, роже-ниц и родильниц".

Тартуский центр высшего образования дал всего 61 латышского профессора, которые распределялись следующим образом: университет - 52, ветеринарный институт - 8, частные университетские курсы М. Ростовцева - 1. По специальностям: медицина - 23, ветеринария - 8, филология - 8, теология - 6, фармация и химия - 5, народное хозяйство и экономика - 3, философия - 2 и по одному астроному, зоологу, историку, минералогу, педагогу и юристу.

Первый латыш с высшим образованием Я. Рейтер в 1667 г. стал профессором юриспруденции Вильнюсского университета.

Таблица 2.

Количество защищенных латышскими учеными докторских и магистерских диссертаций в Тартуском университете и Тартуском ветеринарном институте с 1802 по 1918 г.

/3, 4, 5, 6/

Специальность	1802 - 50	1851 - 60	1861 - 70	1871 - 80	1881 - 90	1891 - 900	1901 - 10	1911 - 18	Всего
Медицина	2	5	5	6	II	II	2	2	44
Фармация	-	-	-	-	3	3	6	-	12
Ветеринария	-	2	I	4	2	I	I	-	II
Филология	-	-	-	-	-	I	2	-	3
Минералогия	-	I	-	-	-	-	-	-	I
Математика	-	-	-	-	I	-	-	-	I
Философия	-	-	-	-	I	-	-	-	I
Всего	2	8	6	10	18	16	11	2	73

В период с 1802 по 1918 г. профессорами Тартуского университета стали семь латышей. Первые четыре из них были сильно онемеченными: химик и фармацевт Д.И.Гриндель (1776-1836), минералог К.Гревингк (1819-1887), зоолог Г.Флор (1829-1893) и фармаколог О.Шмидеберг (1838-1921). Д.И.Гриндель в 1810 - 1812 гг. был ректором университета. Интересно отметить, что он сначала был профессором и лишь потом студентом Тартуского университета.

К этим профессорам в конце XIX и начале XX века присоединились филолог Е.Лаутенбах (1847-1928), философ Е.Осис (Я. Озе, 1860-1926) и искусствовед Э.Фелсберг (1866-1928).

В других центрах высшего образования работали следующие латышские профессора, обучавшиеся в Тарту: филологи Я.Эндзелин (1873-1961), К.Трес (1849-1886) и К.Рамат (1867-1922) - соответственно в Харьковском, Варшавском и Киевском университетах, фармаколог О.Шмидеберг - в Страсбурге, историк Ф.Балодис (1882-1947) - в Саратове и Москве, экономист К.Балодис (1864-1931) - в Берлине, хирург Я.Дзирне (1861 - ?) - в Москве, офтальмолог Я.Руберт (1874-1934) - в Киеве, биохимик и фармацевт Э.Заринь (1876-1947) - в Петрограде и микробиолог

Я. Лусис (1871-1922) - в Баку. В литературе иногда указывается, что воспитанником Тартуского университета был латышский зоолог К. Берг (1843-1902), который работал в Буэнос-Айресе. Однако в Тартуском университете он не учился.

Среди профессоров Тартуского ветеринарного института были четыре латыша Э. Земмер (1843-1906), А. Земмер (1846-1914), Л. Кундзинь (1855-1940) и Э. Паукул (1872-1941). Л. Кундзинь в 1905-1914 гг. был директором ветеринарного института.

Одновременно следует отметить ряд известных латышских ученых, которые не занимались педагогической работой в вузах и, следовательно, звания профессора не имели. Среди них были воспитанники Тарту: филолог К. Мюленбах (1853-1916) в Риге, математик К. Петерсон (1828-1881) в Москве, астроном Б. Ваннах (1867-1928) в Пулкове, Страсбурге и Потсдаме, микробиологи открыватели маллеина К. Хелманис (Х. Гельман, 1848-1892) в Петербурге и О. Калнын (1856-1891) в Тарту, фармацевт и микробиолог К. Кресльнь (1860-1929) в Петербурге и др.

После основания университета в Риге в 1919 г. большинство латышских ученых вернулось в Латвию, однако некоторые из них продолжали работу в научных центрах за пределами Латвии. Среди них были воспитанники Тартуского университета: хирург Р. Ваннах (1862-1931) в Тарту, терапевт А. Герке (1892-1979) в Воронеже и Москве, микробиолог и эпидемиолог А. Озол (1891 - 1978) в Воронеже и Казани, гинеколог Х. Томсон (1862-1933) в Одессе и физиолог и гигиенист Э. Шурпе (1891-1975) в Москве и Ташкенте.

В 1862 г. был основан Рижский политехникум, с 1896 г. - Рижский политехнический институт. Среди профессоров этого института было 15 воспитанников Тартуского университета. Латышское происхождение из них имел один - К. А. Ливентал (1844-1900), в 1886-1891 гг. директор политехнического института. Он был сыном известного латышского писателя А. Ливентала (1803-1878).

В 1919 г. на базе Рижского политехнического института Советским правительством Латвии был создан университет, в первый преподавательский состав которого входили воспитанники Тартуского университета К. Каспарсон (1865-1962) и Ф. Розиньш (1870-1919), а также воспитанник Тартуского ветеринарного

института А.Кирхенштейн (1872-1963).

В дальнейшем профессорами Латвийского университета работали 54 воспитанника Тартуского центра высшего образования (среди них 40 латышей). Наряду с воспитанниками Рижского политехнического института они составляли основное ядро первоначального профессорско-преподавательского состава Латвийского университета. Воспитанниками Тартуского университета было большинство профессоров филолого-философского и медицинского факультетов, а также все профессора фармацевтического отделения химического факультета. В свою очередь весь первый профессорско-преподавательский состав ветеринарного факультета Латвийского университета набирался из воспитанников Тартуского ветеринарного института. Ряд бывших тартусцев работали на других факультетах. Ректорами Латвийского университета были следующие воспитанники Тартуского университета: Э. Фелсберг в 1920-1923 гг., Я.Я.Руберт в 1923-1925 гг. и терапевт М.Зиле (1863-1945) в 1927-1929 гг.

На филолого-философском факультете работали профессоры Ф.Балодис, Л.Берзинь (1870-1965), А.Дауге (1868-1937), Я.Каульнь (1863-1940), П.Кикаука (1886-1967), Е.Лаутенбах, Э.Фелсберг, Я.Эндзелин и П.Дрович (род. в 1891), на химическом факультете - Э.Заринь, Я.Купцис (1871-1936), Я.Майзите (1883 - 1950) и Э.Свирловский (1874-1949), на ветеринарном факультете - Р.Грапманис (1884-1949), Л.Кундзинь и П.Озолинь (род. в 1895), на народно-хозяйственном факультете - К.Балодис, на сельскохозяйственном факультете - микробиолог А.Кирхенштейн, на физико-математическом факультете - астроном Ф. Блумбах (1864-1949).

Больше всего их было на медицинском факультете, где работали профессора: хирурги Е.Алкснис (1870-1957), А.Биезинь (1897-1975), Я.Дзирне и Я.Шульц (1885-1979), терапевты М.Зиле и Я.Микельсон (1888-1952), офтальмологи Я.Руберт и Э.Янсон (1880-1946), гинеколог Э.Путньнь (1867-1962), невропатолог Э.Калньнь (1869-1949), психиатр Х.Будул (1882-1954), патолог Э.Паукул и анатом Е.Приманис (1892-1971). К ним следует причислить двух латышских профессоров, которые в Тарту не учились, однако, хирург Я.Янковский (1876-1925) там защитил докторскую диссертацию, а дерматовенеролог П.Сникер (1875 -

1944) был приват-доцентом Тартуского университета. После восстановления Советской власти в Латвии в 1940 г. на медицинском факультете стала работать судебный медик Е. Яковлева (1892-1955), первая латышская женщина - профессор медицины, которая до того работала в Томске, а после Великой Отечественной войны - хирург А. Лепукалн (1892-1966), прибывший из Москвы.

В 1939 г. была создана Латвийская сельскохозяйственная академия, профессорами которой были Р. Грапманис, А. Кирхенштейн и П. Озолинь, а в 1950 г. - Рижский медицинский институт, в котором работали профессора А. Биезинь, А. Кирхенштейн, А. Лепукалн, Я. Микельсон и Е. Яковлева.

В 1946 г. была создана АН Латв. ССР, в первый состав которой были избраны следующие воспитанники Тарту: действительными членами А. Кирхенштейн и Я. Эндзелин, членом-корреспондентом - Я. Микельсон. Ф. Блумбах стал первым (и пока единственным) почетным членом АН Латв. ССР. До того членом-корреспондентом Петербургской АН был избран Д. И. Гриндель, членом-корреспондентом АН СССР - Я. Эндзелин. О. Шмидеберг и Я. Эндзелин были избраны в состав ряда зарубежных академий.

Заслуженными деятелями науки Латв. ССР стали А. Биезинь, Ф. Блумбах, А. Кирхенштейн, А. Лепукалн и Я. Эндзелин, Заслуженным деятелем науки РСФСР - А. Герке, Заслуженными врачами Латв. ССР - Я. Микельсон и Э. Путнынь. Героем Социалистического Труда стал А. Кирхенштейн.

Ленинской премии удостоен Я. Эндзелин, Государственной премии Латв. ССР - А. Биезинь и Я. Эндзелин.

1. Страдынь Я. П. Тартуский университет и Латвия. - В кн.: Роль Тартуского университета в развитии отечественной науки и в подготовке научно-педагогических кадров. Тарту, 1977, с. 5-9.
2. Šaurums, G. Tērbatas universitāte. 1632-1932. Rīga, 1932, 143-207 lpp.
3. Диссертации, защищенные на медицинском факультете Тартуского университета. 1892-1917. /Библиографический указатель. Тарту, 1965. 57 с.

4. Ойссар Э. Диссертации, защищенные в Тартуском университете. 1802-1918. Библиографический указатель. Тарту, 1973. 180 с.
5. Grünfeld, A. Verzeichniss der von der medicinischen Facultät zu Dorpat seit ihrer Gründung veröffentlichten Schriften. - In: Historische Studien aus dem Pharmacologischen Institute der kaiserlichen Universität Dorpat, Bd. 3. Halle a.S., 1893, S. 1-135, 415-449.
6. Harpich, K. Die Tierärztliche Hochschule zu Dorpat. Dorpat, 1918, S. 21-24.

АТИС КРОНВАЛД В ТАРТУ

Х.Муони (Тарту)

В Тарту учились многие выдающиеся общественные и культурные деятели Латвии, среди них и известный деятель младолатышского движения, педагог, языковед и обновитель латышского языка Атис Кронвалд.

А.Кронвалд родился 15 апреля 1837 г. недалеко от Лиепая в семье крестьянина. В 1850-1853 гг. он учился в волостном училище, затем некоторое время в частной школе и, наконец, в Лиепаяском уездном училище. В 1858 г. Кронвалд ушел из Лиепаяского училища (которое позже стало гимназией) и стал работать домашним учителем в семье доктора Пфефера в Литве. Вместе с сыновьями Пфефера Кронвалд в 1859 г. попадает в Берлин, где поступает на медицинский факультет. Наряду с лекциями по медицине А.Кронвалд слушает лекции лучших лекторов по философии и языкознанию. Учеба в Берлине продолжалась лишь полгода, и Кронвалд, после годичного перерыва, вновь стал работать домашним учителем в Дурбе.

В 1863 и 1864-е годы Кронвалд активно выступает за консолидацию учителей региона. Чувствуя недостаток в педагогических знаниях, а также по совету учителя Дурбеской элементарной школы Шефера он поступает на педагогические курсы при Тартуском университете.

В 1867 году А.Кронвалд окончил педагогические курсы в Тарту и сдал экзамен на учителя в области исторических наук. 13 августа он поступил на работу в базовую школу учительской семинарии, а 21 ноября - преподавателем семинарии.

Летом 1873 года А.Кронвалд покидает Тарту и поступает на работу в Вецпиебагле руководителем старших классов уездного училища.

А.Кронвалд умер 16 февраля 1875 г. В 1893 году в Вецпиебагле ему был сооружен памятник /I/ - /5/.

Начиная с 1865 года А.Кронвалд жил и работал в Тарту, вначале слушателем на педагогических курсах при Тартуском университете. Во время обучения на курсах А.Кронвалд получал стипендию. Часть средств для выплачивания стипендии нуждающимся слушателям была получена из сумм, освободившихся после закрытия в 1855 году педагогико-философской семинарии университета, другая же часть - из сумм, предназначенных для содержания студентов педагогических институтов, действующих при других университетах, но оставшихся неиспользованными.

Учеба на курсах, как правило, длилась два года. Обязательным для слушателей всех отделений (их должно было быть восемь) было изучение педагогики и дидактики /7/. Счастливым совпадением можно считать то, что на педагогических курсах учителем и научным руководителем А.Кронвалда был профессор педагогики и философии Людвиг Гейнрих Штрюмпель (1812-1899) /3/, /9/. Л.Г.Штрюмпель работал в Тарту в период с 1845 г. по 1871 г. Он активно работал в области практической педагогики - над проблемами школьного дела в Прибалтийских губерниях. Много сил и времени он тратил на организацию различных типов школ, а также на реорганизацию старых гимназий и народных школ, вместе с учителями разработал новые учебные планы /10/, читал публичные лекции для учителей и родителей, всячески содействовал комплектованию школ высококвалифицированными учителями /4, 42/, а также снабжению их учебными пособиями. Будучи сам человеком очень активным, он и других призывал к активной деятельности. Г.Блумберг, который слушал лекции Штрюмпеля по педагогике, констатировал, что именно Штрюмпель подтолкнул его к составлению и изданию учебника краеведения /II/.

Научную работу на педагогических курсах А. Кронвалд по педагогике написал на тему краеведения. Им была проделана большая работа и, по мнению Л.Г. Штрюмпеля, эта работа - "Der Unterricht in der Heimathskunde" заслуживала, чтобы с нею ознакомились более широкие круги читателей, и она была опубликована /12/. В 1929 году Бебру Юрис перевел эту работу на латышский язык /3/.

Во вступительной части своей работы А.Кронвалд обосновал значение рассматриваемой темы. Он показал, что в школы неизбежно будут введены новые учебные предметы. Чтобы учить школьников географии, они должны получить необходимые предварительные знания в области краеведения. По мнению автора, краеведение представляет собой высшую ступень требуемой в школе наглядности, является средством для достижений высших целей обучения.

Работа состояла из четырех глав. В первой главе рассматривались понятие и задачи краеведения; во второй - объем курса краеведения, в третьей - методика преподавания данного предмета и в четвертой - особое место краеведения в наших школах. При написании своей работы А.Кронвалд использовал большое количество (более 25 названий) как педагогической, так и методической литературы.

А.Кронвалд стремился рассматривать все проблемы в сравнении и взаимосвязи. В конце каждой главы он делает выводы и дает свои рекомендации. Например, на стр. 29 /12/ относительно объема курса краеведения А.Кронвалд, между прочим, пишет: "Объем курса краеведения зависит от типа школы и целей обучения, от предварительных знаний учащихся, уровня их развития и умственных способностей". В четвертой главе своей работы А.Кронвалд ставит в пример школы и учителей, которые на свой страх и риск стали обучать учащихся краеведению. Таковыми были подготовительная школа Тартуской гимназии под руководством Г.Блюмберга* и первая Тартуская городская элементарная школа под руководством Бауэра, а в Курляндии - Дурбенская элементарная школа под руководством учителя Шефера. А. Крон-

* Г.Блюмберг (1834-1892) в 1869 г. составил на немецком языке "Heimathskunde" /13/, который до 1905 г. выдержал 5 изданий, а его эстонский вариант до 1907 года - 7 изданий /14/.

валд мечтал о таком времени, когда курс краеведения во всех элементарных школах занял бы надлежащее ему место среди других учебных предметов.

А.Кронвалд в 1867 году окончил педагогические курсы и, поскольку он получал стипендию, то за каждый год, в течение которых он получал стипендию, должен был отработать три года в школах Тартуского учебного округа. Он стал работать учителем в Тартуской семинарии учителей элементарных школ, вначале в ее базовой школе. Будучи преподавателем семинарии, он вдохновлял своих воспитанников на приобретение новых знаний, своим примером оказывал благотворное влияние и на своих коллег-преподавателей.

Начиная с октября 1844 года в Тарту стали проводиться педагогические вечера /15/. Из отчетов можно заключить, что они проводились, по возможности, каждый месяц, иногда реже. На этих вечерах заслушивались доклады на темы народного образования и другие темы. Активными докладчиками (а также участниками) этих вечеров были также Блюмберг, Риймшнейдер, Оэттель, Бруттан и др.

Как явствует из крайне отрывочных протокольных заметок, в тех педагогических вечерах, на которых обсуждались более общие и частные вопросы воспитания и образования, А.Кронвалд участвовал не особо активно. Возможно ему, фанатически преданному своему призванию учителя, претил подчеркнуто немецкий дух этих собраний. Однако эти вечера давали А. Кронвалду возможность встречаться с эстонскими учителями, как, например, Г.Блюмбергом, а также, вероятно, с Якобом Хуртом (1839-1906), который уже в то время был одним из руководящих деятелей эстонского национального движения.

Хурт и Кронвалд выступали на тартуских педагогических вечерах, оба выбирали темами своих выступлений вопросы, связанные с культурой своего народа. Так, например, в ноябре 1869 г. Я.Хурт говорил о положении в сельских (народных) школах и его улучшении через сельские уездные училища, в ноябре 1870 он делал доклад о введении эстонского языка как учебного предмета в школы более высокой ступени. В июне 1870 г. А. Кронвалд выступил с докладом о латышской народной песне и о ее значении в самосознании латышского народа.

Оба они, как Я.Хурт, так и А.Кронвалд были в то время выдающимися представителями национальной культуры и борцами за равноправие родного языка. В сохранившихся их высказываниях наблюдается заметное духовное родство, а местами и схожая аргументация. Вопрос об их взаимном влиянии и о том, чье влияние было более сильным, пока остается открытым /16/.

С глубоким уважением Кронвалд говорил о латышских народных песнях, превозносил их красоту, богатство содержания, их воспитательное значение. Он ратовал за достойную оценку народных песен, требовал их изучения в школах, призывал учителей и студентов собирать фольклор /17, 61/.

А.Кронвалд был одним из наиболее выдающихся ораторов своего времени. Он собрал вокруг себя латышских студентов, учившихся в Тарту, и призывал их к активной деятельности.

В студенческие годы в Тарту латыши познакомились с жизнью эстонцев, устанавливали дружеские связи с деятелями эстонской культуры. Эти связи взаимно обогащали обе стороны. Личные контакты с эстонцами поддерживал и А.Кронвалд.

В 1872 году внимание общественности своим пылким полемическим характером привлекла написанная А.Кронвалдом на немецком языке брошюра "Nationale Bestrebungen" ("Национальные стремления" /19/. В брошюре высказывался гневный протест против низкой клеветы прибалтийских немцев на младолатышей. Автор защищал право латышского народа на самостоятельную культуру. Его брошюра нашла живой отклик среди эстонского образованного общества. Даже такой требовательный и строгий критик, как К.Р.Якобсон пришел в восторг от указанного произведения Кронвалда. Советуя своим друзьям ознакомиться с этой брошюрой, он говорит о А.Кронвалде как национальном герое: "Этого человека теперь я уважаю всем сердцем, так как тот не сдает своей крепости врагу, пока сам не погибнет под ее развалинами" /18/.

Борьба А.Кронвалда за обогащение латышского языка и латышской культуры в целом были проникнуты пламенной восторженностью, непоколебимой убежденностью в светлое будущее латышского народа. Эту веру он стремился вдохнуть в свой народ. Кронвалд призывал глубоко изучать природу родной страны, ее историю, народные обычаи, а самое главное - язык народа.

В статьях о латышской культуре Кронвалд выступает против писателей, которые не освободились от рабского духа смирения. Он настойчиво требовал, чтобы писатель был воспитателем народа. Большое значение имела борьба Кронвалда за совершенствование латышского языка.

До середины XIX века латышский литературный язык развивался главным образом в устном народном поэтическом творчестве (в народных песнях, пословицах, поговорках, загадках). Письменный язык, созданный немецкими пасторами, был засорен германизмами и имел расхождения с народным языком.

Младолатыши начали борьбу за равноправие латышского языка среди других языков, они не считали больше письменность пасторов и старолатышей образцом литературного языка и обращались к разговорной речи и фольклору, особенно к народным песням, где находили основу латышского литературного языка.

Новые общественно-политические условия выдвинули новые юридические и общественно-политические термины. Активность в торговле, мореходстве, сельском хозяйстве, сценическом искусстве и других областях жизни порождали потребность в новых словах.

Первые деятели на ниве обогащения и развития языка во главе с Ю.Алунаном (1832-1864) - первым латышским национальным поэтом - ввели в латышский язык новые слова. Кронвалд успешно продолжал начатую Ю.Алунаном работу по обогащению латышского языка: создал много новых слов, ввел в употребление старые диалектные слова, очищая латышский язык от германизмов.

Интерес представляет и переписка А.Кронвалда, особенно его обращение к школьному советнику рыцарства Гулеке, которое он написал на латышском языке. Гулеке на это заявил, что если латыш с университетским образованием пишет немцу на латышском языке, то он или человек ограниченный, или фанатик /3/.

Особо большую роль Кронвалд сыграл в школьной жизни Латвии. Он написал ряд учебников (например, совместно с писателем Р.Каудзите (1839-1920) - учебник истории, публиковал статьи по актуальным вопросам школьного просвещения, вел большую общественную работу среди латышских учителей. По его по-

чину и под его непосредственным руководством были созданы со-
вещания латышских учителей в Турайде (1869) и в Риге (1873 и
1874).

Правда, многие общественно-политические требования Крон-
валда были исторически ограниченными. Все же он внес значи-
тельный вклад в борьбу с феодализмом: способствовал пробуж-
дению масс от феодального сна, боролся с любым проявлением
гнета прибалтийских немцев, требовал уважать права народа
/17, 62/.

1. Eesti entsüklopeedia, 4. kd. Trt., 1934, veerg 1201.
2. Eesti nõukogude entsüklopeedia, 4. kd. Tln., 1972.
3. Latviešu konversācijas vārdnīca X. Rīga 1933-1934, 18508-
18510.
4. Lange, H. Das Erste Dorpatsche Lehrer-Seminar mit seinen
Schülern und Lehrern von seiner Gründung 1828 bis zu
seiner Schliessung 1889. Dorpat, 1890, S. 188-189.
5. Tartu õpetajate seminar 1828-1928. Tartus, 1929, lk. 42.
6. Петухов Е.В. Императорский Юрьевский, бывший Дерптский,
университет за сто лет его существования, т. I. Юрьев,
1902, с. 484-485.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание вто-
рое, том XXXVI. Отделение первое. 1861. Санктпетербург,
1863.
8. Muoni, H. Tartu Ülikooli filosoofia ja pedagoogika profes-
sor Ludwig Heinrich Strümpell. - Rmt. Tartu ülikooli
ajaloo küsimusi X. Tartu, 1981, lk. 115-126.
9. Konks, A., Muoni, H. Õpetajate ettevalmistamisest Tartu
Ülikoolis 19. sajandil ja 20. sajandi algusaastail. -
Rmt.: Tartu ülikooli ajaloo küsimusi X. Trt., 1981, lk.
70-88.
10. Lehrpläne für Knaben-Elementarschulen im Dorpater Lehrbe-
zirk mit den nöthigen Erläuterungen und Ergänzungen,
entworfen unter Mitberathung erfahrener Schulmänner und
herausgegeben von Professor Strümpell. Dorpat, 1869.

11. Nurk, A. Gustav Blumberg pedagoogina. - Nõukogude pedagoogika ja kool XII. Tln., 1975, lk. 143-152.
12. Der Unterricht in der Heimathskunde von Otto Kronwald. Mit einem Vorwort von Professor Strümpell. Dorpat, 1867.
13. Blumberg, G. Heimathskunde. Dorpat, 1869.
14. Blumberg, G. Juhataja Kodu- ja isamaa tundmisele. Trt., 1871.
15. Riemschneider, A. Pädagogischer Abend. 1859-1869. Рукопись. Хранится в Литературном музее им. Ф.Р.Крейцвальда АН ЭССР, в отделе рукописей.
16. Kruus, H. Eesti ajaloo XIX sajandi teisel poolel. 60-80-ndad aastad. Tln., 1957, lk. 231-233.
17. История латышской литературы. Том I (до 1917 года). Рига, 1971.
18. C.R. Jakobson - I. Adamsonile 6. V. 1872. ENSV TA Fr.R. Kreutzwaldi nimelises Kirjandusmuuseumis käsikirjade osakonnas.
19. Nationale Bestrebungen. Erläuterung zu einem Artikel der Zeitung für Stadt und Land. Von Otto Kronwald. Dorpat, 1872.

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА
ЛАТЫШСКИХ СТУДЕНТОВ ТАРТУСКОГО (ДЕРИТСКОГО,
ЮРЬЕВСКОГО) УНИВЕРСИТЕТА В КОНЦЕ XIX ВЕКА

С.Я. Тимшан, А.А. Виксна (Рига)

Особое место в формировании материалистического мировоззрения в Латвии в конце XIX века принадлежит Литературно-научному обществу латышских студентов Тартуского университета. Общество объединяло ряд представителей прогрессивной интеллигенции. Оно способствовало распространению марксизма и сыграло определенную роль в формировании демократической мысли в Латвии.

Несмотря на то, что деятельность Литературно-научного общества широко освещена в исторической литературе, до последнего времени неиспользованными оставались архивные документы общества. Публикации, затрагивающие деятельность общества, главным образом касаются изучения двух вопросов: обществен-

ного движения в Латвии в девяностых годах прошлого столетия и жизни и деятельности первого латышского революционного поэта Э. Вейденбаума (1867-1892), одного из ведущих членов Литературно-научного общества. Авторы этих исследований в основном опирались на воспоминания членов общества и их современников, а также на публикации членов общества в сборнике "Purs" и газете "Dienas Lapa". Поэтому в литературе появился ряд гипотетических догадок и легенд, которые необходимо было проверить и подтвердить на основе архивных документов.

Архив Литературно-научного общества /1/ был обнаружен С. Исаковым и в обобщенном виде опубликован им совместно с А. Вилсоном в 1968 г. /2/. Архив содержит всего 41 лист. Насыщенное содержание документов позволяет считать их основным источником при изучении деятельности общества. Следует отметить, что архив общества был известен уже в тридцатые годы /3/, однако по неизвестным нам причинам исследователями был оставлен без внимания.

В настоящем сообщении в основном использованы документы общества в сопоставлении с данными, опубликованными в литературе.

Количество латышских студентов, обучавшихся в Тартуском университете, во второй половине XIX века увеличилось. По данным Г. Шаурума /4/, в период с 1861 по 1880 г. в Тартуский университет поступило 162 латыша, в период с 1881 по 1900 г. — уже 470. Увеличилось количество студентов из материально менее обеспеченных слоев населения. Косвенное доказательство этому — учащение случаев незавершения высшего образования из-за несостоятельности внести плату за обучение.

Увеличение общего количества латышских студентов в университете пробудило в них стремление к объединению. В 1882 г. возникла корпорация "Леттония", которая объединяла латышских студентов из слоев буржуазии. Однако значительная часть латышских студентов не вступала в корпорацию. Националистические стремления, наряду с печально известными традициями, заимствованными из немецких корпораций, пустая трата времени и средств были неприемлемы для многих студентов. Поэтому во второй половине восьмидесятых годов в среде латышских студентов возникла уже определенная оппозиция корпорации "Лет-

тония". Образовался неофициальный кружок, объединивший латышских студентов из университета и Тартуского ветеринарного института. Летом 1888 г. во время 3-го всеобщего праздника песни в Риге латышские студенты из Тарту, Петербурга и Москвы обсудили вопрос о создании студенческой организации, которая не была бы корпорацией. Осенью того же года группа латышских студентов обратилась к ректору Тартуского университета и 10 ноября получила разрешение на открытие Литературно-научного общества.

Устав в целом соответствовал уставам подобных студенческих обществ, которых в университете было свыше десяти. Согласно уставу общество должно было способствовать интересам студентов к науке, литературе и музыке, а также укреплять товарищеские связи между членами общества. Один раз в неделю предусматривалось проводить собрания с научными докладами и обсуждением их. Основателями общества были студенты Я. Каульнь (1863-1940), К.Каспарсон (1865-1962), А.Скуя (1866-1939), Я.Ласманис (1865 - ?), Я.Эрманис (1862-1932), Э. Вейденбаум, А.Крумберг (1864-1897) и Р.Лиепинь (1863- ?). По уставу членами общества могли стать только студенты университета, поэтому воспитанники ветеринарного института, например, П.Дрейманис (1859-1934) среди основателей не указан. Новые члены принимались с разрешения администрации университета.

В литературе довольно часто встречается другое, неофициальное название Литературно-научного общества - "Пипкалония", по фамилии одного из членов П.Пипкалейса (1866-1913). Изучение происхождения этого названия показывает, что авторами его были члены конкурирующей организации - корпорации "Леттония". Поэтому в исторической литературе не рекомендуется пользоваться названием "Пипкалония".

Первоначальный состав членов общества был весьма неоднородным. Объединялись представители самых различных идейных направлений, чтобы в свободной дискуссии совершенствовать свои знания. Все они были противниками корпорации "Леттония", стремились к серьезным научным занятиям и простоте в повседневной жизни. Первыми председателями общества были Я.Каульнь и Я.Эрманис. Заметный наплыв новых членов отмечался в 1891 г., когда в общество наряду с другими вступили Ф.Розиньш (1870-

1919) и Е.Алкснис (1870-1957). После ухода из общества студентов теологического факультета оно стало более однородным. С 1892 г., когда председателем общества был А.Дауге (1868-1937), прогрессивные тенденции в деятельности общества взяли верх. Это наблюдалось и в дальнейшей деятельности общества, когда председателями его были К.Каспарсон и П.Калнынь (1872-1945). Второй крупный наплыв новых членов был в 1896 г., когда в общество вступили Я.Янсон-Браун (1872-1917) и Ф.Розиньш (повторно). Однако после разгрома царским самодержавием в 1897 г. Нового течения - идейного движения, способствовавшего распространению марксизма в Латвии, с которым общество было тесно связано, деятельность его стала более умеренной. В последние два года (до 1899 г.) новые члены больше не вступали, и общество объединяло лишь студентов медицинского факультета, занимавших ведущее место и до того (из всех 38 членов общества 24 были студентами-медиками). Председателями общества были еще Э.Экштейн (1872-1941), Е.Берзинь (1873-1935), Ф.Витол (1871-1906) и К.Буш (1874-1937). Количество членов общества по отдельным семестрам колебалось от восьми до четырнадцати (не учтены воспитанники ветеринарного института, которые были неофициальными членами). Хотя общество объединяло небольшое количество студентов, членами его были самые прогрессивные студенты, что видно по их стремлениям как в девяностые годы, так и в последующий период.

Члены Литературно-научного общества первыми сознательно начали осваивать и распространять учение марксизма в Латвии. Э.Вейденбаум познакомился с трудами К.Маркса в 1886 г. /5/, еще до поступления в университет. Однако более широко труды К.Маркса и Ф.Энгельса латвскими студентами стали известны около 1890 г. Этому способствовали контакты членов Литературно-научного общества с революционными русскими и польскими студентами, исключенными из других вузов России. Например, А.Дауге был хорошо знаком с Р.Домбровским (1868 - ?) и Б.Кулаковским (1865 - ?). Оба они в Тартуский университет поступили в 1888 г., Б.Кулаковский до того был студентом Варшавского университета /6/. Первая известная марксистская группа в Тарту объединилась вокруг М.Лесника (1858 - ?), поступившего в университет в 1888 г. после исключения из Варшавского уни-

верситета за участие в студенческих волнениях /7/. Очевидно, некоторые члены Литературно-научного общества были связаны с упомянутой марксистской группой.

Из литературы известно, что А. Дауге, Б. Кулаковский, Я. Ласманис и Ф. Розиньш "ежедневно один час" /8/ совместно читали "Капитал" К. Маркса. Труды классиков марксизма стали не только объектом обсуждения на заседаниях общества, но и в последствии были использованы в публикациях его членов. Встречи с ведущими новотеченцами в Риге происходили, в основном, во время студенческих каникул.

Тематика докладов, прочитанных на заседаниях общества, носившая в первые годы общеобразовательный научно-популярный характер, в дальнейшем все теснее была связана с актуальными общественно-политическими, научными и философскими вопросами. Тематика этих докладов (известно всего 163 названия) очень разнообразна. К сожалению, не всегда в официальных отчетах общества, представленных администрации университета, перечислены фамилии докладчиков. Анализ затрудняет также и то, что большинство докладов не было опубликовано, поэтому трудно только по заглавию судить об их содержании.

На заседаниях общества затрагивались вопросы философии, социологии и истории, литературоведения, педагогики и правоведения, естествознания, медицины, техники и т.п. Однако среди них четко выделяется определенная тенденция - изучать и осваивать наиболее острые вопросы общественной жизни и науки. Дискуссии были связаны с новейшими открытиями, теориями и гипотезами.

В центре внимания членов Литературно-научного общества были злободневные вопросы общественной жизни, текущей политики и философии, обсуждение которых носило теоретический характер. Обсуждались такие вопросы, как материалистическая концепция в истории, монистическое мировоззрение, догматизм в естественных науках. Внимание было заострено на вопросах диалектики и основных направлениях в истории философии. Обсуждались взгляды выдающихся мыслителей прошлого и современности, например, Т. Мора, Б. Спинозы, И. В. Ф. Гегеля и др., критиковались учения А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, Ч. Ломброзо и др. Обсуждались также гипотезы Канта и Лапласа об образовании

планетной системы, законы сохранения массы и энергии и т.п.

Вопросы истории обсуждались во взаимосвязи с новейшими теоретическими открытиями в этой области. Иногда поднимались вопросы истории Латвии, но членов общества интересовала не столько хронология, сколько основные законы и концепции исторического развития.

Ряд докладов был посвящен вопросам политической экономии, в них широко использовался "Капитал" К.Маркса. Члены общества обсуждали вопросы этики, эмансипации женщин и довольно часто - социальные причины алкоголизма и борьбы с этим явлением.

Следует отметить серьезный интерес членов общества к вопросам литературоведения. Одним из самых активных среди студентов, интересовавшихся этими проблемами, был Я.Янсон-Браун, основоположник прогрессивной латышской литературной критики. На заседаниях общества обсуждались произведения передовых русских и зарубежных писателей, вопросы реализма, идеализма и натурализма в литературе. Некоторые студенты читали собственные литературные произведения (новеллы, стихотворения), однако одобрения со стороны своих товарищей не получили, поэтому в программу последующих заседаний они не были включены.

По вопросам языкознания выступали Я.Каульнь, изучавший латышские диалекты, и К.Каспарсон, которого интересовали вопросы латышской научной терминологии. Обсуждались вопросы латышской мифологии, фольклора и т.п.

Вопросы правоведения были затронуты в трех докладах Э. Вейденбаума.

Наибольшее количество докладов относится к областям естествознания и медицины, ибо основную массу членов общества составляли студенты-медики. Особенно характерно это было для последних лет деятельности Литературно-научного общества. Часть этих докладов была посвящена узкоспециальным вопросам патологии и терапии. Серьезный интерес к изучению латышской народной медицины проявлял Е.Алкнис. Многие докладчики связывали теоретические положения крупных открытий в медицине с укреплением материалистического мировоззрения в естественных науках. Например, докладывалось о происхождении органического мира, вопросах обмена веществ, психофизике, этологии, эво-

ляционной теории, дарвинизме.

Часть докладов была посвящена вопросам техники, сельского хозяйства, геологии, астрономии.

Лучшие доклады членов Литературно-научного общества в доработанном и расширенном виде были опубликованы в сборниках "Pūrs" /9/, некоторые в газете новотеченцев "Dienas Lapa". Инициаторами издания сборника "Pūrs" наряду с членами общества, были латышские студенты из других вузов России. Авторами большинства статей были студенты Тартуского университета. В 1891 г. в Риге вышел в свет первый том сборника, годом позже - второй и в 1894 г. - третий том.

Важное место в сборниках было отведено пропаганде новейших достижений в естественных науках, причем авторы большое внимание уделяли теоретической и философской разработке вопросов /10/. Впервые на латышском языке в сборниках довольно широко излагалось учение марксизма. Основной задачей сборников было ознакомление читателей с материалистическим мировоззрением.

Статьи, включенные в первый том сборника, носили пока довольно расплывчатый, идейно нечеткий характер. Более зрелой была публикация Э.Вейденбаума, посвященная историческому развитию и философскому обоснованию законов наказания.

Идейно более выдержанным был второй том сборника, в котором шире развернулась пропаганда некоторых вопросов марксизма. В статье А.Дауге "Закон истории" были использованы труды К.Маркса и Ф.Энгельса, буквально приводя ряд цитат из них (не называя авторов). В статье "Психофизика" А.Крумберг пытался дать материалистическое разъяснение психологии. Материалистические взгляды пропагандировались также в статьях Е.Алксниса, Э.Вейденбаума и Ф.Розиньша.

Ведущей публикацией третьего тома была статья К. Каспарсона "Диалектика", в которой широко использовался "Анти-Дюринг" Ф.Энгельса. В "Очерках механики" против идеалистических концепций выступал Э.Вейденбаум. Половина статей сборника была опубликована анонимно.

В дальнейшем вместо сборника вышли четыре брошюры, посвященные научно-популярным вопросам.

Впоследствии некоторые члены Литературно-научного обще-

ства стали участниками революционного движения в Латвии, некоторые из них стали лидерами новотеченцев и после разгрома этого движения в 1897 г. были арестованы. Один из них, врач А.Крумберг, погиб в тюрьме, являясь первой жертвой царского самодержавия в революционном движении Латвии. Среди наиболее выдающихся членов Литературно-научного общества были первый латышский революционный поэт Э.Вейденбаум и один из основателей КП Латвии Ф.Розинш. Одним из основателей КП Латвии был также Я.Янсон-Браун, редактор газеты "Циня" и известный литературный критик. Неофициальный член общества ветеринарный врач А.Хертелис (1871-1908) за участие в революционном движении по приговору военного суда был расстрелян. Писателем стал член общества Ю.Палевич (1873-1900), прогрессивным журналистом - Я.Ковалевский (1873-1921). Э.Экштейн стал основателем Лиепайского театра. Профессорами Латвийского университета стали хирург Е.Алкснис, педагог А.Дауге, невропатолог Э.Калдньш (1869-1949) и филолог Я.Каульньш.

Литературно-научное общество латышских студентов было источником прогрессивных идей и для ряда эстонских деятелей культуры и науки. На заседаниях общества в качестве гостей присутствовали писатель Э.Вильде (1865-1933), филолог И.-В.Вески (1873-1968) и математик Я.Сарв (1877-1954) /II/.

Литературно-научное общество было закрыто по распоряжению администрации Тартуского университета от 21 мая 1899 г. из-за участия его членов в студенческих волнениях, проходивших весной 1899 г. во многих вузах России. Ошибочной является опубликованная в литературе гипотеза, что общество закрыто в связи с участием его членов в Новом течении. Из последних восьми членов общества с Новым течением, возможно, был связан только Э.Бушевиц (1871-1919), впоследствии врач и революционер. В некоторых публикациях указано, что деятельность общества продолжалась до 1903 или 1904 г. Очевидно, это был неофициальный кружок студентов, ибо до указанного времени учебу в университете завершили последние из членов общества.

1. ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 7, д. 242, л. I-4I.
 2. Isakovs, S., Vilsons, A. "Pīpkalonijas" arhivs. - Karogs, 1968, Nr. 6, 151.-160. lpp.
 3. Šaurums, G. Tērbatas universitāte. 1632-1932. - Rīga, 1932, 115.-116. lpp.
 4. Ibid, 147.-178. lpp.
 5. Vilsons, A. Eduarda Veidenbauma dzīve un darbs. - Gram.: Veidenbaums E. Kopoti raksti, 1. sēj. - Rīga, 1961, 38. lpp.
 6. Album academicum der kaiserlichen Universität Dorpat. - Dorpat, 1889, S. 874, 876.
 7. Пуллат Р., Тарвел Э. История города Тарту. Таллин, 1980, с. 71.
 8. Egle, R. Eduards Veidenbaums dzīvē un darbos. - Gram.: Eduarda Veidenbauma raksti. - Cēsis-Rīga, 1926, 118. lpp.
 9. Pūrs, darināts un pielocīts ar populāri ziniskiem apcerējumiem, 1. sēj. - Rīga, 1891. - 185 lpp.; 2. sēj. - Rīga, 1892. - 240 lpp.; 3. sēj. - Rīga, 1894. - 186 lpp.
 10. Jaizāns, P. Jaunstrāvnieku filozofiskie uzskati. Rīga, 1966, 41. lpp.
- II. Исаков С.Г. Сквозь годы и расстояния. Таллин, 1969, с. 220-224.

**ВКЛАД ВОСПИТАННИКОВ ТАРТУСКОГО (ДЕРПТСКОГО, ЮРЬЕВСКОГО)
УНИВЕРСИТЕТА В РАЗВИТИЕ РИЖСКОГО ПОЛИТЕХНИКУМА, РИЖ-
СКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА И ЛАТВИЙСКОГО УНИ-
ВЕРСИТЕТА**

И.Я. Гросвадд (Рига)

Большую роль Дерптский (Тартуский) университет сыграл в подготовке научно-педагогических кадров Рижского политехникума (1862-1896) и Рижского политехнического института (1896-1918). Среди питомцев Дерптского университета значительную группу составили профессора и преподаватели, работающие за-

тем в Риге /1-8/. По данным книги "Album academicum", /1/ здесь с 1862 по 1912 гг. свою педагогическую и научную деятельность развернули около 45 выпускников университета: по юридическим вопросам - 10, математике - 8, истории, истории искусства и географии - 7, физике - 5, сельскому хозяйству - 5, естествознанию, ботанике - 4, зоологии - 4, химии - 3, экономике - 3 и другим отраслям науки - 5. Директорами РП и РПИ работали профессор Г.Кизерицкий (1875-1885), К.Ливентал (1886-1891), Т.Грэнберг (1891-1902) и В.Книрим (1906-1916), заместителем директора К.Ливентал (1884-1886) и Т. Грэнберг (1887-1891). Необходимо отметить, что во время руководства профессором Т.Грэнбергом Рижский политехникум с немецким языком обучения был реорганизован и стал государственным учебным заведением - Рижским политехническим институтом с русским языком обучения. Деканами сельскохозяйственного отделения РП и РПИ были К.Хен (1870-1873), Е.Сиверс (1874-1879), Г.Томс (1886-1902), В.Книрим (1903-1906), а коммерческого отделения - К.Ливентал (1877-1886, 1888-1900) и Т. Грэнберг (1886-1888), инженерного отделения - Г.Кизерицкий (1873-1875) /1/.

Если Теодор Грэнберг (1845-1910, профессор физики с 1875 по 1902) был занят в основном педагогической и административной деятельностью /1/, то Герман Пфлаум (1862-1912, профессор физики РПИ с 1906 по 1912) занимался наукой. Он исследовал акустические явления и электрический разряд в вакууме, совместно с С.Х.Раутенфельдом (1850-1896) сразу после открытия В.К.Рентгеном х-лучей первым в России проделал опыты с этими лучами /8-9/. Серьезные исследования в области растворов проводил выпускник Дерптского университета Эдуард Штакелберг, который одно время работал доцентом физики РПИ (1898-1899) /8/.

Известный математик Пирс Боль (1865-1921), профессор РПИ (1901-1918), ДУ (1919-1921), учившийся на физико-математическом факультете Дерптского университета и защитивший там диссертации магистра (1894) и доктора прикладной математики (1900), заложил основу теории квазипериодических функций /8, 10/.

Еще надо отметить Густава Кизерицкого (1830-1895), про-

фессора математики РП (1864-1895), Карла Купфера (1872-1935), магистра ботаники Дерптского университета (1905) и адъюнкт-профессора геометрии РПИ (с 1905) /1/.

Большую известность, благодаря своей научной и педагогической деятельности, получил будущий лауреат Нобелевской премии Вильгельм Оствальд (1853-1932). После студенческих (1872-1875) и ассистентских лет (1875-1881) в Дерптском университете он стал профессором РП (1881-1887). Работая в Риге, В. Оствальд сформулировал основные законы катализа щелочей и кислот, позже развернул исследования в области катализа и в 1909 году получил Нобелевскую премию. Совместно с В.Оствальдом в лаборатории РП полученные результаты дали возможность С.Аррениусу в конечном виде сформулировать основные тезисы электролитической диссоциации (1887). В.Оствальд написал известный учебник "Lehrbuch der allgemeinen Chemie" (I ч. - 1883, II ч. - 1887), где систематизировал весь материал физической химии того времени. Из Риги он первоначально (1887) руководил своим замечательным журналом "Zeitschrift für physikalische Chemie", издание которого в феврале 1887 года в Лейпциге можно считать началом современной физической химии /8, II-13/.

Свой след в науке оставил Генрих Трей (1851-1916) адъюнкт-профессор (1896-1905) и профессор химии РПИ (1903-1914), который изучал вращательную оптическую способность глюкозы и лактозы, дополнил данные по их биротации и мультротации и результаты обобщил в своих магистерской и докторской диссертациях /8, 14/.

Сельскохозяйственное отделение РП организовал Карл Хен (1821-1875), профессор РП (1868-1973) и экстраординарный профессор Дерптского университета (1873-1875). Он и Егор Сиверс (1823-1879), профессор сельскохозяйственного отделения (1874-1879), были инициаторами устройства образцовой фермы РП в государственном имении Петергоф близ Олайн, которой в дальнейшем руководил Вольдемар Книрим (1849-1935) /1/, профессор агрономического отделения. Георгий Томс (1843-1902), профессор агрохимии РПИ (1872-1902), впервые стал систематически определять содержание фосфора в почвах Лифляндии и Курляндии /8, 15/.

В РП и РПИ работали многие выпускники Дерптского университета, которые преподавали гражданское право. Среди них следует отметить Иоганна Голландера (1853-1920), преподавателя РП (1880-1890) и профессора Галльского университета (с 1903) и Августа Миасковского (1838-1899), преподавателя РП (1868-1873), профессора Базельского (1874 - 1877), Бреславльского (1881-1889), Венского (1889-1891) и Лейпцигского (1891-1899) университетов. А.Миасковский был членом международного статистического управления /1/.

Кроме того, в РП и РПИ свою деятельность развернули некоторые выпускники Дерптского университета - преподаватели истории (П.Берг, А.Бютнер, И.Гиргенсон, Р.Гросс), географии (Б.Голландер), литературы и языков (К.Глазенапп, Г.Трейман, Э.Шренк) /1/.

Из воспитанников Дерптского ветеринарного института (ДВИ), работавших затем в РПИ, надо отметить преподавателей ветеринарии РПИ Карла Кангро (1897-1918) и Павела Мейя (1879-1880, 1882-1897) /1/.

Некоторые преподаватели РПИ, выпускники Дерптского университета, успешно продолжили свою деятельность в Латвийском университете (ЛУ), например, Пирс Воль (1919-1921), профессор математики; Альфред Медер (1873-1944), профессор математики; Рудольф Мейер (1880-1966), профессор геофизики и метеорологии; Бенедикт Фрезе (1866-1942), профессор права; Фридрих Хензел (1876 - ?), доцент статистики /1, 16/.

Велики заслуги воспитанников Дерптского университета и в развитии Латвийского университета (1919-1940) /16-19/. Здесь с 1919 по 1929 годы работали 64 преподавателя и профессора, в том числе на медицинском факультете 30, на филологическом - 10, на физико-математическом - 10, на народно-хозяйственном - 4, на химическом - 3 и на остальных факультетах - 10 человек. Некоторые из них занимали важные административные посты в ЛУ, например, ректорами работали профессора Эрнест Фелсберг (1920-1922), Янис Рубертс (1923-1925) /16/.

С городом Тарту связаны студенческие и преподавательские годы (1900-1910) выдающегося языковеда, члена-корреспондента АН СССР (1929) и академика АН Латвийской ССР (1946) Яна Эндзелина (1873-1961), который работал профессором Харьковского

(1911-1920) и Латвийского (1920-1940) и Латвийского государственного университета (1940-1950), исследовал балтийские языки и балтославянские языковые связи. Я. Эндзелин является автором словаря латышского языка (совместно с К. Миленбахом), грамматики латышского языка (1951, Ленинская премия 1958 года) и других капитальных работ /16-20/.

Свою научную и педагогическую деятельность в Дерптском университете начали также профессора филологии Эрнест Фелсберг (1866-1928) и Екабс Лаутенбах (1849-1928), своей *Alma mater* может назвать университет профессор философии Александр Дауге (1869-1937), который в работах начального периода рассматривал диалектический и исторический материализм /16-17/.

Из историков можно назвать профессоров Леонида Арбузова (1882-1951) и Франциса Балодиса (1882-1947), а из математиков - Фридриха Трея (1887-1965) /16-17/.

В Дерптском университете образование получили многие будущие профессора и преподаватели медицинского факультета ЛУ /16, 17/.

Екаб Алкснис (1870-1957) после окончания университета в 1896 г. развернул свою деятельность в Петербургской Военно-медицинской академии и в ЛУ, где его исследования были посвящены главным образом вопросам хирургии и народной медицины. Роман Адельхейм (1881-1938), который после Дерптского университета работал во многих научных учреждениях, в том числе в Берлинском институте инфекционных болезней Роберта Коха и Петербургском институте экспериментальной медицины, в ЛУ читал лекции по патологической анатомии и бактериологии. Мартиньш Зиле (1863-1945) в Новороссийском университете (1905 - 1921) исследовал процессы кровообращения и бронхиальную астму, а в ЛУ - функциональную разнообразность соединительных тканей. Большое практическое значение имели исследования профессора Яна Руберта (1874-1934) в этиологии фиктеноулозовой болезни глаза и влияния адреналина на внутреннее давление глаза /16-19/. Следует вспомнить и других выпускников Дерптского университета: заведующего кафедрой гигиены ЛУ Эрнеста Ферманиса (1872-1945), заведующего кафедрой гинекологии ЛУ Эрнеста Путнийша (1867-1962), заведующего кафедрой психиатрии Херманиса Будулиса (1882-1954), заведующего кафедрой гос-

питальной терапии, члена-корреспондента АН Латв. ССР (1946) Яна Микельсона (1888-1952) и др. /16, 17/.

Здесь учился (1881-1887) также известный экономист, профессор Берлинского университета (1905-1919) и ЛУ (1919-1931) Карлис Балодис (1864-1931), книгу которого о будущем государстве - "Der Zukunftstaat" высоко оценил В.И. Ленин. В этой книге К. Балодис используя статистику, показывает, что в Германии возможно создать социалистическое государство /21/.

Из юристов можно назвать профессора Василия Синайского (1876-1948), который руководил кафедрой гражданского права ЛУ /16, 17/.

Дерптский университет окончили известные профессора фармации ЛУ Янис Купчис (1871-1936), Эдуард Свирловский (1874-1949) и Ян Майзите (1883-1950) /16-18/.

Большую роль в подготовке кадров для ЛУ, особенно для ветеринарного факультета, играл также Дерптский (Юрьевский) ветеринарный институт (ДВИ), который окончили II будущих преподавателей и один профессор ЛУ /16-17/.

воспитанник ДВИ, профессор микробиологии ЛУ и ЛГУ, академик АН Латв. ССР, председатель Президиума Верховного Совета Латвийской ССР (1940-1952) Август Кирхенштейн (1872-1963) является одним из организаторов Латвийского университета и Латвийской сельскохозяйственной академии (1939). Его основные труды написаны в области микробиологии и витаминологии /22/.

Людвиг Кундзиньш (1855-1940) был профессором анатомии (с 1893) и директором ДВИ. После этого он стал профессором анатомии ЛУ. Эрнст Паукулис (1872-1942), который был профессором общей патологии ДВИ (с 1916), после объединения ЛУ с ДВУ стал профессором общей патологии и фармакологии Тартуского университета (1919). В ЛУ он работал деканом медицинского факультета ЛУ (1920-1922) и заведующим кафедрой общей патологии.

Из выпускников ДВИ надо отметить еще Я. Лусис (1871-1922), К. Кангро (1862-1935) и др.

В заключение следует сказать, что Дерптскому университету принадлежит значительная роль в создании и развитии РПИ и ЛУ. В большой мере были переняты и научно-учебные традиции университета.

1. Album Academicum Rижского политехнического института 1862-1912. Rīga, 1912. 815 с.
2. Rīgas Politehnikums 1862-1919. Album Academicum (1912-1919). Rīga, 1938. 369. lpp.
2. Šaurums, G. Tērbatas universitāte 1632-1932. Rīga, 1932. 214 lpp.
4. Stradiņš, J. Tartu (Tērbatas) universitāte un tās ietekme Latvijā. - Latvijas PSR ZA Vēstis, 1977, № 12, 139.-142. lpp.
5. Grosvalds, I. Baltijas un Krievijas zinātnieku sakari. - Latv. PSR ZA Vēstis 1975, № 2, 31.-41. lpp.
6. Мартинсон К.А., Мартинсон Х.Р. Рижский политехнический институт и Эстония (1862-1917).
7. Центральный государственный архив истории Латвийской ССР. Фонд 7175. Опись I (Больш. П. дело 87, Грэнберг Т. дело 134, Хен К. дело 144, Кизерицкий Г. дело 174, Ливентал А. дело 190, Оствальд В. дело 212, Пфлаум Г. дело 215, Томс Г. дело 271 и др.).
8. Poggendorf, J.S. Biographisch-Literarisches Handwörterbuch. Band IV. Leipzig, Verlag v. Johann Ambrosius Barth, 1904. (Pflaum, Hermann S. 1153; Stackelberg, Eduard S. 1427; Bchl, Piers S.148; Trey, Heinrich S.1524; Thom, George S.1494; Ostwald, Wilhelm S.1101-1103.)
9. Страдынь Я.П. Развитие научных исследований по физике в Латвии до 1940 г. - Известия Академии наук Латвийской ССР, 1980, № 12, с. 67-79.
10. Мышкис А.Д., Рабинович И.М. Математик Пирс Боль из Риги. Рига, 1965. 100 с.
- II. Ostwald, W. Lebenslinien. Eine Selbstbiographie Bd. I-III. Berlin 1926-1927.
12. Walden, P. Wilhelm Ostwald. Leipzig, 1904.
13. Страдынь Я.П. Химия в Рижском политехническом институте (1862-1918). - Уч. зап. /Латвийский гос. ун-т, химический факультет, т. VI, 1968, с. 307-325.
14. Гельман З.Е., Шанин А.Н. Роль прибалтийских ученых в развитии химии углеводов (XIX - начало XX века). - В кн.: Из истории естествознания и техники Прибалтики, том 6, -Рига: Зинатне, 1980, с. 63-78.

15. Thoms, G. Die landwirtschaflich-chemische Versuchs- und Samen-Controll-Station an Polytechnicum zu Riga. Bd. 1-10. Riga, 1875-1901.
16. Latvijas Universitāte 1919-1929. Rīga, LU, 1929, 615 lpp.
17. Latvijas universitāte divdesmit gados 1919-1938. 1.-2.d. Rīga, LU, 1939. 920, 648. lpp.
18. Центральный Государственный архив истории Латвийской ССР, фонд 7427, опись 13 (Адельхейм Р. д. 24, Алкснис Е. д. 44, Балодис К. д. 127, Дауге А. д. 355, Ондзелинс Я. д. 447, Фелсберг Э. д. 475, Кирхенштейн А. д. 800, Купцис Я. д. 925, Майзите Я. д. 1082, Медер А. д. IIII, Михелсон Я. д. II53, Свирловскис Э. д. I667 и др.).
19. Zinātne tēvzemei divdesmit gados, 1918-1938. L. Adamovi-ca redakcijā. Rīga, 1938. 412 lpp.
20. Akadēmikis Jānis Endzelīns. Bibliogrāfija. Riga, 1958. 108 lpp.
21. Apcerējumi par sabiedriskās un filozofiskās domas attīstību Latvijā (1900-1920). Rīga, Zinātne, 1977, 319 lpp.
22. Augusta Kirhensteina dzīve un darbs. Rakstu krājums. Rīga, 1957.

ГРУЗИНСКОЕ ЗЕМЛЯЧЕСТВО В ТАРТУСКОМ (ЮРЬЕВСКОМ) УНИВЕРСИТЕТЕ

Р.Д. Сурманидзе (Батуми)

О деятельности грузинских землячеств первые сведения дают Ир.Тамишвили и Т.Деканосидзе, изучавшие их функционирование в Московском университете. Наряду с этим авторы опубликовали ряд интересных сведений о грузинском землячестве в Юрве. Однако эти данные носят отрывочный характер и не дают полного представления об этой студенческой организации /1/.

Более подробно и конкретно деятельность грузинского землячества в Тарту изучил С.Исаков. Автору удалось раскрыть ряд неизвестных фактов, касающихся существования в Тарту студенческих групп и организаций, а также обнаружить интересные материалы для изучения истории эстонско-грузинских взаимоотношений /2/.

Отдельные справки о деятельности землячества в Тарту имеются в трудах и других авторов, однако в литературе, опубликованной до сего времени, мы не смогли найти точную дату об организации и основании Грузинского землячества в Тартуском университете.

До первой русской революции оно существовало нелегально, поэтому сведения не сохранились. Мы согласны с предположением С.Г.Исакова, что грузинское землячество стало функционировать лишь в конце 1890-х годов /3/.

До этого времени землячество не могло существовать, т.к. в 1892 году здесь учился лишь один студент-грузин З.Г.Абдушелишвили, а в 1897 году количество студентов достигло уже 10 человек. В 1898 году в Тартуском университете и ветеринарном институте училось 30 студентов-грузин.

В своей ранее опубликованной работе мы считали, что первым грузином, окончившим в 1836 году Тартуский университет, был Захарий Михайлович Зубалашвили /4/. Позже, после изучения других, более достоверных источников выяснилось, что З.М. Зубалашвили медицинский факультет окончил в Лейпциге, а в Дрьеве только сдавал экзамены, чтобы получить право работать врачом в России /5/.

По мнению С.Исакова, Зураб Георгиевич Абдушелишвили был первым студентом-грузином, учившимся в Тартуском университете, куда он был переведен в 1892 г. из Московского университета, в связи с запрещением проживать в Москве /6/.

Тот же автор пишет, что в 1891 году в Тартуский университет поступил А.Н.Шатилов. Если это так, то "первым" следует считать именно А.Н.Шатилова. Но, по нашему мнению, он был в Тарту в 1893 году, о чем мы писали в 1970 году.

Не можем согласиться также с Ир.Татишвили и Т.Деканосидзе, которые считают, что А.Н.Шатилов закончил медицинский факультет Московского университета /7/. Правда, он с 1887 по 1889 г. учился в Москве, но после освобождения из Бутырской тюрьмы в 1893 году его зачислили в Тартуский университет на медицинский факультет, который окончил в 1897 году /8/.

Надо полагать, что грузинское землячество в Тартуском университете было основано до 14 февраля 1898 г., т.е. до того времени, когда состоялся первый грузинский вечер в Тар-

ту в зале Бюргермуссе, общее руководство которого взял на себя известный грузинский композитор Мелитон Баланчивадзе (1862-1937), а ответственным за вечер был эстонский профессор Леонхард Мазинг, изучавший грузинский язык.

Кроме этой организации, в Тарту в разное время функционировали кружок студентов-юристов, Общество студентов-медиков, Общество русских студентов, Общество кавказских студентов, Армянское землячество, Еврейская столовая и др. /9/.

Как и другие студенческие организации, грузинское землячество имело свой устав, согласно которому в эту организацию могли быть зачислены студенты-грузины, лишь в отдельных случаях принимали также студентов других национальностей согласно постановлению общего собрания.

Основная цель создания землячества заключалась в следующем:

- в оказании материальной помощи бедным студентам;
- в организации вечеров-концертов, которые являлись единственным источником доходов землячества;
- в сближении и укреплении дружбы между студентами;
- во взаимопомощи учебными принадлежностями, руководствами и другими книгами;
- в оказании помощи студентам при болезни или при смерти родителей и близких;
- в ознакомлении широкой общественности с грузинской историей, культурой и этнографией;
- в проведении среди студентов идейно-политической подготовки и внушении революционных идеалов /10/.

По данным С.Исакова, в грузинском землячестве в Тарту за период его существования пребывало около 110 членов /11/. Автором эти данные названы "далеко не полными". Действительно, выясняется, что из списка студентов-грузин только лишь медицинского факультета и частных курсов упущено 20 человек /12/. Надо полагать, что многие из них тоже числились членами землячества. Если к этому добавить студентов других факультетов, можно сказать, что в землячестве пробывало гораздо больше членов, по неполным данным около 160 человек. Землячество в своем составе имело и почетных членов. Их было всего 14, среди которых следует назвать великих грузинских писателей и

поэтов А.Церетели, Важу Пшавела, Д.Клдиашвили, композитора К.Поцхверашвили, выдающегося педагога Я.Гогешашвили, историков И.Джавахишвили, Н.Марра, публициста А.Джорджадзе и др.

В грузинской прессе опубликованы материалы, свидетельствующие о том, что грузинское землячество не ограничивало свою помощь только студентам, оно оказывало помощь грузинскому населению при стихийных бедствиях. В 1906 году, когда в газетах была опубликована заметка о голодающих в деревнях мингрелии, Грузинское землячество из Кюрьева отправило для них 25 рублей /13/.

С 1899 года грузинские студенты в Тарту открыли свою библиотеку, в пополнении которой большую помощь им оказывали редакции грузинских газет "Иверия", "Кребули", "Цнобис фурцели", "Моамбе", "Джеджили" и другие, а также отдельные писатели и ученые, присылавшие грузинскую литературу в Тарту.

Культурно-просветительная работа студентов Тартуского университета в основном заключалась в изучении культуры и истории грузинского народа. Для этой цели землячество в 1900 году основало научный кружок, на заседаниях которого заслушивались рефераты, доклады, проводились дискуссии. Заседания устраивались не реже, чем раз в месяц. В 1913 году научный кружок был назван именем А.Джорджадзе, в честь грузинского публициста и общественного деятеля.

На грузинских вечерах в Тарту присутствовали не только эстонцы, но и немцы, русские, евреи, латыши, литовцы, армяне и другие. "Эти вечера заставляли их размышлять о судьбе грузинского народа и сравнивать его жизнь со своей" /14/.

Активное участие в организации грузинских вечеров в Тарту принимал студент естественного отделения Тартуского университета, впоследствии известный грузинский композитор К. Поцхверашвили (1880-1959). Он без материального вознаграждения руководил хором и оркестром.

В восьмом вечере грузинского землячества в 1911 году участвовал видный грузинский певец-тенор Вано Сараджишвили (1879-1924). Несмотря на то, что перед этим многие организаторы вечера были арестованы, 17 февраля зал Бюргермюссе был переполнен.

С таким же великолепным успехом был проведен девятый ве-

чер в 1912 году. Об этом писала даже чернотенная газета "Юрвский листок": "Грузинский вечер пользуется большой популярностью и, действительно, это один из блестящих и многолюдных вечеров Юрвского сезона, богатый как по содержанию, так и по составу исполнителей" /15/.

Традиционный грузинский вечер в Тарту 13 февраля 1914 года стал предметом большой популярности. Об этом писали многие газеты, в том числе Тифлисская газета "Закавказская речь": "Традиционные грузинские вечера пользуются в Юрве исключительным успехом, благодаря как той торжественности и роскоши, какими обставляются эти вечера, так и чисто национальному колориту грузинских вечеров, которые для северных народов, естественно, представляются новыми и оригинальными". И вечер, устроенный 13 февраля, действительно был таковым. Комнаты, убранные в восточном духе, живые картины, изображающие одну из живописнейших сцен грузинской истории У века (смерть мученика), традиционные "сазандари", вакхический танец "Узундара", бесшабашная "лезгинка", прелестный хор, то напевавший грустную печаль народной мелодии, то очаровавший нежным, задумчивым гимном лирической поэзии, то рокотававший бурным и страстным кличем - все это удивительным образом связывалось в одну грандиозную восточную панораму, уносящую зрителя далеко-далеко на вершины родных Кавказских гор, в сторону золотых грез.

И бесконечно нежной струей переливалась грузинская рапсодия К.Г.Поцхверашвили, тихо и сладостно баюкала колыбельная песня его, раскатисто гремел победоносный гимн солнцу, а потом грузинские романсы, экзотические характерные танцы в грациозном и милом исполнении, непринужденное веселье, дружное "Мравал-жамиер" и так бесконечно...

Спасибо грузинскому землячеству за редкие минуты истинного удовольствия" /16/.

Грузинское землячество регулярно устраивало литературные вечера, на которых выступали Симон Бадурашвили (Кикина Пшавела), Акакий Папава, Дмитрий Гулисашвили, Давид Жгенти, Владимир Чирадзе и др.

Землячество устраивало такие вечера в честь известных писателей и поэтов Грузии (Николоза Бараташвили, Акакия Цере-

тели, Важа Пшавела и др.). Вечер 30 октября 1916 года был посвящен трагически погибшим членам землячества поэтам Кикиа Пшавела и Григорий Херхеулидзе, на котором выступили П.Квириквелия, Вахтанг Котетилишвили, В.Тохадзе, Г.Маргвелашвили и брат поэта М.Херхеулидзе.

Студенты Тартуского университета издавали рукописный юмористический журнал "Кого" ("Комар"), единственный экземпляр которого хранится в Государственной республиканской публичной библиотеке им. К.Маркса в г.Тбилиси.

В 1899 году студенты Тартуского университета устроили всеобщую забастовку, поводом для которой было избитие полицией студентов в Петербурге. В том же году в Тарту создано студенческое объединение "Союзный Совет Дерптских объединенных землячеств и организаций", в котором активно участвовали студенты-грузины. Союзный Совет работал нелегально и являлся руководителем студенческого движения. В нем видную роль играли студенты университета В.Алишбаба, Н.Мревлишвили, Н.Меликишвили, Д.Сулухия, М.Чхенкели, Г.Натишвили, Г.Махарадзе и ветеринарного института: Д.Ахметели, М.Елиашвили, А.Квитавили, В.Хелашвили, Э.Едилашвили и др.

Небезынтересно отметить, что в 1901 году Союзный Совет установил связь с Тбилиским комитетом РСДРП и распространял гектографированные воззвания этой организации "Товарищи-солдаты". Через год, после массовой сходки, жандармы арестовали руководителей студенческого движения, всего 31 человек, в том числе Д.Хундадзе, Д.Кавтарадзе, М.Коберидзе и др.

Участие в первой русской революции на себя взяла новая студенческая организация - Деделгатское собрание, в члены которого вошел Г.Хирсели.

В годы реакции грузинские студенты не прекращали революционную деятельность, за что они систематически подвергались репрессиям, обыскам и арестам. Жандармерия особо усилила репрессии в 1910-1911 годах, арестовала К.Шервашидзе, И.Мебурашвили, Х.Хирсели, Л.Кигурадзе и др., а у В.Далакашвили, А.Папава, М.Чхеидзе, И.Гегелашвили и Надежды Бахтадзе были проведены обыски /17/.

Арестованным студентам оказали помощь лейб-хирург императора, профессор Цёге фон Мантейфель и ректор университета.

Через 6 дней все студенты были освобождены.

Активными участниками революционного движения и руководителями грузинского землячества в Тарту были: П.М.Квиркелия, Ф.А.Манджавидзе, В.Имнадзе, Г.К.Хирсели, К.Нинидзе, С.П.Канделаки, К.Д.Эристави, Г.Хундадзе, С.Бадурашвили, М.В.Абрамшвили, М.Н.Жоржориани, Н.Сиамашвили, К.Т.Шервашидзе, Вал.Чигогидзе, И.В.Ахметели, Д.Л.Кигурадзе и др.

Грузинское землячество в основном объединяло социал-федералистов с неправильными идеологическими установками, а в Обществе Кавказских студентов преобладающее большинство были социал-демократы, имеющие интернационалистические позиции. Поэтому между членами этих организаций часто бывали разногласия, порой и враждебные отношения /18/. Несмотря на это, Грузинское землячество Тартуского университета сыграло огромную роль в революционном движении, в укреплении дружбы и взаимопонимания между грузинским и другими народами России.

После окончания первой мировой войны Грузинское землячество в Тарту прекратило свое существование, культурные и литературные связи Эстонии с Грузией полностью были прерваны.

В начале 1920 года в Таллине функционировало Объединение грузинских граждан в Эстонии, в котором объединились грузинские эмигранты и грузины, которые после гражданской войны не смогли вернуться на родину. Это объединение никаких связей с Грузией не имело, новыми членами не пополнялось, поэтому оно скоро прекратило свое существование /19/.

Культурные, литературные, научные и другие связи Эстонии с Грузией возобновились лишь после победы Советской Армии над фашизмом. В наше время эти связи достигли своего расцвета, они с каждым годом расширяются и укрепляются.

1. Тамишвили Ир., Деканосидзе Т. Московский университет и грузинская молодежь. Тбилиси, 1960, с. 184-265 (на груз. языке).
2. Исаков С. Сквозь годы и расстояния. Таллин, 1969, с. 112-165.
3. Там же, с. 116.
4. Сурманидзе Р. Медицинский факультет Тартуского универси-

тета и грузинская молодежь.—Вопросы медицины и биологии Прибалтики. Тарту, 1977, с. 124.

5. Цулукидзе А.П. Врачи-грузины XIX столетия. Тбилиси, 1948, с. 25.
6. Исаков С. Ук. соч., с. 113.
7. Тамишвили Ир. и др., Ук. соч., с. 77, 78.
8. Сурманидзе Р. Грузинские врачи-революционеры воспитанники Тартуского университета. /Материалы VIII конференции по истории науки в Прибалтике. Тарту, 1970, с. 149.
9. Эристави К.Д. Воспоминания. Тбилиси, 1973, с. 20-31 (на груз. языке).
10. Чанги, (на груз. языке), 1909, № 37, 38, 39.
11. Исаков С. Ук. соч., с. 139.
12. Там же, с. 125.
13. Тамишвили Ир. и др., Ук. соч., с. 209.
14. Исаков С. Ук. соч., с. 117.
15. Там же, с. 140, 141.
16. Закавказская речь, 1914, № 22, с. 3.
17. Сурманидзе Р. Ук. соч., с. 126.
18. Эристави К.Д. Ук. соч., с. 20-31.
19. Исаков С. Ук. соч., с. 163.

ОТЧЕТ Н.Ф. СУМЦОВА О ПРАЗДНОВАНИИ В 1902 Г.
УБИЛЕИ ТАРТУСКОГО (ДЕРПТСКОГО, ЮРЬЕВСКОГО) УНИВЕРСИТЕТА

И.А. Наумов, Ю.М. Гайдук (Харьков)

Николай Федорович Сумцов (1854-1922) — видный украинский этнограф, литературовед, историк культуры, общественный деятель в 1875 г. окончил историко-филологический факультет Харьковского университета.

После стажировки в 1876 г. в Гейдельберге (Германия), где он слушал курс истории философии у Куно Фишера, Сумцов защитил в 1878 г. в Харьковском университете диссертацию (по литературоведению) на право чтения лекций, затем в 1880 г. ма-

гистерскую диссертацию по этнографии, и, наконец, в 1885 г. - докторскую диссертацию также по этнографии. С 1888 г. до конца жизни Сумцов был ординарным профессором Харьковского университета. Он является одним из инициаторов организации при университете историко-филологического общества, бессменным председателем которого он был с 1897 г. В 1905 г. заслуги Сумцова в области науки были отмечены избранием его членом-корреспондентом Петербургской Академии наук, в 1919 г. был избран действительным членом Академии наук УССР.

Сумцов - автор более 500 научных публикаций. Основная область его исследований - украинская этнография, другая область исследований - история отечественной литературы, особенно литературы XVII-XVIII вв. Он занимался и изучением истории изобразительного искусства, особенно - итальянского (им написана большая монография о Леонардо да Винчи). Значительны и его работы по истории Харьковского университета, большой след в развитии культуры оставила прогрессивная культурно-просветительная деятельность ученого по организации публичных и школьных библиотек, народных музеев /1/, /2/, /3/.

В 1902 г. Сумцов был избран депутатом от Харьковского университета для участия в юбилейных торжествах в Тартуском университете по случаю столетия возобновления работы этого учебного заведения.

Сумцовым был представлен обстоятельный официальный "отчет" об этом событии, которое, как известно, привлекло к себе большое внимание научной общественности всей страны. Этот отчет, целиком опубликованный /4/ в "Записках" Харьковского университета, а в выдержках и в местной газете "Южный край", дополняет историческую картину взаимоотношений Тартуского университета с другими центрами отечественной науки, в частности со старейшим на Украине Харьковским университетом.

Отчет начинается с общего замечания о том, что "столетие - большой срок в жизни такого учреждения, как университет, особенно большой и важный в России при малочисленности русских университетов, при крайней потребности страны в прочных и устойчивых опорах высшего образования". Затем автор переходит к характеристике "специального большого значения" Дерптского университета, усматривая таковое в роли его как "пе-

редаточного пункта знания": "во многих лицах и явлениях Дрьев был тем мостом, по которому проходила издавна уже окрепшая в Германии университетская наука в новые ее рассадники, возникшие в прошлом столетии на необозримых равнинах восточной Европы, среди молодого, свежего и даровитого русского народа, — в университеты Харьковский, Казанский, Киевский и др.". При этом особенно подчеркивается то обстоятельство, что "с первого момента своего возникновения (точнее: "восстановления в 1902 г." — И.Н., Д.Г.) Дерптский университет служил не только местному краю, но и всей России", так что "господствующее о нем представление, как о представителе исключительно немецких интересов и симпатий, требует ограничения". Это свое заключение Сумцов подкрепляет цитатами из учредительной грамоты университета и его устава от 1803 г., где прямо сказано, что "университет этот учрежден в Российской империи для общего блага". Анализируя последующую деятельность университета, харьковский депутат констатирует, что "задача служения общему благу, действительно воодушевляла лучших представителей университета, начиная от его первого знаменитого ректора Георга Паррота... друга Сперанского и Жуковского". Ту же здоровую тенденцию Сумцов отмечает в содержании ряда актовых речей, с которыми выступали в первые годы деятельности восстановленного университета его профессора. Особенно же яркое выражение эти стремления служить общим целям государства получили в годы Отечественной войны против наполеоновского нашествия, когда Дерптский университет "мобилизовал все свои силы для облегчения участи больных и раненых русских воинов", а ряд его профессоров принял личное участие в войне. Упоминает здесь Сумцов и о патриотической речи проф. Моргенштерна над гробом Кутузова. Характерным для тогдашних чувств работавших в Дерптском университете профессоров-иностранцев Сумцов находит следующее высказывание одного из них: "Россия Освободительной войной щедро отплатила Западной Европе за воспринятое у нас Петром Великим образование".

Подытоживая (в известной степени) заслуги "старого Дерптского университета перед русской наукой вообще и перед Харьковским университетом в частности, Сумцов говорит: "Нужно отдать справедливость /этому университету — И.Н., Д.Г./: в ли-

це своих лучших представителей он немало потрудился для научного преуспевания русского народа, раскрывая широко свои двери для таких даровитых его сынов, как Пирогов и Лунин, и выпуская из своей научной среды таких хорошо подготовленных работников..., как Бэр, Струве, как ныне покойные профессора Харьковского университета В.Лапшин, Валицкий, Вагнер, Деллен и Грубе". Любопытно, что Сумцов проводит при этом параллель между первыми ректорами Дерптского и Харьковского университетов. "Оба университета, - замечает он, - счастливы тем, что своими первыми устроителями - ректорами имели людей выдающихся дарований, соединивших в себе доброе сердце со светлым умом; для Харькова таким кладом был И.С.Рижский*, рано умерший, для Дерпта - гораздо более долговечный Георг Паррот". После сравнительно подробной характеристики личности и заслуг Паррота Сумцов в качестве наиболее выдающихся "первых по времени:" дерптских профессоров называет филолога Моргенштерна, анатома Бурдаха и хирурга Мойера (учителя Пирогова). К наиболее знаменитым питомцам Дерптского университета (первого периода) он относит естествоиспытателя К.М.Бэра и астронома В.Я.Струве. Отмечая "глубокое научное влияние Дерптского университета в 20-х гг.", он связывает его с учреждением при нем Профессорского института и напоминает о прославленном воспитаннике последнего - "ученом, враче и педагоге" - Н.И. Пирогове. Попутно он называет и выдающихся харьковских профессоров: Лунина по кафедре всеобщей истории и Валицкого по греческой словесности, окончивших тот же Профессорский институт в 1832 г. со степенью доктора по философскому факультету. После этого экскурса в первую половину дерптского периода университета Сумцов констатировал, что - в разрез с первоначальной тенденцией с течением времени университет "стал обслуживать почти исключительно Остзейский край, состояя почти сплошь из местных уроженцев и удовлетворяя, главным образом, местным культурным нуждам". "Лишь в последние годы (после преобразования университета в Юрьевский - И.Н., Ю.Г.) в университете возобладал в преподавании русский язык (над немецким - И.Н., Ю.Г.) и чрезвычайно возросло число русских студентов".

* Родился в г.Риге в 1761 г., умер в Харькове в 1811 г.

Эти высказывания Сумцов иллюстрировал статистическими данными: в 1895 г. "православных" студентов числилось 51, "лютеран" - 565, в 1901 г. соответствующие цифры были 1025 и 374. Сумцова радует рост числа русских студентов в университете, но вместе с тем он сожалеет о "заметной убыли" в нем местного элемента. Тревожит его и материальное положение русского большинства студенческой массы, "весьма желательно, - заявляет он, - чтобы ему оказываемая была помощь и поддержка, например, в виде стипендий, чтобы оно могло держаться рядом со сравнительно богатой и хорошо обставленной немецкой учащейся молодежью".

Сумцов с большим сожалением отмечает ненормальные внешние условия, в которых протекала в то время деятельность университета - бедность аудиторного фонда, "архаичность" помещения научной библиотеки, недостаточность материальных ресурсов. С другой стороны, он с признанием отозвался о ряде симпатичных ему черт в жизни и традициях этого университета, в частности о глубокой привязанности его питомцев к своей Alma mater, о намечающихся там "доверительных отношениях" между профессурой и студенчеством.

Касаясь собственно юбилейных мероприятий, Сумцов с удовлетворением подчеркнул, что "с трудной юбилейной задачей университет справился удачно", имея в виду изданные к юбилею два крупных и ценных труда - I том "Истории Юрьевского, б. Дерптского, университета", написанной проф. Е.В.Петуховым, и I т. "Биографического словаря" /-деятелей университета - И.Н.Ю.Г./, составленный под редакцией Г.В.Левицкого (б. проф. Харьковского университета). О труде Петухова Сумцов отмечает, что "такой труд имеет значение не только в применении к Юрьевскому университету, но и для других русских высших учебных заведений, особенно для Харьковского университета, стоящего накануне собственного 100-летнего юбилея и только что приступившего к подготовке соответствующих изданий. По мнению Сумцова, историографические труды Петухова и Левицкого "выполнены с полнотой, объективностью, любовью к учреждению, к науке и ее деятелям без различия национальности или вероисповеданий".

Описывая ход самого празднования (11-13 декабря) 100-лет-

ней годовщины, Сумцов прежде всего критически отозвался об открывших его двух религиозных проповедях - рижского епископа Агафангела и лютеранского пастора Гана. Проповедь Агафангела, по его словам, "носила общий характер нерасположения к свободному научному мышлению", проповедь же Гана "в острожной и прикровенной форме служила местным симпатиям". Вызвали открытое осуждение со стороны харьковского депутата и разного рода отголоски националистических и антидемократических настроений со стороны богатого немецкого элемента в университетской среде.

С другой стороны, Сумцов подчеркнул такие позитивные моменты празднования, как овацию присутствующему на нем Д.И. Менделееву, выступившему в защиту свободы (от церковного надзора) научной мысли, и избрание Л.Н.Толстого почетным членом университета. Он полностью солидаризовался с обращенными к правительству требованиями представителей университета относительно укрепления его материальной основы и "улучшения всех сторон университетского быта".

Обоснованные замечания были сделаны Сумцовым в связи с приведенным им списком избранных 58 почетных членов Юрьевского университета. "При всем обилии имен и несомненной их почетной известности, - выразился Сумцов, - нельзя не признать значительных недочетов и заметных пропусков". Сумцов здесь прежде всего имел в виду "совершенное отсутствие" в списке славянских ученых, объяснив это обстоятельство недостаточной постановкой славяноведения в Юрьевском университете. "Странным" нашел он и полное отсутствие в списке представителей некоторых русских университетов - это отражало недостаток "взаимного знакомства" русских университетов (впрочем "извинительное для Юрьевского университета по недавнему его вступлению в семью русских университетов").

Лейтмотивом всего содержания отчета Сумцова служила мысль, что, хотя каждый университет имеет и должен иметь местное значение, "сводить весь университет на какую-то чуть не личную местную собственность, по меньшей мере, не отвечает широким задачам науки". Конкретизируя этот тезис, Сумцов писал: "Несомненно желательно, чтобы свет знания из Юрьевского университета шел не только до Чудского озера, но и до Великого океана".

Отчет Сумцова - ценное свидетельство активного стремления передовых университетских деятелей Харькова к усилению плодотворного сотрудничества с Юрьевским университетом^{*}.

1. Редин Е.К. Проф. Н.Ф.Сумцов. Харьков, 1906.
2. Микола Федорович Сумцов. Опис документальних матеріалів особистого фонду № 794, 1876-1921, Київ, 1965.
3. Краткая литературная энциклопедия, т. 7. - М.: Сов. энцикл., 1972 (столб. 261).
4. Сумцов Н.Ф. Столетие Юрьевского, б. Дерптского, университета./Записки имп. Харьковского университета, 1903, кн. I. Харьков, 1903, часть офиц., стр. I-23.

^{*} Добавим, что участие в юбилее Юрьевского университета способствовало и личным связям Сумцова с учеными и студенческими кругами этого университета /2/.

КОНКУРСНЫЕ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ ТАРТУСКОГО (ЮРЬЕВСКОГО)
УНИВЕРСИТЕТА В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ
И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ КАДРОВ

Р. Руутсоо (Таллин)

В двадцатые годы, когда был создан буржуазный национальный университет, основной проблемой стала нехватка национальных кадров. Из старших преподавателей (профессора и доценты) эстонцев было вначале менее одной трети. Из них только четверо (еще двое были преподавателями в Ветеринарном институте) работали в бывшем Юрьевском университете. В дореволюционном университете эстонцев-профессоров, включая онемечившегося Г.Л.Мазинга, было только двое. В то же время в университетах и научных учреждениях дореволюционной России работало двенадцать эстонцев, среди них пять профессоров: Лейст, Рамуль, Каэлас, Хольцманн и Розенталь (преподавателей эстонского происхождения было значительно больше). К сожалению, многие из них, давшие согласие переехать в Тарту, погибли во время гражданской войны (Каэлас, Розенталь).

Среди эстонцев было довольно много людей с высшим образованием - в первые годы буржуазной республики их насчитывалось свыше четырех тысяч /1/, и тем не менее академически подготовленных кадров нехватало. Объясняется это тем, что, хотя в последнее десятилетие существования царского режима относительное количество эстонских студентов (примерно 10 на 10000 населения) было то же, что и в среднем по России, число ученых-эстонцев (менее двух на сто тысяч населения) было примерно в семь-восемь раз ниже средней цифры по России (в 1914 году там насчитывалось 11,6 тысяч ученых). Современники и некоторые исследователи объясняли это явление по-разному.

Главной причиной того, что эстонцам было трудно пробиться, вполне оправданно считали корпоративный дух немецких профессоров. Даже выдающийся химик Г.Тамман, у которого отец был эстонец, жаловался на "пренебрежительное отношение немецкой профессуры к нему как к неполному немцу" /2/.

Другой причиной ничтожно малой представленности эстонцев

среди академической интеллигенции считали отсутствие способностей, недостаточность характера и таланта у эстонцев по сравнению со студентами других национальностей. Об этом писали не только немцы и иногда русские, но и сами студенты-эстонцы /3/. Чтобы стимулировать эстонских студентов более интенсивно заниматься науками, эстонскими студенческими организациями был основан специальный денежный фонд /4/.

Немаловажным фактором считалось и то обстоятельство, что студенты-эстонцы, в основном из бедных слоев, предпочитали карьеру юриста, медика, экономиста и др. Научная карьера требовала более длительного периода подготовки, сосредоточения в основном на учебе и т.д. /5/. Научная деятельность в годы учения была доступна только тем, кому не приходилось зарабатывать, чтобы вообще учиться.

Все эти обстоятельства, несомненно, сыграли свою роль и повлияли на структуру образовавшейся эстонской национальной интеллигенции. Юноши, в основном из бедной крестьянской среды, должны были обладать исключительными способностями и силой воли, чтобы компенсировать отсутствие внешних условий. Однако нельзя согласиться с довольно распространенным представлением, будто среди эстонских студентов вообще отсутствовали научные интересы. Это утверждение опровергается конкретными данными. Одним из наиболее существенных доказательств существования и стимулирования у студентов интереса и способностей к научной работе являлись проводимые ежегодно конкурсы студенческих работ на ранее заданные темы. До восьмидесятых годов прошлого века предпочитали, чтобы эти работы были написаны на латыни, — только такие работы могли быть отмечены золотой медалью. Впоследствии первостепенное значение приобрело научное содержание работ.

Многие студенческие работы позднее оформлялись как кандидатские и магистерские диссертации и служили началом научной карьеры студента. Из 115 студентов, участвовавших с 1870 по 1892 гг. в написании конкурсных работ (работы медиков не учтены), 26 (примерно одна шестая часть) часто писали на ту же или очень близкую тему магистерскую или докторскую диссертацию. В последующие годы в связи с университетской реформой интенсивность написания магистерских работ резко упала. Из

более чем 180 студентов, участвовавших в 1893-1910 годах в студенческих конкурсах, только шесть написали в Тарту магистерские или докторские диссертации.

Расчеты А.Хассельблата свидетельствуют о том, что между академическим успехом и участием в написании конкурсных работ существовала твердая корреляция. Из тех, чьи работы в период 1802-1890 гг. отмечены медалями, каждый пятый стал академиком, профессором или доцентом. Из 210 академиков и профессоров - бывших студентов Тартуского университета - каждый четвертый (51) получил медаль /6/.

До семидесятых годов прошлого века число эстонцев, которые могли поступить в университет, оставалось крайне низким. Напротив, исключительные возможности имели прибалтийские немцы. Если в Германии в тридцатые годы прошлого века на сто тысяч жителей приходилось только тридцать пять студентов, то в Прибалтике это число составило 300 /7/. В восьмидесятые годы соответствующие цифры были 50 и 500! Однако на сто тысяч эстонского населения в это же время приходилось не более 7 - 8 студентов-эстонцев. Общее число студентов-эстонцев, которые до восьмидесятых годов учились в Тартуском университете, вряд ли превышало пятьдесят человек. Учитывая, что за весь этот период, по расчетам Хассельблата, на каждую тысячу имматрикулированных в среднем приходилось 30 медалей /8/, можно просто статистически вычислить, что среди них должны были быть и эстонцы. Некоторые студенты эстонского происхождения среди них действительно имелись (например, геолог Лейст и теолог Р.Сезберг). Однако в этот период академические успехи почти все без исключения были связаны с отказом от своей национальности. Поэтому трудно говорить о позитивной роли академической научной деятельности в подготовке эстонских ученых, которые впоследствии участвовали в развитии своей национальной культуры.

Такое положение существовало вплоть до последних десятилетий прошлого столетия, когда эстонские студенты начинают все более активно писать конкурсные работы. Если сравнить их активность по десятилетиям, то получим следующую таблицу (учтены только работы, отмеченные медалями).

1881 - 1890	- I работа
1891 - 1900	- 7 работ
1901 - 1910	- II работ
1911 - 1915	- 5 работ

Чтобы осмыслить эти цифры, мы должны сравнить их с общей картиной по всему университету. Средняя интенсивность участия в конкурсах была, несмотря на довольно резкие изменения в количестве студентов, довольно стабильной:

1880 - 1890	- 78 работ
1891 - 1900	- 74 работы
1901 - 1910	- 84 работы
1911 - 1915	- 46 работ

На каждую тысячу студентов, которые учились в университете, в эти десятилетия приходилось соответственно примерно 5, 5, 3, 5, 3 конкурсных работы.

Если общее количество работ относительно уменьшилось, то участие эстонцев в их написании постоянно росло. Абсолютно точные данные о том, сколько эстонцев училось в это время в Тартуском университете, трудно установить (их количество во многом зависело от того, кого считать эстонцем). Однако предварительное исследование личных списков, знакомство с личными делами, сравнение этих данных со списками эстонских студенческих организаций, разными переписями эстонских студентов и т.д. дает нам картину постоянного роста числа студентов-эстонцев в Тартуском университете: 1880 - 40-45; 1885 - 45-50; 1890 - 55-60; 1895 - 60; 1900 - 70-80; 1905 - 150; 1910 - 300; 1915 - 400. Хотя эти расчеты находятся в некоторых случаях в противоречии с отдельными оценками современников и исследователей, они в основном хорошо коррелируют с выводами большинства историков.

Наряду с ростом численности эстонских студентов в Тартуском университете, росло их количество и в других высших учебных заведениях Российской империи, так что перед I мировой войной их число составило почти половину всех эстонских студентов /9/.

С распространением высшего образования среди эстонцев расширялись и их академические интересы. Объясняется это образованием довольно обширного слоя городской буржуазии и за-

житочного крестьянства среди эстонцев, дети которых могли посвятить себя и чистой науке. Из 39 старших преподавателей-эстонцев, работавших в начале 20-х годов в Тартуском университете, только один был из рабочих, двое - из батраков, пять - из мызных арендаторов, три - из лесников, но 6 происходили из семей предпринимателей и купцов. Три преподавателя были выходцами из семей сельских учителей и священнослужителей, пятнадцать - из семей землевладельцев, пять - из низших городских слоев (ремесленников, служащих и т.д.). Таким образом, две трети преподавателей происходили из имущих слоев, для которых занятие науками могло быть уже самоцелью.

Если в восьмидесятые годы три четверти студентов составляли медики и теологи, то в 1913 году были довольно широко представлены и юристы, и естественники. Теологи составляли уже не более 7-8 % от общего числа студентов /10/.

Вместе с тем росла активность участия в конкурсах студенческих работ. На тысячу эстонцев, обучавшихся в каждое из указанных ниже десятилетий в университете, было выдано следующее количество медалей:

1880 - 1890	- 2
1890 - 1900	- 10
1900 - 1910	- 7
1910 - 1915	- 3

Если сравнить эти данные со средней университетской цифрой, то получается, что эстонцы даже в некоторой степени активнее участвовали в написании конкурсных работ.

Следовательно, рассуждения об отсутствии у эстонцев интереса к науке нельзя признать оправданными.

По отраслям науки (факультетам) медали распределялись следующим образом: медики получили 11 медалей, юристы - 4, физики и математики - 3, историки и филологи - 5, теологи - 1, что свидетельствует о популярности отдельных факультетов.

Из восьми студентов-эстонцев, получивших медали за период 1890-1910 гг., только двое - медики Пальдрок и Кулль - остались при университете и могли рассчитывать на академическую карьеру (один из медалистов (Бауэр) сам отказался от возможности остаться в университете, чтобы подготовиться к званию профессора) /11/.

Показательным является и тот факт, что никто из эстонцев, принимавших участие в конкурсных работах, не взялся за написание магистерской работы.

Из вышесказанного можно сделать следующие выводы.

Во-первых, несмотря на то, что студенты-эстонцы даже в некоторой степени активнее студентов других национальностей принимали участие в написании конкурсных работ, их общее число было весьма небольшим, чтобы оказывать существенное влияние на подготовку национальных кадров.

Во-вторых, эстонские студенты, хотя и проявляли интерес к научной деятельности, не имели перспективы для развития своих способностей. Поэтому они и не могли достичь высших научных званий, степеней магистра или доктора.

Это являлось причиной того, что в национальном университете не хватало соответственно подготовленных кадров, а это обстоятельство значительно снижало его научный уровень.

С другой стороны, создание национального университета впервые показало, какой интеллектуальный потенциал не был использован в полной мере только в силу корпоративного духа бывшего университета.

1. Eesti Arvudes 1920-1930. Arvuline ülevaade. Tln., 1931, lk. 16.
2. Пальм У. Связи кафедры химии Тартуского университета с Петербургской академией наук в XIX столетии. - В кн.: Петербургская академия наук и Эстония. Таллин, 1978, с. 90.
3. Ernits, E. Paari "Tallinna Teatajas" ilmunud kirjutise puhul. - Üliõpilaste Leht, 1915, nr. 2, lk. 31.
4. Üliõpilaste Leht, 1916, nr. 1, lk. 25.
5. Jans, J. Meie ajaloolised väljavaated. - Tallinna Teataja, 23. mai, nr. 115.
6. Conrad, J. Das Universitätsstudium in Deutschland während der letzten fünfzig Jahre: Statistische Untersuchungen unter besonderer Berücksichtigung Preussens. Jena, 1884, S. 106.

7. Hasselblatt, A. Die Ehrelegion der 14000 Immatrikulierten. Jurjev (Dorpat), 1893, S. 53.
8. Hasselblatt, A., op. cit., S. 13.
9. Oinas, A. Pilk minevikku. - Üliõpilaste Leht, 1914, nr. 3/4, lk. 11.
10. Samas.
11. Eesti biograafiline leksikon. Tln., 1926-1929, lk. 40.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ В ТАРТУ В ПЕРИОД ЗАПРЕТА
ПУБЛИЧНОЙ ТЕАТРАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
(1812 - 1867)

Э. Кампус (Тарту)

В конце XVIII в. в Тарту давалось довольно много спектаклей немецкими передвижными труппами. Так, в 1781 году для этих целей было приспособлено даже специальное здание. Однако после возобновления работы Тартуского университета в 1802 году вместо ожидавшегося оживления театральной жизни по приказу императора Александра I в 1804 году на публичную театральную деятельность был наложен запрет, который, однако, игнорировался, поэтому в 1812 году новым указом театр был запрещен окончательно.

И без того сложная и многоступенчатая бюрократическая система, затруднявшая получение разрешения на театральные представления для гастролирующих трупп, с 1804 года еще более усложнилась. В числе противников театра был и Г.Ф.Паррот. Но оказавшись довольно скоро в конфликте с тартускими приверженцами театра, он со временем был вынужден постепенно пойти на уступки. Думается, что для него, противника крепостного права и феодализма в тяжбе с генерал-губернатором, тартуским магистратом и полицейскими властями за упрочение позиции университета и его влияния, театр служил всего лишь бедным козлом отпущения. Но решающая роль в запрете театральных представлений принадлежала попечителю Тартуского (Дерптского) учеб-

ного округа генералу Кадетского корпуса, известному писателю Фр.М.Клингеру, находившемуся в Петербурге. Его, как и министра народного просвещения, а также министра внутренних дел, совершенно не интересовало, будет ли в Тарту театр или нет, наоборот, он стремился ликвидировать театр в самом зародыше как возможный источник раздоров и неприятностей. И когда в 1812 году император окончательно высказался за запрет, то все соответствующие местные правительственные инстанции, несмотря на то, что они любили и поддерживали театр, неукоснительно выполняли этот приказ и в последующие десятилетия.

В то время, как в других университетских городах, а также в Таллине и Риге и даже в таких сравнительно небольших городах, как Пярну, Нарва, Курессааре и Выру регулярно выступали театральные труппы, официальный запрет театральной жизни в Тарту казался тартусцам невыносимым и абсурдным, что в довольно скромной и завуалированной форме неоднократно высказывалось и в тогдашней прессе.

В течение пятидесятилетнего запрета тартуские граждане и сами университетские круги неоднократно обращались с прошениями к высшим властям разрешить в Тарту театральные представления. В тартуских, рижских и ленинградских архивах хранится немало материалов о запретах и ограничениях театра со стороны высших инстанций. Подобного рода материалы легче оседают в архивах и, как показывает опыт других европейских стран, лучше сохраняются. Но сведения о положительном решении вопроса, а иногда удавалось каким-то чудом выхлопотать кое-какие мизерные уступки, встречаются гораздо реже или вообще отсутствуют в переписке служебных ведомств. Это вполне понятно, т.к. сведения о сыгранных без разрешения спектаклях не могли найти отражение в официальной документации.

В течение нескольких десятилетий все попытки Таллинского немецкого театра добиться разрешения на показ спектаклей в Тарту, как правило, кончались безуспешно. В 1825 году директору театра Луи Шверину все же удалось получить от ректора университета разрешение устроить в Тарту четыре концерта - декламационно-развлекательных вечера. На концерты был разрешен вход и студентам. С таким же результатом закончилось в 1836 году ходатайство актера Т.Геркеля. В 1854 году Карл Ни-

лиц, бывший в то время директором Немецкого театра в Таллине, тоже пытался добиться разрешения на гастроли в Тарту, но безрезультатно.

В 1857 году у Нилица появилась идея давать летом спектакли в корчме "Белая лошадь" или "Новум", как ее называли студенты, которые охотно и активно посещали это место, находившееся в то время за чертой города около Рижского шоссе. Поскольку в данном случае никакого нарушения буквы закона не было, то против этого никто ничего не имел.

Уже на следующий год Нилиц построил около корчмы специальное деревянное театральное здание - летний театр, в котором каждое лето он давал спектакли вплоть до отмены запрета в 1867 году. С мая по август в течение трех месяцев в среднем давалось 30-50 представлений. Исполнялись фарсы, комедии, драмы и оперы. Из-за летних каникул студентов и преподавателей университета среди публики было сравнительно мало, поэтому зрителей больше привлекал развлекательный репертуар, в котором доминировали произведения таких авторов, как Бирх-Пфейфер, Бенедикса, Поола (Pohl), Калиша, Кёрнера. Но в репертуаре были и пьесы Шиллера, Гёте, Лессинга, Шекспира, Клейста, Геббеля, Фрейтага, а также оперы Лортцинга, Флотова, Вебера и Доницетти. В качестве гастролеров часто выступали первоклассные исполнители из Петербургского императорского немецкого театра.

Когда в 1859 году Нилиц обратился с просьбой разрешить перенести свои спектакли в город, ему ответили отказом. Осуществить эти планы удалось только в 1867 году.

Очень трудно провести грань между тогдашними вечерами музыки, концертами, цирком и прочими развлечениями и настоящим театром, тем более, что организаторы и исполнители к этому и не стремились. Театр был в моде и высоко котировался, этим словом называли даже цирковые представления с собачками и обезьянами. Но с другой стороны, в закрытом для театра городе Тарту рекламные афиши часто иносказательно анонсировали и настоящие театральные спектакли, называя их концертами, декламаториями, театром метаморфоз и т.д.

Популярными были, особенно в период тартуских ярмарок, выступления приезжих зарубежных артистов из ряда европейских

стран, дававших пантомимные, мимические и мелодекламационные представления, показывавших так называемые "живые картинки", а также выступавших с балетными номерами, характерными и народными танцами. Многие из перечисленного, безусловно, находилось на уровне театрального искусства, настоящего театра, хотя на афишах из-за тактических соображений, чтобы как-то обойти запрет на театр, часто пользовались подчеркнуто нетеатральной терминологией.

Очень популярны в прошлом веке были и читки пьес одним актером. Вряд ли эти читки сопровождались сценическими мизансценами, но исполнитель пользовался для обрисовки отдельных персонажей тембровыми и интонационными средствами своего голоса. Подобного рода мероприятия любили не только в Тарту, но и в таком театральном городе, как Рига.

В Тарту они проводились в течение нескольких лет. Наиболее бурным успехом и популярностью в этом жанре пользовался Йоханн Рейнхольд Ленц (сценическая фамилия Кюне). Й.Р. Ленц родился в Шарну, образование в основном получил в Кенигсберге, затем служил в русской армии, а актерскую карьеру начал в Петербурге. Он был первым актером, уроженцем Прибалтики, который получил известность в Европе. Ленц служил во многих театрах Германии прежде чем был принят в Гамбургский городской театр, на сцене которого выступал 33 года, после чего уже в пожилом возрасте вернулся в Ригу к своей семье. В Тарту этот высокого роста и моложавого вида мужчина со звонким голосом и прибалтийско-немецким произношением прибыл в первый раз в 1848 году и прочел в зале общества "Ресурс" восемь пьес Шиллера, Ифганда, Клейста и Гуцкова /1/. В программу 1849 года были включены произведения Шекспира, Гёте, Шиллера и др. /2/. В 1850 году основное внимание Ленц обратил на творчество современных ему драматургов. Его выступления проходили с огромным успехом и находили живой отклик в печати /3/. Со стороны официальных властей никаких препятствий не было, так как такие читки пьес формально не считались настоящим театром.

Еще в 1848 году в том же зале "Ресурс" состоялась читка драмы Гёте "Торквато Тассо", но уже в лицах, по всей вероятности, в исполнении артистов Общества частного театра. В 1849

году, когда Ленц завершил свои выступления пьесой "Егеря" Ифланда, это же общество решило сыграть эту пьесу на сцене, причем в спектакле участвовал и сам Ленц. Успех был колоссальным, и публика требовала повтора /4/.

Поскольку в Тарту не разрешали выступать приезжим труппам, предпринимались попытки создать свой театр: то профессиональный, то любительский, то публичный, то закрытый, то для представлений с благотворительной целью. Иногда даже удавалось добиться кое-каких результатов, но более чем скромных.

Куратор Тартуского учебного совета в 1836 году обратился к министру просвещения с просьбой разрешить в Тарту и в зимние месяцы деятельность временного театра. Через министра внутренних дел прошение было направлено на рассмотрение комитету министров с участием самого императора, который в 1837 году "высочайше повелеть соизволил отклонить настоящее ходатайство" /5/. В 1848 году подобное прошение было снова отклонено.

В 1851 году тартусцы обратились к Рижскому военному губернатору, генерал-губернатору Лифляндии, Эстляндии и Курляндии генерал-адъютанту Суворову с просьбой дать разрешение Таллинскому немецкому театру выступать в зимние месяцы в Тарту. Суворов лично поддержал это ходатайство. В городе, как отмечает Суворов, для времяпровождения и развлечения отсутствуют соответствующие публичные увеселительные учреждения, даже закрылся так называемый Академический клуб. Далее говорится, что, благодаря предпринятым властями мерам и строгости университетской полиции, студенты более не совершают никаких беспорядков. Но министры все же нашли, что театральные представления могут оказать на студентов "нежелательные влияния" и поэтому благоразумнее оставить в силе запрет императора. В 1854 году очередное ходатайство тартусцев об учреждении театра опять было отклонено лично самим императором /6/.

В 1827 году между органами государственной власти велась обширная переписка в связи с ходатайством тартуских граждан, которые просили разрешение на проведение закрытых спектаклей в частных домах. Наконец, Министерство народного

просвещения пришло к выводу, что просьбу тартусцев во избежание недовольства с их стороны следует удовлетворить с тем условием, чтобы ни в коем случае ни студенты, ни гимназисты не только не принимали участия, но и не присутствовали бы в зрительном зале /7/.

Иногда все же удавалось под предлогом благотворительности добиться разрешения на постановку того или иного спектакля. Известно, например, что в 1824 году Женское вспомогательное общество в Дерпте под председательством вдовы генерал-фельдмаршала княгини Барклай де Толли обратилось с просьбой к Рижскому генерал-губернатору маркизу Паулуцци разрешить дать предстоящей зимой в пользу строительства приюта для бедных силами любителей и студентов несколько спектаклей. Генерал-губернатор такое разрешение дал, поскольку такого рода спектакли не означали организацию постоянного театра в Тарту. Но дело затянулось и даже дошло до императора и лишь после целого ряда проволочек окончилось тем, что студентам в спектакле участвовать запретили, а горожанам, наоборот, разрешили /8/.

Или, например, эпидемия холеры в 1849 году, а также последствия сильного весеннего паводка на реке Эмайыги невольно послужили на пользу Обществу частного театра: были даны спектакли с благотворительной целью "на благо пострадавших от стихийного бедствия и болезней". Ставились спектакли и по случаю празднеств в связи с годовщиной коронации императора /9/.

В ноябре 1833 года попечитель Тартуского учебного округа обратился в Министерство народного просвещения с ходатайством на проведение в Академическом клубе, основанном в 1815 году, "вечерних бесед, которые хоть при первом мгновении и взгляде и могут показаться драматическими представлениями, однако в действительности таковыми не могут быть, поскольку исполняться будут только небольшие комедии, чтобы студенты имели возможность упражняться в декламационном и ораторском искусстве. Эти комедии будут показываться только зимой и не чаще шести-семи раз. За исполнением будут строго следить профессор, следовательно, представления, связанные с узким кругом студентов, не будут отвлекать их от учебы". Куратор, всячески поддерживавший ходатайство, добавляет еще, что в ок-

рестностях Тарту много трактиров, которые дают студентам достаточно возможностей "для шумного увеселения".

Наконец, в 1834 году разрешение было получено, но с условием, чтобы для представлений выбирались бы пьесы "исключительно высоких моральных качеств", чтобы за исполнением был бы установлен строгий надзор, и в спектаклях "не смели бы участвовать лица женского пола" /10/.

Газета "Дерптише цайтунг" извещала, что в Академическом клубе состоялись следующие спектакли: 16 сентября 1834 года - четырехактная комедия Раупаха "Контрабандисты" /11/, 30 января 1835 года - одноактный водевиль Тёпфера "Берите с этого пример" и трехактная комедия Раупаха "Не нарушайте покой усопших", 21 мая 1835 года постановкой трагедии Шиллера "Коварство и любовь" было отмечено тридцатилетие со дня смерти автора, а сбор был пожертвован на памятник Шиллеру, который собирались возвести в его честь. Билеты стоили два с половиной рубля, но "разрешалось с благодарностью принимать и более крупные суммы" /12/.

28 января 1836 года была представлена комедия Тёпфера в четырех действиях "Сватовство согласно предписанию", а в мае того же года комедия того же автора "Война с дядюшкой" /13/. В мае следующего года была намечена постановка пятиактной комедии Ангели "Путешествие с общими издержками", но вследствие каких-то непредвиденных затруднений спектакль не состоялся. Что исполнялось 11 октября того же года - неизвестно /14/, а 15 марта 1838 года при поддержке Общества оркестрантов в пользу городских неимущих были сыграны одноактный водевиль Манда "Мадмуазель Бок" и двухактная комедия Альбина "Елена девятнадцатого столетия" /15/. Имеется упоминание еще об одном спектакле в Академическом клубе, относящееся к 1843 году /16/. В чем исполнении 5 марта 1839 года в зале Рейнхольда была показана трехактная комедия Альбина "Наконец-то, он поступил хорошо" /17/ тоже неизвестно. Не исключено, что спектакль был осуществлен силами все тех же студентов. В летнее время всякое участие студентов в спектаклях было официально строго запрещено даже в частных домах на закрытых вечерах. Как же удавалось обходить этот запрет?

Из воспоминаний советника двора Аугуста Вильгельма Хип-

пиуса, который в 1818-1820 гг. учился на теологическом факультете Тартуского университета, выясняется, как удавалось тартуским студентам участвовать в любительских спектаклях. Так, он рассказывает, что в 1819 году восемьдесят студентов были посажены в карцер (по восемь человек в неделю) за то, что они, несмотря на предупреждение ректора, кричали "Виват!" в честь профессора Снедда, который был уволен из университета из-за интриг правительства его родины, Нассауского Великого герцогства. Время, проведенное в карцере, превратилось в сплошной праздник. Каждый вечер в карцере собиралось много друзей наказанных. Ректор этому не препятствовал. Хиппиус свидетельствует: "Там наверху (в карцере - Э.К.) раза два даже представляли театр. Однажды с большим мастерством была разыграна пьеса Кёрнера "Ночной сторож". На спектакле присутствовали все университетские полицейские со своими женами, а также служители карцера" /18/.

Если в первые годы после основания университета студенты представляли собой единую студенческую организацию, то в период с 1819 по 1821 год возникло четыре корпорации: "Эстония", "Ливония", "Курония" и "Фратернитас ригенсис" ("Рижское братство"). Впоследствии их стало еще больше, так в 1826 году была основана корпорация русских студентов - "Рутения" и другие корпорации, развившие довольно обширную и разностороннюю деятельность, в том числе музыкальную, в рамках которой часто ставились и спектакли, чему, как это ни странно, власти не чинили никаких препятствий. В этом отношении особенно отличалась корпорация "Эстония".

Известный прибалтийско-немецкий литератор и фольклорист Георг Юлиус Шульц, учившийся в Тарту в 1826-1833 годах на медицинском факультете, вспоминает, что в 1828 году по инициативе и при участии корпорации "Эстония" состоялись театральные спектакли и большие концерты, на одном из которых он с большим успехом дирижировал первым действием оперы В.А. Моцарта "Дон Жуан" и ораторией Г.Ф. Генделя "Самсон" /19/. Г.Ю. Шульц вспоминает далее, что театральные представления давались сообща всеми корпорациями в доме университетского преподавателя музыки Ла Троба. Шульц пишет: "Наша Файкеле" была исполнена блестяще, лучше, чем в Берлине. Благодаря рижанам

и курляндцам (Шульц имеет в виду студентов из Риги и Курляндии — Э.К.), мы располагали познаниями из области еврейских диалектов. (Очевидно, по ходу действия приходилось говорить с еврейским акцентом — Э.К.) В том же доме мы читали по лицам комедии Шекспира. В комедиях и водевилях Терфе и других авторов выделялся в ролях дам член "Ливонии" Фёрбелиус, родом петербуржец, а комические роли удавались Шнее, члену корпорации "Ригенсис". Каждый год имело место театральное представление, а все драмы и стихи сочиняли мы сами своими силами... В лице Фейерейзена у корпорации "Эстония" был свой комик, который с радостью был бы принят на любую большую сцену. А Юлиус фон Миквиц, по прозвищу Фигго, оказался прирожденным импровизатором и мимом, какие нечасто встречаются даже в мировом масштабе...".

Так называемый "фукстеатр" (в нем участвовали студенты, только что вступившие в корпорацию), объединявший и студентов старших семестров, а также выпускников, был известен своими музыкальными спектаклями. Так, например, была несколько раз показана опера К.-М.Вебера "Волшебный стрелок", которая ставилась и перед более широкой аудиторией. Ставились и другие популярные в 50-60-ые годы оперы. Местом спектаклей служили известные в городе залы для концертов и других публичных выступлений, в том числе и зал Академического клуба, а также другие места за чертой города, например, уже упоминавшаяся корчма "Белая лошадь" или "Новум".

Ценные сведения о театральной деятельности студентов в 20-ые годы содержат "Воспоминания Юрия Арнольда", вышедшие в 1892 году в Москве /20/. "От времени до времени устраивались у нас также и сценические представления, которыми руководили университетский лектор немецкого языка Раупах (племянник славившегося тогда немецкого драматического писателя Эрнста Раупаха) и молодой поэт барон Александр фон Унгерн-Штернберг, впоследствии (в 30-х и 40-х годах) переселившийся в Берлин и сделавшийся одним из любимых романистов той эпохи... он же знакомил меня со статьями Лессинга о драматургии и разъяснял мне глубокое их значение, он же, наконец, указал мне на сочинения Энгеля и барона Секкендорфа об искусстве мимики и пантомимики...".

В течение двух зим исполнили мы две комедии Гете, две - Шиллера; три одноактные пьесы Теодора Кёрнера и одну комедию Мюллнера да два лучших творения Коцебу. В этих театральных представлениях участвовали также и дамы. Из них в особенности отличались талантливым, характеристически-живым исполнением девицы: Луиза фон Бёлендорф, дочь профессора, и уже упомянутая выше Леонтина Тун.

Между мужскими участниками лучшими членами нашей труппы оказались, конечно, Раупах и Унгерн-Штернберг. Но весьма хорошими, т.е. естественно-типическими, тонкими комиками являлись также два студента, оба медики: Анке (Николай Богданович Анке, впоследствии профессор Московского университета, был крестьянином моего отца) и Аккерманн (уроженец Петербурга)".

В 1833 году будущий знаменитый хирург Н.Пирогов закончил работу над докторской диссертацией и в ожидании разрешения Министерства на выезд за границу принимал участие в домашних спектаклях, проводимых в доме профессора Мойера, у которого он снимал квартиру. В комедии Фонвизина "Недоросль" в роли Митрофанушки Пирогов удостоился даже бурных аплодисментов, особенно усердно хлопала одна из его поклонниц - Воейкова /21/.

В 50-ые годы любители стали исполнять в Тарту спектакли и на русском языке. Так, расквартированные в Тарту топографы из Военного топографического корпуса на Пасху сыграли на русском языке четыре спектакля, прошедшие довольно успешно /22/. В первой половине 1859 года русские студенты поставили в так называемом Верхнем зале общества "Ресурс" две комедии Гоголя - "Женитьбу" и "Ревизора" /23/.

По сравнению со студентами, театральные достижения преподавательского состава были более чем скромны. Об одном таком профессорском домашнем спектакле говорится в газете "Дас Инланд" /24/. В связи с уходом на пенсию профессора Отто и его отъездом в Германию его друзья, очевидно, коллеги по университету, поставили и разыграли одну пьесу Л.Хольберга, предварительно осовременив и переделав ее заново в одноактную пьесу под названием "Дер эмеритус" ("Оставивший службу профессор").

Хотя в рамках данной публикации невозможно сделать обзор всего материала полностью, все же вышеприведенные факты доказывают, что театральная жизнь в Тарту в какой-то степени существовала и в 1812-1867 годы.

1. Dörptsche Zeitung, 1848, N 13, 113. II
2. Dörptsche Zeitung, 1848, N 134, 28. XII.
3. Das Inland, 1850, N 5, 30. I.
4. Das Inland, 1849, N 9, 23. II.
5. Центральный государственный исторический архив СССР, фонд 733, опись 56, дело 43, л. 37-47.
6. Там же, л. 49-55, 56-57.
7. Там же, л. 28-34.
8. Там же, л. 21-25.
9. Das Inland, 1849, N 19, 9. V; N 48, 28. XI.
10. ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 56, д. 171, л. 21-32.
11. Dörptsche Zeitung, 1834, N 73, 12. IX.
12. Dörptsche Zeitung, 1835, N 12, 28. I; N 58, 18. I.
13. Dörptsche Zeitung, 1836, N 9 (Beilage), 22. I; N 54 (Beilage), 9. V.
14. Dörptsche Zeitung, 1837, N 59 (Beilage), 19. V; N 119 (Beilage), 9. X.
15. Dörptsche Zeitung, 1838, N 30 (Beilage), 12. III.
16. Dörptsche Zeitung, 1843, N 91, 16. XI.
17. Dörptsche Zeitung, 1839, N 26 (Beilage), 1. III.
18. Nachträge zum Album Estonorum, 1896/II-98/II, Jurjev (Dorpat) 1898.
19. Ibid., 3. Heft, S. 34-38.
20. Арнольд Ю. Воспоминания, выпуск I. М., 1892, с. 118-120.
21. Dr. F. Waldemann. Pirogows Erinnerungen an Dorpat, - Baltische Monatsschrift XL (1893), S. 105.
22. Das Inland, 1858, N 14, 7. IV.
23. Das Inland, 1859, N 10, 9. III.
24. Das Inland, 1858, N 16, 21. IV.

ТИПОГРАФИЯ ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА - ПЕРВАЯ
ТИПОГРАФИЯ В ЭСТОНИИ

В. Хаамер (Тарту)

После окончания Ливонской войны Северная Эстония осталась под властью Швеции, Южная Эстония - под властью Польши. Из продолжающейся между ними борьбы победительницей вышла Швеция. В 1629 г. по Альтмаркскому мирному договору Южная Эстония также перешла под власть Швеции.

Шведское государство всячески стремилось укрепить свое господство в Прибалтике. Для распространения протестантской идеологии и укрепления своего владычества шведы начали основывать школы для подготовки служителей культа и чиновников для управления этой землей.

В 1630 г. в Тарту и в 1631 г. в Таллине основали гимназию. По предложению и просьбе генерал-губернатора Ливонии Иохана Шотте король Густав II Адольф дал согласие реорганизовать Тартускую гимназию в университет, который открыли в Тарту в 1632 г.

Подготовке к открытию университета дала толчок основанная здесь типография. Первые шаги для этого были сделаны летом 1631 г. одновременно с приглашением профессоров на работу в университет. И. Шотте заказал из Германии для типографии нужное оборудование и нанял из Штеттина двух подмастерьев.

Оборудование типографии и подмастерья прибыли в Тарту в конце 1631 г. В декабре 1631 г. вышло первое печатное произведение, представляющее собой диспутацию уроженца Выборга теолога Хейнрикуса Бойсмана, защищенную 31 декабря 1631 г. под председательством проф. Андреаса Виргиниуса.

Такая трактовка возникновения типографии Тартуского университета, основывающаяся на работе Фр. Пуксова, нашла признание, поскольку никто не возражал по этому поводу. Но все-таки некоторые авторы (В. Миллер, К. Лайгна) утверждают, что в Тарту имелаcь типография, основанная при гимназии, а после открытия университета она стала типографией университета.

Формально В. Миллер и др. правы - в 1631 г. университет еще не был открыт, и поэтому рано было говорить об универси-

тетской типографии.

На самом деле решение об открытии университета было принято к лету 1631 г. и делались приготовления для осуществления этого замысла. Это подтверждает ссылка Фр. Пуксова на документы, из которых явствует, что Й.Шютте в своем письме от 18 июня 1631 г. просил заместителя наместника Копорье Богислава Розена в Германии выслать типы печати в Тарту или в Нарву через Виргиниуса или Микрелиуса, поскольку оба были приглашены в Тарту преподавателями в учреждаемый университет.

Так как до сих пор не найдено ни одного печатного произведения, на титульном листе которого указывалась бы типография Тартуской гимназии, то приходится признать, что начавшая работу в 1631 г. в Тарту первая типография Эстонии являлась типографией Тартуского университета.

Она работала в Тарту в 1631 - 1656 и 1690 - 1699 гг. и в Пярну до 1710 г. Из Пярну оборудование типографии было перевезено в Стокгольм и позднее передано Тартускому университету.

Новое основание университетской типографии датируется 1958 годом, когда был получен работающий на принципе офсетной печати ротап rint - первый в Эстонской ССР.

1. Puksov, Fr. Tartu ja Tartu-Pärnu rootsiaegse ülikooli trükkokoda. Tartu, 1932. - 100 lk.
2. Miller, V. Esimesed eesti raamatud. Tln., 1976. - 84 lk., ill.
3. Laigna, K. 350 aastat Eesti trükisõna. Tln., 1981. - 22 lk.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

При наличии нескольких имен у лиц, внесенных в указатель, инициалы отделены черточками; в случае наличия имени и отчества инициалы приведены без черточки.

- Абдуселишвили З.Г. 167
 Абрамишвили М.В. 172
 Авенариус М.П. 105
 Агафангел 178
 Адельман Г. 106
 Адельхейм Р. 163
 Адлер А. 61
 Аккерманн Ц.-И. 195
 Александр I 46, 186
 Александр VII, папа, 60
 Алексеев В.Г. 31
 Алкснис Е. 142, 154, 156, 158, 163
 Алтма А. 32
 Алунан Ю. II0-II2, 149
 Алшибая В. 171
 Альбин - по-видимому, неточность источника; не удалось идентифицировать. 192
 Ангели Л. 192
 Андерсон В.-А.-А. (В.Н.) II6-121
 Анке Н.Б. 195
 Арнольд К.-Г. (Ю.) 194
 Арбузов Л. (мл.) 163
 Ардашев Н.Н. 84, 88
 Ардашев П.Н. 79-87
 Ардашева А.М. 85
 Аристотель П. 32
 Аритандер Н. 55
 Арениус С. 161
 Ауль Ю. 31, 32
 Афанасьев В.А. 107
 Ахметели Д. 171
 Ахметели И.В. 172

 Бадурашвили С. (Кикина Пшавела) 170-172
 Баланчивадзе М. 168
 Балодис К. 140, 142, 164,
 Балодис Ф. 140, 142, 163
 Бараташвили Н. 170

 Барберини М. см. Урбан УШ.
 Барклай де Толли Аугусте 191
 Барон К. II0, III, III3, III4
 Бартельс И.-М.-К. (М.Ф.) 101, 102, 107
 Бартлет Ф.-С. 120
 Бауэр Х.-Н. (Г.Н.) 184
 Бауэр Я. 146
 Бахтадзе Надежда 171
 Бебель А. 115
 Бебрис Ю. 146
 Беккер Х. 31
 Бёлендорф Луиза 195
 Бенедикс Р. 188
 Берг К. 141
 Берг Л. 162
 Берггольц Г. см. Беркгольц Г.
 Берендс М. 61
 Берзинь Е. 154
 Берзинь Л. 142
 Беркгольц Г. см. Беркгольц Г.
 Беркгольц (Берггольц, Беркгольц) Г. 94
 Бернулли Д. 108
 Биддер Г.-Ф.-К.-Х. (Ф.Э.) 107
 Биезбардиз К. II2, III3
 Биезинь А. 142, 143
 Биленштейн И.-Г.-А. 131-133, 136
 Био Ж.-Б. 108
 Бирх-Фрейфер Шарлотте 188
 Блессинг Э. 31
 Блик В.-Х.-И. 125
 Блумбах Ф. 142, 143
 Блумер Л. 125, 127
 Блюм К.-Л. 92, 95, 96
 Блюмберг Г. 145-147
 Бобров Е.А. 79-80, 87
 Бойсман Х. 197
 Боль П. 160, 162

Борнхаупт Т. (Борнгаупт Ф.К.)

106

Босе И.-А. 57
Боскович Р.-И. 108
Бруйнинг К.-А.-К. 94
Бруйнинг Мария (Мэри) 92,
94, 96

Бруно Дж. 42
Бруттан А. 147
Будул Х. см. Будулис Х.
Будулис (Будул) Х. 142, 163
Бунге А.-Г. (А.А.) 107

Бунге Г.-П.-А. 107
Бунге Н.Х. 108
Бурдах К.-Ф. 176

Бунш К. 154
Бушевиц Э. 158
Бэкон Р. 39
Бэкон Ф. 42
Бэр К.-Э. (К.М.) 108, 176

Бюнтинг Г. 60
Бютнер А. 162

Ваабель И. 32
Вагнер И. 176
Вади В. 31
Важа Пшавела 169, 171
Валдемар К. 110, 111
Валицкий А.О. 73, 74, 176
Вальтер А.П. 104

Ваннах Е. 141
Ваннах Р. 141
Варвинский И.В. 75
Васильев А.А. 87
Васко де Гама 41
Вебер К.-М. 188, 194
Вейгель Э. 57
Вейденбаум Э. 114, 154, 156-
158

Вески И.-В. 32, 158
Вессельски А. 118
Вийкберг Ю. 129
Виксна А. 114
Вилип И. 31
Вилсон А. 152
Вильде Э. 158
Виргиниус А. 197, 198
Вирдинг С. 56
Витол Ф. 154
Воейкова Е.А. 185
Вольтер 67

Галилей Г. 36, 42
Ган Г.-Т. см. Хан Г.-Т.
Гарвей У. 42

Гаусманн И.-М. см. Хаусманн
И.-М.

Геббель К.-Ф. см. Хеббель
К.-Ф.

Гегель Г.-В.-Ф. 94, 112,
135

Гейбель К.Г. 106
Гейне Г. 112

Гельман Х. см. Хельман К.
Ген В.-А. см. Хен В.-А.

Ген К. см. Хен К.-Г.-Ф.
Гендель Г.-Ф. 193

Генрик Латыш см. Хенрик Ла-
тыш

Герике О. 43

Герке А. 141, 143

Геркель Т. 187

Герман К.-Т. см. Херман К.-Т.

Гёте И.-В. 112, 188, 189,
195

Гетелашвили И. 171

Гецелиус И.-Г. 47

Гизе И.-Э.-Ф. (Ф.И.) 100

Гильберт У. 42

Гиппиус А.-В. см. Хиппиус
А.-В.

Гиргенсон И. 162

Глазенапп К. 162

Глинка Г.А. 67

Гоббс Т. 47

Гогешавили Я. 169

Гоголь Н.В. 108, 195

Гойновиус М. см. Хойновиус
М.

Голицын А.Н. 65, 69, 70

Голландер Б.-А. см. Холлан-
дер Б.-А.

Голландер И.-Г. см. Холлан-
дер И.-Г.

Гольцман К.-А. см. Хольцман
К.-А.

Гольберг Л. см. Хольберг Л.

Гораций 112

Горлов И.Я. 75

Гофман Э.К. см. Хофман Э.-Р.

Грабарь В.Э. 86

Грапманис Р. 142, 143

Гревинк К.-А.-К. (К.И.) 107,
140

Грөнберг Т. 160

Гримм В. 118

Гримм Я. 118

Гриндель Д.-И. 140, 143

Гринев В. 75

Гросс Р. 162

Гроций Г. 47
Грубе В. 176
Грундман Г. 37
Гулёке И.-Г. 149
Гулисавили Д. 170
Густав II Адольф, король
Швеции 36, 197
Гут И.-С.-Г. см. Хут И.-С.-Г.
Гуцков К. 189

Далакашвили В. 171
Даламбер Ж.-Б. 108
Дауге А. 142, 154, 155, 157,
158, 163

Дауге П. 115
Деканосидзе Т. 166, 167
Декарт Р. 42, 47
Деллен А. (А.А.) 105, 176
Джавахишвили И. 169
Джорджадзе А. 169
Джусто да Урбино 128
Дзирне Я. 140, 142
Дильбергер С. 60
Димберг С. 47
Дицель Г.-Р.-А. 80, 88
Домбровский Р. 154
Доницетти Г. 188
Дрейманис П. 153
Дьяконов М.А. 86

Едилашвили Э. 171
Елиашвили М. 171

Жгенти Д. 170
Жиряев А.С. 94
Жоржориани М.Н. 172
Жуковский В.А. 108, 175
Жуковский Н.Е. 108

Зайончковский Н.И. 86
Заринь Э. 140, 142
Земмер А. 141
Земмер Э. 141
Зенфф К.-Э. 66
Зиле М. 142, 163
Зубалашвили З.М. 167

Иван IV Грозный 67
Иванов И.И. 81
Иванов Н.А. 75
Ивановский И.А. 73, 74
Игнатовский А.С. 107
Иерне (Хярне) Т. 26
Иконников В.С. 107
Имнадзе В. 172

Имшенецкий В.Г. 101
Иннокентий 65
Иноземцев Ф.И. 74, 76
Ирд К. 125
Исаков С.Г. 152, 166-168
Ифланд А.-В. 189, 190

Каарде Й. 32
Калиш Д. 188
Каллас О. 27
Калмыков П.Д. 73, 74, 75
Калнынъ О. 141
Калнынъ П. 154
Калнынъ Э. 142, 158
Кангро К. 162, 164
Канделаки С.П. 172
Кант И. 112, 155
Карамзин Н.М. 67
Карл XI, король Швеции 61
Карл XII, король Швеции 62
Карно Л. 108
Карстен В.-И.-Г. 67, 68
Каспарсон К. 141, 153, 154,
156, 157

Кассини Дж.-Д. 118
Каудзите Р. 149
Каулынъ Я. 142, 153, 156,
158

Казлас А. 180
Кватарадзе Д. 171
Квиркелия П.М. 171, 172
Квиташвили А. 171
Кельх Х. 60

Кенкмаа Р. 59
Кеплер И. 42
Кёрнер Т. 188, 193, 195
Кигурадзе Д.Л. 172
Кигурадзе Л. 171
Кизеветтер И.-Г.-С. 67, 68
Кизерицкий Г. 160

Кикаука П. 142
Кикина Пшавела см. Бадураш-
вили С.
Кингисепп Г. 32
Кинкел Г. 96
Кирхенштейн А. 142, 143,
164

Клаассен О.-М. 129
Клдиашвили Д. 169
Клейст Г. 188, 189
Клемент Ф. (Т) 6
Клинггер Фр.-М. (Ф.И.) 187
Кнауэр Ф.И. 106
Книрим И.-К.-В. 160, 161
Коберидзе М. 171

- Ковалевский Я. 158
 Когермак П. 31, 32
 Козлов Н.И. 106
 Колумб Х. 41
 Коменский Я.-А. 47
 Конкс Я. 129
 Концюс Я. 61
 Коорт А. 32
 Копёрник Н. 41
 Корнух-Троицкий П.П. 74
 Котельников П.И. 74, 101
 Котетишвили В. 171
 Котляревский А.А. 106
 Кох А. 92, 93
 Коцебу А.-Ф.-Ф.(Е.) 195
 Коцебу О.Е. 105
 Красножон М.Е. 86
 Крашенинников М.Н. 87
 Крейцвальд Ф.-Р. 126, 127
 Креллиуз И. 56
 Кресльнх К. 141
 Криз Ф. 68
 Кромби А. 38
 Кронвалд А. (О.) 144-149
 Крузенштерн А.-И. (И.Ф.) 70
 Крумберг А. 153, 157, 158
 Круус Х. 31, 32
 Крюков Д.Л. 74
 Куду Эльза 125-127
 Кузнецов С.В. 86
 Кулаковский Б. 154, 155
 Кульд Х. 184
 Кундзинь Л. 141, 142, 164
 Кунцын А.Л. 70
 Купфер К. 161
 Купчис Я. 142, 164
 Курчинский В.П. 107
 Куторга М.С. 73, 74
 Куторга С.С. 73, 74
 Кутузов М.И. 175
 Кяер-Кингисепп Элизэ 32
 Кюне И. см. Ленц И.-Р.
- Левинский Г.В. 177
 Лейст Э.Г. 180, 182
 Ленц (Кюне) И.-Р. 189
 Ленц Х.-Ф.-Э. (Э.Х.) 105, 108
 Леонардо да Винчи 40, 174
 Лепукалн А. 143
 Лермонтов М.Ю. 112
 Лесник М. 154
 Лессинг Г.-Э. 194
 Ливен В.К. 113
 Ливен К.А. 65, 67, 68
 Ливентал А. 141
 Ливентал К.-А. 141, 160
 Лиопинь Р. 153
 Линкберг А. 32
 Липпмаа Т. 31, 32
 Лихтенберг Г.-Х. 67
 Лобачевский Н.И. 101, 108
 Ломбозо Ч. 155
 Лоренц И.-Ф. 68
 Лорцинг А. 188
 Лудениус Л. 56
 Лунин М.М. 75, 176
 Лусис Я. 141, 164
 Духа А. 31, 32
 Любовский П. 75
- Магеллан Ф. 41
 Магницкий М.Л. 69, 70
 Маддисон О. 32
 Мазинг Г.-Л. (Л.К.) 87, 168, 180
 Мазинг У. (Х.) 128
 Майзите Я. 142, 164
 Максимович М.А. 104
 Малькхут Л. 62
 Мальмберг В.К. 87
 Манд - по-видимому, неточность источника; не удалось идентифицировать 192
 Манджавадзе Ф.А. 172
 Маргвелашвили Г. 171
 Маркс К. 92, 114, 115, 154-157
 Марр Н.Я. 169
 Мартынов И.И. 70
 Мацон Ю.-Ф. (Ю.И.) 106
 Махарадзе Г. 171
 Месбурашвили И. 171
 Мелер А. 162
 Мей П. 162
 Мейер Р. 162
 Меликишвили Н. 171

Менделеев Д.И. 107, 108, 178
Мениус Ф. 26
Меркель Г.-Х. 96
Миасковский А. 162
Миддендорф А.-Т. (А.Ф.) 106
Миквиц Ю.-Ф.-Э. 194
Микельсон (Михельсон) Я. 142,
143, 164, 166
Микрелиус И. 198
Миленбах (Мюленбах) К. 141,
163
Миллер В. 197
Михельсон Я. см. Микельсон Я.
Мюберг О. 61
Мойер И.-Х. (И.Ф.) 176, 195
Моора Х. 31, 32
Мор Т. 155
Моргенштерн И.-К.-С. 175,
176
Моцарт В.-А. 193
Мревлишвили Н. 171
Мукке И.-Р. (Р.П.) 87
Муратов А.А. 106
Мюленбах К. см. Миленбах К.
Мюллер Э. 139
Мюллер А. 195

Нарбут Т. 60
Натишвили Г. 117
Невзоров А.С. 85-87
Нейкирх Й.-Х. (И.Я.) 105
Никитский А.В. 85, 87
Николай Кузанский 40
Николай I 74-76, 91
Нилиц К. 187, 188
Нинидзе К. 172
Нисанович 62
Ницше Ф. 155
Ницше Ф.-А. 92
Нурмекунд П. 128
Нут Ю. см. Нуут Ю.
Нуут Ю. (Нут) 32
Ньютон И. 43, 47

Ободовский А.Г. 108
Овийр Э. 127
Одынь И. 139
Озе Я.Ф. 87, 140
Озенбругген Э. 91-96
Озол А. 141
Озолин П. 142, 143
Олидаровус А.-А. 60
Ольдендорп 125
Ольрик А. 120
Опиц М. 56

Орвику К. 32
Орлов А.Ф. 95
Ортутай Д. 121
Оствальд В. 161
Отто К.-Э. 195
Оэттель К. 147

Павловский И.Я. 102
Палевиц Ю. 158
Пал(ь)дрок А. 31, 184
Папава А. 170, 171
Паррот Г.-Ф. (Е.И.) 67,
68, 175, 176, 186
Паррот И.-Я.-Ф.-В. (Ф.Г.)
103, 107
Паукул(ис) Э. 141, 142, 164
Паули С. 56
Паулуччи Ф.О. 191
Пезе де Корваль Ш. 92, 95,
96
Пеиер У. 60
Перанди А. 30
Пергамент М.Я. 86
Перовщиков Д.М. 104, 107
Перингер Г. 61
Петерсон К. 141
Петр I 46, 67, 175
Петровский В. 101
Петухов Е.В. 84, 85, 87,
177
Пипкалейс П. 153
Пирогов Н.И. 74, 106, 176,
195
Писаржевский Л.Н. 107
Плакис Ю. 133, 135
Плиекшан Я. см. Райнис Я.
Подвысоцкий В.И. 106
Подвысоцкий В.В. 107
Поло М. 39
Поол Э. 188
Приманис Е. 142
Прокопович Ф. (Элеазар) 100
Поцхверашвили К.Г. 169
Пуксоо (Пуксов) Фр. 197
Пусеп Л. см. Пуусепп Л.
Путнын (Путнинш) Э. 142,
143, 163
Пуусепп (Пусеп) Л. 31
Пуф(Ф)ендорф С. 47, 62
Пфефер 144
Пфлаум Х. (П) 160
Пэегель Ю. 128

Радищев А.Н. 67
Райнис (Плиекшан) Я. 115

- Рамат К. 140
 Рамуль А.-И. 180
 Рамуль К. 32
 Раупах К.-Э. 194, 195
 Раупах Э. 192, 194
 Раутенфельд С.-Х. 160
 Ребане К. 17
 Редкин П.Г. 74, 75
 Рейтер И. (Ятниекс Я.) 59,
 60, 138, 139
 Рейхерт К.-Б. 92
 Рейц Д. 59
 Рентген В.-К. 160
 Рижский И.С. 176
 Ривиус (Рувийс) И.-Ф. 60
 Рийс А. 125
 Рикардо Д. 112
 Роберт Гроссетест 38
 Розе(н) Б. 198
 Розенталь Э. 180
 Розиньш Ф. 115, 141, 153-
 155, 157, 158
 Ролфинк В. 57
 Роотс Э. 30
 Роотсмязэ Т. 31
 Ростовцев М.И. 138, 139
 Ростовцев С. 75
 Ротунд А. 60
 Руберт(с) Я. 140, 142, 162,
 163
 Рувийс И.-Ф. см. Ривиус И.-Ф.
 Румовский С.Я. 67
 Рунич Д.П. 69, 70

 Саблер Е.Е. 75, 76
 Савич А.Н. 75, 77
 Саломон бен Арон 62
 Сараджишвили В. 169
 Сарв Я. 28, 158
 Сарковиус Д. 55
 Свенсон А.Э. 106
 Свирловский Э. 142, 164
 Сейман Э. 30
 Секкендорф Р.-А. 194
 Сеченов Я.М. 108
 Сёзберг Р. 182
 Сиамашвили Н. 172
 Сиверс Е. 160, 161
 Синайский В. 164
 Скаледовский Н.Л. 74, 76
 Скуя А. 153
 Смит А. 112
 Снелль И.-В. 193
 Снелль Ф.-В.-Д. 68, 69, 70
 Сникер П. 142

 Соколов В.П. 86
 Сокольский В.В. 106
 Сокольский Г.И. 74
 Соловьев С.М. 46
 Соломенцев Д.П. 127, 128
 Соломенцев И.П. 127, 128
 Сперанский М.М. 175
 Спиноза Б. 47, 155
 Стадион В.М. 106
 Сталин И.В. 6
 Стеллинг-Мишо С. 37
 Струве Г.-А. 57
 Струве Ф.-Г.-В. (В.Я.) 66,
 76, 101-104, 107, 176
 Струдза А.С. 65, 69
 Стучка П. 115
 Суворов А.А. 190
 Суйтс Г. 27
 Сулукхия Д. 171
 Сумцов Н.Ф. 173, 174

 Талзын М.И. 105
 Тамишвили Ир. 166, 167
 Тамман(н) Г.-Х.-И.-А. 180
 Таммеканн А. 31
 Темпельманн И.-К. 61
 Тёпфер К. 192, 194
 Тёрфе - по-видимому, неточ-
 ность Г.Шульца; вероят-
 но - Тёпфер К. (см.)
 Техвер Ю. 32
 Тийсман(н) Х. 127, 128
 Тимшан С. 114
 Тихомиров Н.И. 86
 Толстой Л.Н. 178
 Томс Г. 160, 161
 Томсон Х. 141
 Тохадзе В. 171
 Траутфеттер Э.-Р. (Р.Э.)
 105-107
 Трей Ф. 163
 Трей Х.-П.-Ф. (Г.) 161
 Трейман Г. 162
 Трес К. 140
 Трумялис И. 26
 Туманнис И.-К. 61
 Тун Леонтина 195
 Тютрюмов И.М. 31

 Уваров С.С. 76, 91
 Унгери-Штернберг А. 194,
 195
 Уппендорф И. 62
 Урбан УШ (Барберини М.),
 пала 37

Фатер И.-С. 67
Федоров В.Ф. 102-105, 107
Фейербах Л. II5
Фейеррайзен К. 194
Фелсберг И.-Э.-Т. (Э.Р.) 162,
163

Фельман Фр.-Р. 92
Ферманис Э. 163
Филиппов А.Н. 86, 89
Филомафийский А.М. 74
Фишер К. 173
Флор Г. 140
Флотов Ф. 188
Фонвизин Д.И. 195
Фортинский Ф.Я. 84, 88
Фрёбелиус М. 194
Фрезе Б. 162
Фрейтаг Г. 188
Фридрих Барбаросса 38
Фусс Н.И. 65, 67, 68, 70

Хаген А.-М. 92, 95
Хакен О. 91, 93
Хан (Ган) Г.-Т. 178
Хассельблат А. 182
Хаусманн (Гаусманн) И.-М. 101
Хёббель (Геббель) К.-Ф. 188
Хелашвили В. 171
Хелманис К. (Гельман Х.) 141
Хен (Ген) В.-А. 91, 92, 94-
96

Хен (Ген) К.-Г.-Ф. 160, 161
Хенрик (Генрик) Латыш 132
Хензел Ф. 162
Херман (Герман) К.-Т. 68
Хермелин О. 62
Хертелис А. 158
Херхеулидзе Г. 171
Херхеулидзе М. 171
Хессельберг Х. 132
Хиппиус (Гиппиус) А.-В. 192,
193

Хирсели Г.К. 171, 172
Хирсели Х. 171
Хойновиус (Гойновиус) М. 61
Холландер (Голландер) Б.-А.
162
Холландер (Голландер) И.-Х.
162
Хольберг (Гольберг) Л. 195
Хольцман (Гольцман) К.-А. 180
Хоффман А.-Ф.-Ф. 127
Хофман Э.-Р. (Гофманн Э.К.)
105
Хумал А. 32

Хундадзе Г. 171, 172
Хурт Я. 147
Хут (Гут) И.-С.-Г. 100
Хярне Т. см. Иерне Т.

Цёге фон Мантейфель В.-М.-Ф.
(В.Г.) 171
Церетели А. 169, 170
Церетели Г.Ф. 87
Цихориус Л.-Э. 126
Цильхерт О.-А.-Х. (О.К.)
106

Чекановский А.Л. 102
Чернинг А. 56
Чернова Г.А. 128
Чивильев А.И. 74
Чигогидзе В. 172
Чиразе В. 170
Чхеидзе М. 171
Чхенкели М. 117

Шатиллов А.Н. 167
Шаурумс Г. 152
Шауэр И.-Г. 60
Швейцер А. 125
Шверин Л. 187
Шёберг Г. 61
Шевченко Т.Г. 108
Шекспир В. 188, 194
Шелениус Я. 56
Шервашидзе К.Т. 171, 172
Шефер 144, 146
Шидловский А.П. 104
Шиллер Фр. 188, 189, 192,
195

Шимановский Ю.-А.-Н. (Ю.К.)
106

Шиховский И.О. 74, 76
Шихов А.С. 70
Шкляревский П.И. 74
Шмидеберг И.-Э.-О. 140, 143
Шмидт К.-Э.-Х. (К.Р.) 107
Шмидт Ф.-К. (Ф.Б.) 102
Шмурло Ф.Ф. 86
Шнсе Х.-Х. 194
Шомерус Э. 26
Шопенгауэр (Шопенгауэр) А.
155

Шрамков П.П. 74
Шрёдер 125
Шренк Э. 162
Штакельберг Э. 160
Шторх А.И. 74
Штрюмпель Л.-А.-Х. (Л.Г.)
145

Шульц Г.-Ю. 193, 194
Шульц Я. 142
Шуманский А.Н. 74
Шурпе Э. 141
Шютте Й. 197, 198
Шютце Х.-Д. 92, 93

Эберхард Й. 59
Эйзен М.-Ю. 116
Эйлер Л. 65
Эйхельман О.О. 106
Экштейн Э. 154, 158
Энгель М.-И. 194
Энгельс Фр. 114, 115, 154,
157

Эндзелин Я. 133-136, 140,
143, 162, 163

Эпик А. 31
Эпик Э. 31
Эразм Роттердамский 83
Эрдман М.-Ю.-Фр. 92, 95
Эрингсон Линда 59
Эриваста К.Д. 172
Эрманис Я. 153
Эрниц В. 27

Юргенсон Д.-Х. 26
Юрисон Ю. 128, 129
Юнгиус И. 56
Юрович П. 142

Языков Н.М. 103
Якобсон К.-Р. 148
Яковлева Е. 143
Янковский Я. 142
Янсон Я. 142
Янсон (Браун) Я. 115, 154,
156, 158
Ясинский А.Н. 81, 86-88,
138
Ятнекс Я. см. Рейтер Й.

СОДЕРЖАНИЕ

А. Кооп. О некоторых закономерностях и функциях развития Тартуского госуниверситета (1940-1980 гг.)...	3
Я. Лаас. Тартуский государственный университет в системе организации науки в Эстонской ССР	12
М. Рейнфельдт. Формирование национальных научно-педагогических кадров в Тартуском университете	26
Г. Цверева. Основание Тартуского (Дерптского) университета в контексте истории европейских университетов	36
А. Теринг. О связях Тартуского университета с другими академиями в XVII-начале XVIII вв.	47
Э. Гячяускас. Тартуский университет в XVII веке и Литва	59
Е. Ожигова. Тартуский (Дерптский) университет начала XIX в. в архивных материалах ученого комитета Главного правления училищ	64
В. Тамул. О составе воспитанников Профессорского института Тартуского (Дерптского) университета в 1828-1838 гг.	72
В. Бойков. Историк П.Н.Ардашев и Тартуский (Юрьевский) университет	79
Х. Стродс. Отзвуки идей революции 1848 г. в Тартуском (Дерптском) университете	90
Я. Матвишин. Научные связи между Киевским и Тартуским (Дерптским, Юрьевским) университетами (1834-1917 гг.)	100
П. Валескали. Студенты Тартуского (Дерптского, Юрьевского) университета - активные участники "младолатышского движения" и "нового течения"	110
Э. Лаугасте. О роли Тартуского университета в деле развития международной фольклористики	116
А. Дридзо, Э. Йнесаар. Тартуский университет и развитие отечественной африканистики (Некоторые итоги и перспективы)	123
З. Мегне. Вклад А.Биленштейна и Я.Эндзелина, выпускников Тартуского (Дерптского, Юрьевского) университета в развитие топонимики в Латвии	131
А. Вискна. Латышские профессора - воспитанники Тартуского (Дерптского, Юрьевского) университета	138

Х. Муони. Атис Кронвад в Тарту	I44
С. Тимман, А. Вискна. О деятельности литературно-научного общества латышских студентов Тартуского (Дерптского, Юрьевского) университета в конце XIX века	I51
И. Гросвад. Вклад воспитанников Тартуского (Дерптского, Юрьевского) университета в развитие Рижского политехникума, Рижского политехнического института и Латвийского университета	I59
Р. Сурменидзе. Грузинское землячество в Тартуском (Юрьевском) университете	I66
И. Наумов, Ю. Гайдук. Отчет Н.Ф.Сумцова о праздновании в 1902 г. юбилея Тартуского (Дерптского, Юрьевского) университета	I73
Р. Руутсоо. Конкурсные работы студентов Тартуского (Юрьевского) университета в конце XIX - начале XX веков и их значение для формирования национальных кадров	I80
Э. Кампус. Театральная жизнь в Тарту в период запрета публичной театральной деятельности (1812 - 1867)	I86
В. Хаамер. Типография Тартуского университета - первая типография в Эстонии	I97
Указатель имен	I99

Г руб. 80 коп.